

ГОДЫ МОЛЧАНИЯ

Бахаи в СССР

1938 — 1946 гг.

Воспоминания Асаду'ллы 'Алйзāда

Перевод с персидского на английский: Бахарие Роухани Ма'ани

Перевод с английского на русский: Владимир Чупин

Содержание

ГОДЫ МОЛЧАНИЯ	1
Бахаи в СССР	1
1938 — 1946 гг.	1
Предисловие	5
ВВЕДЕНИЕ	8
1 Развитие Веры в Советском Союзе:	10
Период до революции 1917 г.	10
Период после революции 1917 г.	10
Начало религиозных преследований общины бахаи	10
Отзыв разрешений на проживание	11
Увольнения	13
Преследования ужесточаются	14
Дальнейшие аресты	17
2 Последствия массовых арестов бахаи	22
3 Героизм и стойкость женщин-бахаи	25
Встреча с Кудсийе Х̄анум-и Кудс̄и	26
Репатриация женщин в Иран	27
Как репатриировали женщин	27
Прибытие высланных женщин в Иран	28
4 Город ‘Ишқ	30
5 В тюрьме	32
Трудности 22 месяцев заключения	33
Как мы спали	34
Повседневная жизнь в тюрьме	34
6 Случаи в тюрьме	36
Обед с трагическим завершением	36
Вши и пот	38
7 Две жизни	39
Жизнь Āqā Gulāma-и Aḥmadova	39
Допрос Āqā Mīr ‘Alī-и Ṣalāḥova	40
8 Жизнь и смерть в тюрьме	42
Времяпрепровождение	42
Полночная проверка	42
Джинāб-и х̄аджй ‘Алй Казимзаде Арбāб	43
Āqā Zabīḫu’ llāḫ — второй сын джинаба-и х̄аджй ‘Алй Арбаба	45
9 Допросы	46
Джинāб-и д-р Зайн	47

Мой допрос (Асаду'ллах 'Ализад)	48
10 Дальнейшие допросы.....	50
История, которую стоит услышать	50
Допрос г-на Фатиhi и инженера Афaqa.....	50
Г-да Хидайат'ллах и 'Абду'л-Халик.....	51
Амину'ллах Ибраhим и г-н Басим.....	51
Позорная сцена.....	52
Трагедия.....	53
Г-н Амину'ллах Ахгар.....	53
11 Погибшие друзья.....	55
Устад Муhаммад-и Акбарй.....	55
Г-н Манучер Асбакй.....	55
Ака Хусайн-и Джа'фаров Бушруйих'й, Ака 'Али Джиддй, 'Али Ака 'Алимдуст, Ака Михдй Раджаб-'Али и Фадльу'ллах Фаххар.....	55
Джинаб-и Ака Насру'ллах Арбаб.....	56
Трое детей г-на 'Али-Асгара Манй.....	56
Ака Таразу'ллах Гульпайганй.....	57
12 Изменения.....	60
Последний протокол.....	60
Предыдущее повествование.....	60
Приготовления к репатриации заключённых в Иран	60
Возвращение в камеру.....	61
Освобождение Устада Муhаммада-Риды Мукинй.....	61
Эта стадия тоже подошла к концу.....	62
Дружеские связи между заключёнными.....	62
13 Последние дни в тюрьме.....	63
Ожидание изгнания во дворе тюрьмы	63
Отъезд из тюрьмы.....	64
14 В изгнании	66
Прибытие в Петухово	66
Северный Казахстан	66
Совхоз	66
Поездка из Петухово в совхоз.....	66
Характер работы в совхозе.....	67
15 Ферма № 2.....	69
Наш первый день работы на ферме.....	69
Встреча работников	69
Ряд инцидентов в Казахстане.....	70
16 января	71
Ещё одна история.....	71

16 Жизнь на ферме.....	73
Масйху’ллāх и Бадй’у’ллāх	73
Причиной проблем часто была наша неопытность и недостаток мастерства.....	73
Мы усвоили важный урок	74
Сотрудничество и помощь	75
Трудности второй половины декабря	75
Посылки от друзей	76
Десять кончиков пальцев	77
Новая жизнь.....	77
17 Женщины, сопровождавшие изгнанников в Сибирь.....	79
‘Азйме Хāнум, жена Āқā сиййида Ахмада-и Назмй, арестованного в первую ночь; а также Қудсийе Хāнум, жена Āқā ‘Алй-Қулй Джалйй (дочь Āқā Гулāма Бāбйева).....	79
Мйсāқййе и Джамāлййе, дочери Āқā Асад’уллы Ахмадова:.....	79
Мақāmййе Хāнум — жена Амйну’ллы Ибрāхймй.....	80
17 Бахаи, арестованные в Сибири	81
Друзья, арестованные в Северном Казахстане.....	81
Арестованные в Павлодаре	81
Перевод ряда бахаи в Марьевку	82
Хорошая новость.....	82
Āқā сиййид Ридā Армағāнй.....	83
19 Друзья в Сибири.....	84
Те, кто умер в Сибири	84
Āқā Хāбйбу’ллāх	84
‘Алй Хāн	84
‘Алй-‘Аскар Ускў’й	85
Умершие в совхозе «Октябрьский»	85
Список людей, поселившихся в совхозе «Октябрьский».....	86
Бахаи, поселившиеся в Сибири постоянно.....	87
Северный Казахстан	87
Конфискация архивных материалов	87
20 Отъезд в Иран.....	89

Предисловие

Печальное повествование об изгнании и странствиях верующих, высланных из Ашхабада в начале 1930-х гг., напоминает горестную поэму, сложенную в мрачных сумерках осени. Детство людей, подобных мне, выросших в одной из семей этих изгнанников, было наполнено таинственными и двусмысленными образами, рождёнными из личных и часто неожиданно обрывааемых бесед их родителей, друзей и родственников,— образами, из которых и состоят их воспоминания об этом болезненном периоде истории Веры, поскольку никто никогда не говорил открыто о нём, опасаясь, с одной стороны, русского КГБ, а с другой — персидской Службы Безопасности, следивших за каждым шагом изгнанников. Например, мы знали, что нашему отцу не разрешалось путешествовать свободно; чтобы уехать из города, ему необходимо было разрешение от персидской Службы Безопасности. Или, например, из личных и казавшихся нам отрывочными бесед между нашими родителями, резко прекращавшимися, когда мы появлялись рядом, мы знали, что муж одной из наших соседок вернулся после двадцатипятилетней ссылки в Сибирь.

Иногда мы замечали, что мать прячет от нас какой-то лист бумаги, и при этом глаза её полны слёз. Впоследствии мы узнавали, что пришло письмо от нашей бабушки из Ашхабада. Через несколько дней мать восстанавливала свои силы и, загоревшись надеждой и энергией, начинала говорить о том дне, когда двери Ашхабада откроются и Божии пророчества исполнятся, и что бабушка уже почти ослепла и ничего не видит, но всё равно не хочет покидать Ашхабад. Мы ничего не могли понять. Мы упорно задавали один и тот же вопрос: «Все её дочери в Иране, оба её сына погибли — один под пытками в тюрьме, другой — при землетрясении. У неё в Ашхабаде никого нет. Почему она не уезжает?» Преисполнившись духовного восторга и с чувством искренней гордости она отвечала: «Если только мать не вынудят покинуть Ашхабад, она никогда не сделает этого. Она подчиняется наставлениям возлюбленного Хранителя, который увещевал пионеров не покидать свои пионерские посты».

Иногда вечером, когда отец был в хорошем настроении, мы закрывали двери нашего дома и просили его рассказать нам о его тюремном заключении и ссылке в Сибирь. Когда отец начинал говорить, в комнате воцарялась абсолютная тишина: «Друзья знали, что их арестуют и посадят в тюрьму, но, как и советовал возлюбленный Хранитель, были полны решимости не сдаваться и не уезжать, пока их не депортируют. Каждый день они слышали, что кого-то из верующих арестовали, и ждали, что вот-вот очередь дойдёт до них». Как и многие другие, отец не хотел, чтобы его арестовали на глазах у детей. Поэтому, ожидая ареста, он целыми днями бродил по улицам.

Когда отец подходил к моменту своего изгнания в Сибирь, он рассказывал о многих днях и ночах, проведённых в закрытых вагонах, в которых не было ни одной отдушины во внешний мир. Он повествовал о жестоком холоде и шагах солдат по крыше вагона. Когда он достигал этого момента, кровь застыла у нас в жилах, и мы не могли справиться с нервно стучащими зубами. Тогда отец внезапно останавливался и менял тему: «Хвала Богу, хвала Богу, всё кончилось хорошо, и теперь уже в прошлом». Но мы хотели слушать дальше и дальше... Мы хотели узнать, что произошло, когда дверь вагона открылась и заключённые, в своей скудной ашхабадской одежде, ступили на сибирский снег.

Многих вещей мы, дети, не могли понять: почему, несмотря на все страдания, отец до сих пор говорил о Сибири с таким душевным волнением? Почему дядя сийид Ахмад, после освобождения из тюрьмы, по собственному желанию остался в Сибири? Отец на это отвечал: «Когда двери откроются, вы увидите, как много у нас бахаи в Сибири, как много Собраний»,— и это вызывало в нас недоумение. В конце концов, жена, сын и две дочери дяди Ахмада находились в Иране. Когда дядя простался, он сказал отцу: «Нас выпустили, но мы не обязаны уезжать. Из покорности возлюбленному Хранителю я останусь. Где можно учить лучше, чем здесь?» Я не знаю, что подумал бы об этом обо всём мой двоюродный брат Ридвân. Я даже никогда не видел своего дядю. Я не верю, что мой двоюродный брат тоже помнит своего отца. В конце концов, дядя Ахмад все эти годы был в Сибири, а дети его росли в Иране.

Однажды мы услышали очень странные вещи! Отец и мать постоянно о чём-то тайно шептались; мы узнали, что наши двоюродные братья и сёстры получили российскую визу, чтобы поехать и посетить своего отца в Сибири. Последнее моё воспоминание о Ридвâne связано с тем днём, когда он пришёл попрощаться. Он был столь счастлив, что отдал моему брату свой любимый ручной фонарик. Я отчётливо помню, что когда он вышел из дома на улицу, мне показалось, что он постепенно исчезает в густом тумане. Мы никогда больше не видели Ридвâна. Однажды, несколько месяцев спустя, отец возвратился домой очень печальным. Он не мог ни с кем говорить. Мы узнали впоследствии, что наш дядя умер в Сибири от сердечного приступа, так и не увидевшись со своими детьми. Его сердце не выдержало радостной вести о прибытии детей. Ридвân и его сёстры так никогда и не смогли вернуться в

Иран. Им не разрешили это сделать, потому что они родились в России и их родители были российскими гражданами. Мы больше ничего не слышали о них.

Однажды опять пришёл один из тех странно выглядящих конвертов, мать плакала над ним и никак не могла остановиться. Сквозь её мучительные рыдания мы поняли, что умерла бабушка. Она достигла своего заветного желания — умерла в любимом Ашхабаде и была похоронена рядом со своим выдающимся мужем. Вскоре после того, как умерла бабушка, раскрылась и тайна смерти нашего дорогого дяди. Один из верующих Ашхабада, когда его выпустили из тюрьмы, рассказал матери, что по пути в особый кабинет для допроса он случайно увидел дядю на его смертном одре, избитого и покрытого кровью после пыток. Находясь в таком состоянии, дядя заставил его поклясться, что он ничего не скажет его матери о том, что видел. Сейчас, когда бабушка умерла, эту мучительную истину можно было раскрыть.

В телеграмме, адресованной друзьям в Ашхабаде и датированной 30 декабря 1937 г., посланной через Зияуллу Асгарзаде в Лондоне, возлюбленный Хранитель писал: «ПОЖАЛУЙСТА ТЕЛЕГРАФИРУЙТЕ АШХАБАДСКОМУ СОБРАНИЮ ОТЪЕЗД ДРУЗЕЙ ИРАН ЧРЕЗВЫЧАЙНО ПАГУБЕН. ДОПУСТИМО ИЗМЕНЕНИЕ ГРАЖДАНСТВА ПРИ НЕОБХОДИМОСТИ. МОЛЮСЬ ГОРЯЧО ЗАЩИТЕ».

История жизни ашхабадских пионеров наполнена душераздирающими и скорбными, но, тем не менее, вселяющими надежду воспоминаниями. Посреди мучительных страданий они никогда не утрачивали надежду на то, что однажды двери откроются, семьи воссоединятся, Машриқ аль-Азкар будет вновь отстроен. Сегодня многие из тех людей, пламенно влюблённых в Бахауллу, уже покинули нас, и мир более не услышит биения их горячих сердец, наполненных единственным желанием — служить Его славному Делу. Железный занавес рухнул и двери действительно открылись, но многие героические повествования и исторические события останутся навечно похоронены в лоне земли вместе с прахом тех чистых душ, что остались стойкими и не променяли свою веру на сей преходящий мир. Эпизоды эти навсегда останутся покрытыми завесой тайны.

Описание того, что вынесли друзья в Ашхабаде, сделанное г-ном 'Алйзāде, — уникальный рассказ, написанный с любовью, искренне и простыми словами. Его повествование не только сохраняет для потомков исторические события 1938—1946 гг., но и разрешает множество сложных вопросов, до сей поры скрытых туманом неясности. Его рассказы возвращают к жизни имена тех, кто пожертвовал собой во имя подчинения желаниям возлюбленного Хранителя, и побуждают нас сегодня возносить за них молитвы с уверенностью в сердцах и с ясными мыслями, и служить Делу Божиему в память о них, — особенно в тех странах, что прежде томились за железным занавесом.

Книга, которую вы сейчас держите в руках и которая получила название «Годы молчания», готовилась не для публикации. Это отчёт, который г-н 'Алйзād написал по просьбе г-на Хушманда Фатеазама,¹ уважаемого члена Всемирного Дома Справедливости, после возвращения из паломничества в январе 1973 г. Он затем передал его на хранение в архив Всемирного Центра Бахаи. Внимание к деталям, энтузиазм и любовь, которыми пронизаны все эти заметки, составленные почти через 35 лет после описываемых событий, свидетельствуют о неизгладимых впечатлениях, оставленных этими событиями в сердце и душе г-на Алйзāда.

В автобиографическом примечании о своей жизни г-н 'Алйзād пишет: «Я родился в фанатичной мусульманской семье, в городе Бушруи, в 1910 г. Мне было три года, когда мой отец, мирза Хади Рахнама, принадлежавший к одной из выдающихся семей Бушруи, отправился в город Ашхабад, а через некоторое время — в Ташкент. Именно в этом городе он встретил Устада Абдул Карим Мимара, учителя-бахаи из Йезда, и через него признал Бахауллу. Мой отец всю жизнь уважал Устада как своего духовного отца.

Когда новости о том, что мой отец принял новую веру, достигли нашего города, моя мать развелась с ним, и я был усыновлён моей престарелой бабушкой. В результате моя сестра и я были разделены с нашими родителями. После Первой мировой войны мой отец вернулся в Бушруи. Он пришёл в кам в полночь. Первое воспоминание о моём отце связано у меня именно с этой ночью, когда я сидел у него на коленях, — до этого я слышал только его имя и совсем не знал его.

Мой отец был смелым, поистине бесстрашным человеком, и сразу по прибытии он начал открыто учить Вере, превратившись в цель для фанатиков, этих ничего не желающих знать врагов Веры в городе. Тем не менее, по милости Бога он смог вынести все их атаки. Несмотря на это, когда начались разговоры о том, чтобы убить его, ему пришлось покинуть Бушруи и уехать в Ашхабад. Я сопровождал отца, а все остальные члены семьи остались в Бушруи. В июне 1919 г., несмотря на небезопасные, из-за отступления меньшевиков, дороги, мы прибыли в Ашхабад и остановились в доме моего сводного дяди Ага Абдул Рахима. Это был беспорядочный период, так как большевики постепенно захватывали город, а меньшевики отступали, мародёрствуя по дороге. Через некоторое время, 17 июля, большевики совсем заняли город, и установился мир».

После окончания средней школы в Ашхабаде г-н 'Алйзād отправился в 1933 г. в Ташкент, чтобы поступить в училище. 12 мая 1935 г. он женился на Резванйе Гольпайгани, младшей дочери Ага

сийида Мехди Гольпайгани, выдающегося учёного-бахай. До 1938 г., когда всех бахаи уволили с работы, г-н 'Алйзād служил инженером связи на радиостанции Ашхабада.² 28 февраля 1938 г. г-н 'Алйзād был арестован, и в ноябре следующего года, с большим числом других бахаи, был сослан в Сибирь. Его жена Резванийе и их трёхмесячный сын были депортированы в Иран 15 мая 1938 г. Прожив некоторое время у своей старшей сестры Саииде Сахба в Мешхеде, она затем была вынуждена покинуть этот город и переехать в Тегеран. Г-н 'Алйзād присоединился к ней в Тегеране 8 лет спустя, в 1946 г., когда его выпустили из сибирской тюрьмы.

На протяжении нескольких лет г-н 'Алйзād служил старшим инженером связи в Тегеране. В 1970 г., вместе со своей семьей, он отправился пионером в Финляндию. С тех пор они служили Вере в этой стране.

Помимо г-на 'Алйзāда, мы обязаны появлением этой книги также г-же Резванийе 'Алйзād , которая помогала своему мужу на разных стадиях его труда.

Я хотел бы выразить искреннюю благодарность всем тем, кто помогал мне в публикации этой книги и в сборе фотографий для неё. В особенности я хотел бы выразить признательность Архивному отделу Департамента аудиовизуальных средств Всемирного Центра Бахаи.

Фарибурз Сахба

Хайфа, апрель 1999 г.

ВВЕДЕНИЕ

Бахаи получили указание отправляться пионерами за границу и селиться к северу от Персии ещё в конце жизни Бахауллы. Источником этого воодушевления был Абдул-Баха, старший Сын Бахауллы, Которого Он назвал «Величайшей Ветвью» и «Тем, Кого избрал Бог». Абдул-Баха советовал многострадальным и преследуемым иранским друзьям, особенно тем жителям Йезда, которые смогли посетить Святую Землю и достичь присутствия Бахауллы, рассмотреть возможность поехать пионерами в Ашхабад, развернуть знамя Дела Божиего в этом городе и окружающих местностях, и разнести повсюду аромат юной Веры.

По возвращении паломники передавали это послание друзьям у себя на родине. Скоро караваны пионеров-бахаи со всего Ирана, — особенно из Йезда, а позже из провинции Хорасан, которая граничила с Ашхабадом, — начали отправляться в этот город. Так как царское правительство России развернуло обширное строительство в этом городе, занимавшем важное стратегическое положение на границе с Ираном, у вновь прибывших не было никаких проблем с поиском хорошо оплачиваемой работы.

Всепроницающая сила воодушевляющего послания Абдул-Баха к иранским бахаи ехать пионерами в Ашхабад оказала полезное воздействие даже на некоторых мусульман, которые последовали примеру бахаи и стали массово переезжать в этот город. Один из поэтов того времени, имевший обыкновение передавать шаху — в юмористической форме — политические сообщения касательно несправедливостей, творимых властями Хорасана, и обвинявший их в том, что они своими действиями заставляют людей уезжать из провинции, послал следующие стихи шаху через хаджиб ад-дауле (министра двора):

«О хаджиб ад-дауле! Передай шаху благороднорождённому, что человек, рождённый в Хорасане, шлёт тебе такое послание:
"Хотя и ветра, и земля хорасанская тебе принадлежат,
мы избрали дорогу в «Ишк»³, будь то хоть мечеть, хоть церковь».

Очень скоро, в результате непосредственного руководства со стороны Абдул-Баха, Ашхабад, жители которого ранее ничего не знали о Божием Призыве, превратился в значимый центр деятельности бахаи. Ашхабадская община бахаи состояла из самых выдающихся друзей со всего Ирана, разной языковой и национальной принадлежности; более половины были выходцами из Йезда. По этой причине персидский язык, на котором говорили друзья в Ашхабаде, был смесью всех диалектов, но больше всего напоминал речь жителей Йезда.

Среди бахаи из Йезда, поселившихся в Ашхабаде, было несколько искусных строителей и профессиональных архитекторов, которые скоро прославились своей работой. Их наняли инженерами, и они стали заниматься обустройством этого уголка Российской империи.

Ашхабадская община из-за непрерывного наплыва иранских пионеров скоро выросла до степени насыщения, так что друзья начали уезжать пионерами в другие части Туркестана.⁴ Сначала они селились в больших городах — Мары, Чарджоу, Бухаре, Самарканде, Ташкенте; затем в мелких посёлках. Так было поднято знамя со словами «Йа Бахā аль-Абхā», и Призыв Дела Божиего возглашён по всему Туркестану, от Ташкента до самых отдалённых частей Прикаспия.

Когда Абдул-Баха, в самые сложные дни Своего служения, находясь в тюрьме, послал джинāба-и-хāджй вакйль ад-дауле в Ашхабад с заданием построить первый Машриқ аль-Азкār в этом городе, друзья осознали, насколько мудр был Его совет верующим ехать пионерами в эту страну — всё это имело целью подготовить почву для учреждения славного института Машриқ аль-Азкāра. Когда джинāб-и-хāджй вакйль ад-дауле прибыл в Ашхабад, чтобы выполнить указания Абдул-Баха, община бахаи уже была широко известна, и всё было готово для возведения Дома Поклонения. Престиж Веры был настолько высок, что представитель императора, генерал Куропаткин, лично посетил церемонию закладки первого камня Машриқ аль-Азкāра в 1902 г. Генерал Куропаткин пользовался особым доверием и благорасположением императора. Ему было поручено командование всей императорской армией в Туркестане.

Наиболее важным условием возведения этого уникального по великолепию, красоте и прочности здания, притягивавшего внимание каждого посетителя города, было наличие искусных ремесленников, каменщиков и строителей. Прочность Машриқ аль-Азкāра уберегла его от опустошительного землетрясения 1948 г., прокатившегося волной по Ашхабаду и разрушившего все здания в городе. Машриқ аль-Азкār был единственным приметным зданием, которое, хотя и было повреждено, однако выстояло под этим ударом.

Среди пионеров, поселившихся в Ашхабаде, можно было найти самых лучших строителей, каменщиков, штукатуров и других ремесленников, чья квалификация имела исключительную важность для завершения строительства Машриқ аль-Азкāра. Таким образом, обращённая к друзьям

рекомендация Абдул-Баха ехать пионерами в этот город привела к тому, что вместе сошлись все необходимые требования для установления такого великого и исторически важного института, строительство которого Абдул-Баха возложил на джину́ба-и-х̣аджи́ вакйль ад-дауле.

1

Развитие Веры в Советском Союзе:

История развития Веры в России и её прогресса состоит из двух чётких периодов:

Период до революции 1917 г.

В это время жизнь бахаи была свободна от волнений и они наслаждались материальными благами, которыми их оделил Бог. Они процветали финансово и пользовались уважением как у правительства, так и в народе. Правительство доверяло бахаи, взирало на Веру с благосклонностью и при необходимости оказывало ей поддержку.⁵

В результате этого друзья смогли построить Машриқ аль-Азкār, а рядом с ним открыли две школы,— одну для мальчиков, другую для девочек,— а также богатую публичную библиотеку, которую с удовольствием посещали представители всех слоёв общества. Они также выпускали журнал бахаи под названием «Хуршйд-и-Хāвар» («Солнце Востока»), главным редактором которого был знаменитый учёный джинāб-и Āқā сиййид Михдий-и Гульпāйгāнй.

Период после революции 1917 г.

Второй период, начавшийся с революцией, был отмечен повсеместными усилиями правительства, вытекавшими из его идеологии, по искоренению веры в Бога и религии, объявленной опиумом для народа. Таким образом, церкви, мечети и храмы либо уничтожались, либо обращались в клубы, театры и другие общественные и культурные места. Иногда они даже использовались в качестве амбаров для хранения соломы и зерна. К 1926 г. вопрос о местах поклонения был более или менее решён, без какого бы то ни было противодействия или попыток воспрепятствовать ему: они были либо разрушены, либо переделаны для других целей.

Начало религиозных преследований общины бахаи

В 1927 г. внимание представителей правительства обратилось к Машриқ аль-Азкāру. Они опечатали здание и запретили бахаи собираться там на рассветную молитву. Единство общины бахаи, не раз подвергавшееся испытаниям в результате преследований и тяжёлых инцидентов, вновь было триумфально утверждено. Круг друзей ещё больше укрепился; их общее несчастье сплотило их. Они были словно члены единой семьи, чей круг единства только укреплялся благодаря давлению со стороны. Община уподобилась могучей и непреодолимой горе, что терпеливо сносит любое тяжёлое бедствие. Они проявили такое мужество под нападками врагов, что все были изумлены.

На следующий день после того, как Машриқ аль-Азкār был закрыт для друзей, и его двери опечатаны, верующие с беспрецедентным энтузиазмом и пылом собрались в прилегавшем саду. Это нужно было видеть. Друзья стояли в молитвенном и благоговейном состоянии, в отрешённой и духовной атмосфере, вознося благодарения Богу, и с сердцами, переполненными искренностью и смирением, умоляли Бахауллу ниспослать им поддержку. Этим своим поступком они выказали, в те нелёгкие дни, свою верность, преданность и стойкость в Учении своей Веры. Количество друзей, собравшихся в садах вокруг Машриқ аль-Азкāра, значительно превысило число тех, кто прежде собирался в его стенах. Когда они уходили оттуда, длинная процессия верующих — женщин и мужчин, стариков и молодёжи, детей и подростков, привлекала внимание прохожих.

Когда двери Машриқ аль-Азкār были опечатаны, председатель Местного Духовного Собрания, джинāб-и Āқā сиййид-и Гульпāйгāнй, был выбран представителем от Собрания и общины бахаи, чтобы отправиться в Москву и обжаловать решение правительства. В Москве он несколько раз встречался с его лидерами и руководителями и, после длительных дискуссий и объяснений, предоставил убедительные ответы на их заявления, в результате чего с ворот Машриқ аль-Азкāра была удалена печать, и он вновь открылся для друзей, чтобы они возносили там свои молитвы и совершали богослужения. Фотография, сделанная в те дни, показывает джинāба-и Гульпāйгāнй среди московских бахаи, в числе которых — джинāб-и Фурутан, впоследствии назначенный Десницей Дела Божиего. Г-н Фурутан в то время изучал психологию в Московском Университете.

Внезапная смерть джинāба-и Гульпайгāнй 22 февраля 1928 г. от подхваченной им простуды стала тяжёлым ударом для бахаи всей России. Они устроили для него невиданные по торжественности похороны. Несколько лет спустя, когда я томился в ашхабадской тюрьме вместе с другими бахаи, мы узнали, что за четыре дня до смерти г-на Гульпайгāнй вызывали в ГПУ (Государственное политическое управление) на допрос. Очевидно, что его там пытали и несколько часов продержали в холодной комнате, где хранились мёртвые тела. Именно этим объяснялась его простуда. На следующий день он написал обращение к возлюбленному Хранителю и отдал его джинāбу-и Āқā Джамāль ад-Дину-и Аввалй, чтобы тот отвёз его в Москву и затем, так или иначе, передал Шоги Эффенди. Āқā Джамāль ад-Дин добрался до Москвы через три дня после смерти джинāба-и Гульпайгāнй. Неизвестно, достигло ли это письмо Шоги Эффенди в конечном итоге или нет.

В 1929 г. власти арестовали всех членов Местного Духовного Собрания, а также других выдающихся бахаи, которые активно служили Вере. Некоторое время их продержали в тюрьме, а потом выслали в Иран. До тех пор правительство избегало прямых атак на Веру, но после перешло в открытое нападение, не считая нужным более скрывать свои намерения, как оно делало это ранее. Например, оно выпустило несколько книг против Веры и продавало их населению по низкой цене; конфисковало школы бахаи для девочек и мальчиков, уволило учителей-бахаи, а вместо них наняло таких, которые были враждебно настроены к Вере. Впоследствии школы были перемещены в другое место, в результате чего ученики не могли более посещать Машриқ аль-Азкār. Учеников-бахаи заставили вступить в пионеры, а чтобы нанести как можно больше вреда Машриқ аль-Азкāру, рядом с ним была размещена школа, известная своими непослушными и буйными учениками. Была также организована кампания травли молодёжи бахаи, обучавшейся в российских школах и университетах. Некоторые студенты были исключены из школ и университетов, остальные были высланы в Иран. Среди них был и г-н 'Алй-Акбар Фурӯтан, преданный и активный юноша, который позже стал Десницей Дела Божиего. Тип визы, поставленной в его паспорт, разрешал ему остановиться на несколько дней в Ашхабаде. Я живо вспоминаю, — наверное, как и многие из ашхабадских бахаи, до сих пор живущие в Иране, — пламенные речи, которые он героически и бесстрашно произносил перед собравшимися друзьями. Каждое произносимое им слово обрушивалось, будто молот, на безмозглые головы тех, кто поднялся против Веры, — тех, кто рядился в одежды дружбы, а на деле кипел от злости, не в силах противостоять логике и воздействию речей этого юного бахаи. Им ничего не оставалось, кроме как покорно выслушать всё, что он имел им сказать.

Прощальные выступления г-на Фурӯтана, красноречивые и ясные, оставили неизгладимый след в сердце каждого из ашхабадских друзей. После этого все родители хорошо поняли, какие опасности угрожают их детям; они осознали свой долг и свои обязанности и знали, как защитить своих сыновей и дочерей от искушений и ловушек, которыми будет усеян их путь. Кроме того, молодёжь поняла, что нужно готовиться к наступлению тяжёлых времён, быть начеку и не позволять всему творящемуся сбить себя с толку. Они осознали тайные планы и истинные цели режима, что рядился в тогу вершителя социальных реформ.

За депортацией г-на Фурӯтана последовала экспатриация других студентов-бахаи из университетов Ленинграда, Ташкента, Москвы и других городов. Власти чинили многочисленные препятствия и измышляли разные предлоги для того, чтобы помешать молодёжи и подросткам бахаи получить хорошее образование. Они хорошо понимали, что будущее Веры, её восхождение и развитие зависят от подготовки и уровня образованности её подрастающего поколения. Поэтому они делали всё возможное, чтобы сдержать развитие Веры и воспрепятствовать её влиянию на души восприимчивой и энергичной молодёжи. Они поставили своей целью разорвать ту нить любви к своему Вероучению, за которую эти молодые люди прочно держались. Режим использовал любые доступные ему средства, чтобы заглушить голос совести, погасить свет Веры и предать её вечному забвению.

Отзыв разрешений на проживание

Эта тактика ограничений и медленного удушения продолжалась до 1937 г., когда правительство, по неизвестным мне причинам, ввело новый элемент в свою программу вытеснения бахаи из страны. Оно отказалось возобновлять их прописку. Когда, согласно действующим нормам, они обратились в Министерство иностранных дел¹ с просьбой продлить их прописку, взамен они получили разрешение на выезд, которое позволяло им остаться в

¹ В то время это учреждение носило другое название: Народный комиссариат иностранных дел.— Прим. перев.

Советском Союзе всего на несколько дней. В общине бахаи это вызвало смятение и тревогу. Ибо друзья, жившие в республиках Советского Союза, ни за что не променяли бы покорность возлюбленному Хранителю и его благоволение даже на самую ценную для них вещь в этом мире — на свою жизнь. Они были готовы добровольно отдать свои жизни, лишь бы по-прежнему оставаться под его руководством и опекой.

С целью доказать обоснованность этого заявления, чтобы читатель не подумал, будто оно звучит слишком помпезно или голословно, нужно упомянуть, что с 1929 г., по разным искусственно созданным причинам, Советский Союз терзал голод, который продолжался до 1935 г. Этот голод, беспрецедентный по длительности и географическому размаху, был столь жестоким, что люди ели даже трупы кошек и собак. Иногда они даже опускались, осознанно или в беспамятстве, до людоедства. Через два года после начала голода некоторые верующие решили вернуться в Иран, чтобы спасти свои жизни и жизни своих возлюбленных детей. Количество возвращающихся росло день ото дня, пока не было получено послание от возлюбленного Хранителя, суть которого сводилась к тому, что отъезд из Ашхабада и возвращение в Ирак противоречат высшим интересам Веры и общины бахаи. Такие сообщения приходили одно за другим, и всё же некоторые не могли выносить эти трудности и уезжали. Те, что остались непреклонными в этих тяжёлых бедствиях и в испытаниях тех жестоких лет, положили свои жизни и жизни своих возлюбленных на алтарь абсолютной покорности воле возлюбленного Хранителя. Они не искали ничего иного, кроме его благоволения. Друзья, на протяжении семи долгих лет с радостью встречавшие все страдания и бедствия и сверявшие каждый свой шаг с указаниями Шогги Эффенди, теперь вынуждены были как-то реагировать на указ о депортации. Они были вне себя от беспокойства, поскольку не хотели возвращаться в Иран. Поэтому они обжаловали постановление, мотивируя это тем, что в Иране их родителей и родственников преследуют и казнят, что и заставило их эмигрировать в Советский Союз в надежде получить здесь защиту и убежище. Некоторые даже заявили, что согласны скорее на арест и тюремное заключение, чем на депортацию. Правительство непреклонно заявило, что если они не уедут в день, указанный в их паспортах, уполномоченные должностные лица придут к ним домой, погрузят их вместе с вещами в грузовик и выпустят в ближайшем от границы городе. Именно так они и поступили.

Необходимо пояснить здесь, что тем, кто отправился в Министерство иностранных дел, были выданы анкеты и формы заявок на визу, а не формы на продление прописки. Когда заявители подчеркнули, что им нужны разрешения на проживание, а не визы, им ответили, что срок их прописки истёк, поэтому они должны заполнить выданные им анкеты. После этого, по их словам, власти будут решать, как поступить с ними. Если будет определено, что продолжение пребывания заявителей полезно для страны, их прописка будет продлена. Среди заявителей некоторые подали в паспортное бюро характеристики и даже рекомендательные письма с мест своей работы. Тем не менее, Министерство иностранных дел ответило, что право определять чьё-либо право на проживание остаётся за ним. Этот краткий ответ был дан весьма твёрдо и категорически, так что ни одно учреждение и ни один человек не решились бросить ему вызов. Таким образом, менее чем за год все персидские бахаи, проживавшие в Советском Союзе, были, по сути, высланы из страны, хотя внешне всё выглядело так, будто они сами попросили разрешения уехать.

Эта ситуация очень испугала и обеспокоила всех. Бахаи были ужасно взволнованы, полны страха и самых мрачных опасений. Ужас и паника, вызванные столь горестными новостями, по силе воздействия уподобились эпидемии чумы или холеры, или другому природному катаклизму, над которым человек не имеет никакой власти. Это несчастье сблизило бахаи и ещё больше сплотило их. Они стали ещё активнее посещать еженедельные собрания и рассветные молитвы. В те дни, если два человека встречались, они, сразу после приветствия «Аллах-у-Абха», спрашивали друг друга: «Когда у Вас прописка заканчивается?» Счастливые и улыбчивые лица, которые даже многолетний голод не смог омрачить, сейчас были печальны, темны и полны тревоги.

Местное Духовное Собрание посчитало ситуацию достаточно серьёзной для того, чтобы попросить указаний у возлюбленного Хранителя. Оно послало ему телеграмму, в которой объяснило состояние дел. Через несколько дней пришёл ответ. В день получения ответа друзей пригласили собраться в Хазйрат аль-Қудс. В этот вечер весь зал и веранда бахаи-центра были заполнены взволнованными верующими. Возбуждённые друзья собрались заранее, и как первый, так и второй этаж зала были заполнены до предела. Местное Собрание решило встретиться до начала общего собрания. Целью их встречи было прочесть и перевести телеграмму от возлюбленного Хранителя, чтобы затем донести её суть до собравшихся друзей. Чтобы обеспечить уединение и тишину во время обсуждений, встреча была созвана в доме Ақā Гулām-и Забйхй, члена Собрания, чей дом находился по другую сторону от Машриқ аль-

Азк̄ара. Я помню, как представитель от общего собрания несколько раз ходил и спрашивал, в чём причина задержки, и каждый раз ему говорили, что перевод ещё не готов. Наконец, через некоторое время, которое показалось собравшимся вечностью, члены Духовного Собрания дружно вошли в зал, как единый орган, и председатель занял своё место на помосте.

Взволнованные сердца и ожидающие глаза всех собравшихся немедленно устремились к нему. Хотя в зале находилось более тысячи душ, пала абсолютная тишина. Казалось, что вокруг нет ни одного человека. Председатель прочёл перевод телеграммы Хранителя, который был дан в пересказе. Суть её была такова: «Нецелесообразно возвращаться в Иран. Используйте любые средства (чтобы остаться), пусть даже это потребует смены гражданства».

После того, как смысл указаний Шоги Эффенди был оглашён, воцарились безмятежность и спокойствие. Друзья ощутили, в чём состоит их долг. К превеликому сожалению, тогда никто из бахаи не знал английского, и телеграмма была переведена человеком, который начал самостоятельно учить этот язык предыдущей зимой. Как мы впоследствии узнали, Шоги Эффенди сказал, что бахаи Ашхабада не поняли смысла его телеграммы.

Местное Духовное Собрание Ашхабада, после получения телеграммы Хранителя, начало принимать необходимые меры: Они много раз обращались в Министерство внутренних дел и вели переговоры. Собрание также несколько дней подряд встречалось, чтобы обсудить ситуацию и принять окончательные решения. Наконец, оно решило написать письмо от имени всех бахаи, упомянув данные по всем друзьям и их адреса. Друзей затем попросили постепенно навещать офис Местного Собрания и подписывать этот документ. По завершении он был вручён властям с сопроводительным письмом, в котором говорилось приблизительно следующее: «Мы заявляем о своей готовности переехать в любое место, которое российское правительство сочтёт желательным. Мы также готовы изменить своё гражданство. Однако мы не готовы вернуться в Иран».

Увольнения

После подачи этой петиции почти на месяц воцарились безмятежность и спокойствие. В течение этого времени не было выдано ни одного разрешения на жительство или визы. Друзья пребывали в состоянии неопределённости, когда внезапно случилось ещё одно неприятное событие, усугубившее тревогу и обеспокоенность среди друзей. В этот период правительство начало этнические чистки и уволило иранцев со всех рабочих мест.

Вся работа в Россия тогда стала государственной. Самостоятельная работа стала считаться воровством, обманом и спекуляцией, и была поставлена вне закона. Поэтому люди вообще и молодёжь бахаи в первую очередь не могли согласиться на такую работу, которая стала считаться позорной.

Ситуация была такова: человек, уволенный с работы, становился никому не нужен; никто не взял бы на себя смелость нанять его. Такой человек уподоблялся заключённому, сидящему не скудном пайке из хлеба и воды. Необходимо также добавить, что в те дни очень мало было людей, особенно среди молодёжи, у кого было достаточно накоплений, чтобы протянуть 3-4 месяца. Следовательно, работа была исключительно важна для выживания. Увольнение означало, что у человека отнято самое необходимое для жизни. Бахаи пострадали от этой ужасной ситуации больше прочих. С 1 января 1938 г., когда начались этнические чистки, и до конца того же месяца большинство друзей было уволено с работы. Немногие оставшиеся сохранили свои места потому, что их квалификация делала их незаменимыми. Увольнения нередко противоречили желаниям начальства, поскольку все коллеги свидетельствовали о праведности и честности бахаи. Они были полностью убеждены в профессионализме друзей и их приверженности высоким нравственным стандартам, и очень ценили работу, которую они выполняли. Тем не менее, когда Отдел внутренних дел выпускал постановление об увольнении человека, никто не имел ни права, ни мужества бросить вызов.

Чтобы прояснить ситуацию, я расскажу о том, как уволили меня: На конец января всего несколько человек сохранили свои рабочие места. Было ясно, чтобы это бедствие никого не обойдёт стороной, поэтому мы знали, что это просто вопрос времени. Я попытался схитрить и подал заявку на отпуск. Я говорю «схитрить», потому что, по закону, в течение этого года мне полагалось три месяца отпуска. Если бы я ушёл в отпуск, мне бы выдали зарплату за три месяца, что составляло значительную сумму. Моя семья и я могли бы затем жить на эти деньги после моего увольнения. Увольнение, однако, предусматривало выплату мне компенсации всего за пятнадцать дней. Я не сомневался, что директор конторы, где я работал, удовлетворит мою просьбу, потому что он очень хорошо ко мне относился. К несчастью, прочитав моё заявление, он выразил сожаление по поводу того, что в данной ситуации не может согласиться.

Бухгалтер, который присутствовал при моём разговоре с директором, заметил: «Поскольку г-н 'Ализад сам выказал желание уйти в отпуск зимой, было бы лучше отпустить его именно сейчас. В прошлом году мы не дали ему вообще никакого отпуска, а этим летом, я уверен, Вы опять не согласитесь на его отсутствие». В ответ на его замечания директор сказал: «Я обещаю отпустить его летом, и сам возьму на себя его работу. Впрочем, и Вы, и г-н 'Ализад знаете, что без него я в конторе не справлюсь. Если он уйдёт в отпуск, работа остановится».

Несмотря на крайнюю важность моего присутствия на рабочем месте, пять дней спустя тот же директор — который на самом деле любил меня — подписал распоряжение о моём увольнении и передал его мне через другого человека. Он не нашёл в себе сил увидеться со мной в то время, когда оформлялись документы на моё увольнение. Я получил расчёт в тот же день. Мой друг бухгалтер тайно и конфиденциально показал мне письмо об увольнении. Оно было написано не на бланке моей компании, но под ним стояла подпись директора. Позже, в тюрьме, я обратил внимание, что повестки с вызовом к следователю, которые рассылало политуправление,² были написаны на такой же бумаге. Тогда я понял, что письма с приказами об увольнении готовились тем же политуправлением, и директор вынужден был их подписывать.

Новость о моём увольнении постепенно распространялась среди моих родственников и друзей, и они печалились и беспокоились, поскольку не знали, что я буду делать. А поскольку в тех обстоятельствах было невозможно найти другое рабочее место, я тоже был глубоко обеспокоен, хотя внешне и храбрился. Разговаривая с друзьями, я цитировал совет моего отца, который любил повторять: «Что ни случается, всё к лучшему». В глубине души я не совсем верил в это, однако вскоре я получил настолько убедительные доказательства этой истины, что с тех пор уж не позволял никаким происшествиям, сколь угодно серьёзным, расстраивать или огорчать меня. Я перестал задерживаться на неприятностях прошлого, ибо я на собственном опыте узнал, что всё происходящее действительно служит моим высшим интересам, хотя внешне эти события могут казаться горькими, неприятными или мучительными. Именно это, наверное, и давало мне силы в течение всех воследовавших бедствий, и позволило мне выжить.

Общая тревога и мучительные ощущения, обусловленные всеми этими событиями, создали среди нас атмосферу страха. Все мы, с нарастающим волнением, ожидали дальнейшего ухудшения ситуации, хотя это и может показаться странным. Мы знали, что впереди нас ждут неведомые и опасные события, и только молились Богу, чтобы Он охранил нас и дал нам силы вынести все испытания.

Преследования ужесточаются

День 5 февраля мы запомнили надолго. Этот день был отмечен ужасным событием, которого друзья давно ждали. Это происшествие заставило всех обладателей чистых сердец возрыдать, а невинные души обратиться к небесам. Как будто открылась новая страница в книге хаоса и беспорядков, кою писали халатность, беспечность и отдалённость от животворного источника Божественных Учений. Это была ужасная книга; многие преданные и героические друзья прочли всего одну страницу, и души их вознеслись на небеса от мучительных пыток, которым их подвергли. Те, чьи души были менее склонны к унынию, продолжали жить, но каждую минуту призывали смерть, которая спасла бы их и облегчила их мучительную боль. Смерть, однако, казалась столь же нереальной, как философский камень.

Славен будь Бог! Когда человеческие существа, созданные по образу и подобию Божию с целью являть Его имена и качества, отказываются от человеческих добродетелей, они могут обратиться в ужасных чудовищ, способных на любые преступления. Если человеческие добродетели попираются, люди уподобляются хищным зверям, только что без когтей и хвоста.

В этот день, 5 февраля, как и в предыдущие дни, ещё несколько друзей было уволено с работы. Горстка бахаи, что ещё ходили на работу, ожидала своей участи. Всякую ночь они не смыкали глаз, не в силах избавиться от тревожных мыслей. Даже когда сон приходил, он был наполнен кошмарами.

Пятого февраля я и моя супруга были приглашены на обед в дом моей свояченицы (сестры жены) и её мужа, сиййида Ахмада-и Таухида. Он был активным молодым бахаи,

² Автор нередко использует в данной книге термин «политуправление». Государственное политическое управление (ГПУ) при НКВД РСФСР было учреждено 6 февраля 1922 г. (до этого — ВЧК), в 1923 г. переименовано в ОГПУ, в 1934 г. стало Главным управлением государственной безопасности при НКВД.

великолепным оратором (он до сих пор живёт в Сибири, в городе Петропавловске³). Его жена, Қудсийе Ҳанум Гульпайгāнӣ, живёт в Иране. Это бесстрашная и героическая душа, она служит Вере в Хорасане. Она всегда подавала окружающим пример храбрости, уверенности и упования на Бога. В своё время она стойко служила пионером в Турқабе. Во время её пребывания там она не раз подвергалась нападкам со стороны мулл и тех людей, что руководили мусульманами в совершении ежедневных обязательных молитв. Её даже вызывали в местный полицейский участок и расспрашивали о Вере. Она пребывала на своём пионерском посту в полном одиночестве и, облачённая поддержкой свыше, вынесла все трудности и преодолела все препятствия. Она успешно защищала свою пионерскую твердыню, не позволяя страху заползти в своё сердце.

В тот вечер, после ужина, было решено, что две сёстры останутся вместе, а я и мой свояк, сиййид Аҳмад, отправимся ночевать ко мне. Мы также договорились отправиться в Машриқ аль-Азкār на следующее утро, т.е. утром 6 февраля, который был государственным праздником, встретиться там с нашими жёнами и сообщить им новости, если таковые появятся.

Мы с сиййидом Аҳмадом спали, как вдруг, около трёх часов ночи, услышали стук в дверь. Пришёл хозяин моей квартиры, джинāб-и Ақā ‘Алӣ-Нақӣй-и Джалӣлӣ. Он говорил приглушённо и было видно, что он не в себе. Стараясь всеми силами скрыть волнение и ужас, он рассказал, что два следователя из ГПУ пришли в дом Ҳанум-и Сйнāзде (дочери джинāб-и Сйнā).⁶ Г-н Джалӣлӣ вынужден был присутствовать во время обыска в качестве понятого. Ещё два следователя пришли домой к г-ну Акрамӣ. Г-н Джалӣлӣ предложил мне одеться и сходить туда как понятому. Он добавил, что следователи вели себя очень грубо и нагло.

Г-н Акрамӣ был новым бахаи. Ранее он был мусульманским проповедником и проповедовал во имя Божие, не беря ничего за свои службы. Его профессией было изготовление и ремонт ковров. Он был весьма искусен в этой работе. Приняв Веру Бахаи, он целиком посвятил себя служению ей. Хотя он был человеком полуграмотным, благодаря острому интересу к углублению своего понимания Веры он достиг удивительного прогресса и стал великолепным оратором, одним из лучших. Когда он стал бахаи, то женился на дочери Ақā Гулама-и Ҳусайна-и Саррāфа, известной как Заррӣн-Тāдж Ҳанум. Жили они, как и семья Сйнāзде, в тот же здании, принадлежавшем г-ну Джалӣлӣ, что и я с моей супругой. Семья г-на Акрамӣ состояла из него самого, его жены Заррӣн-Тāдж Ҳанум и её 10-12-летнего сына от первого брака.

Один из двух следователей был русский, которые вёл себя как джентльмен; другой был туркменом и пытался самоутвердиться. Ему было очень далеко до понимания того, что такое благопристойность и честность. Он почему-то вообразил, что стоит ему только войти в дом г-на Акрамӣ, как он тут же обнаружит там огромное количество документов и доказательств, благодаря которым докажет всем свою находчивость и профессионализм. Перевернув всё содержимое дома вверх дном, обыскав всё и не найдя ни малейших доказательств, он впал в раздражение. Он ревел в гневе, ругался непотребными словами, и любой пустяк пытался притянуть за уши в качестве доказательства. Вдруг он увидел в их семейном альбоме фотографию первого мужа Заррӣн-Тāдж Ҳанум, на голове которого была кулāх-и пахлави («шапка Пахлави»)⁷. Он вынул её из альбома и с язвительной улыбкой, выдававшей его недобрые намерения, потряс ею в воздухе и победоносно спросил: «Кто это?» Задав этот вопрос, он бросил на Заррӣн-Тāдж Ҳанум взгляд настолько злобный, что это невозможно описать словами. И он добавил тоном одновременно издевательским и жалким: «Мы знаем его!» Затем он присовокупил эту фотографию к прочим конфискованным предметам.

Обыск длился около часа. Не приходится сомневаться, что результат любого обыска в доме бахаи, — хоть пятиминутного, хоть пятичасового, — будет одним и тем же. Ничего значимого, что предубеждённый и злобный дознаватель мог бы использовать в качестве доказательства, не будет найдено. Поэтому следователи, которым не хотелось уходить с пустыми руками, решили забрать с собой несколько фотографий, писем и книг.

Во время всего обыска г-н Акрамӣ сидел за столом лицом к следователям, а его жена или стояла, или ходила по комнате. Когда же обыск закончился и следователи собирались уходить, они попросили Заррӣн-Тāдж Ҳанум пройти с ними в политический отдел и сказали, что она немедленно вернётся назад. До этого момента мы думали, что следствие направлено против г-на Акрамӣ, но тут мы поняли, что на самом деле жертвой стала его жена, потому что именно ей пришлось отправиться в политический отдел в 4 часа утра в сопровождении двух государственных следователей. Читатель может представить, как мы себя чувствовали. Но больше всех была потрясена сама Заррӣн-Тāдж Ҳанум. Естественно, никто из нас не

³ До 1920 г. та область, где расположен Петропавловск, была частью Сибири. Впоследствии она стала частью Казахстана. — *Прим. перев.*

подозревал, что её могут арестовать или посадить в тюрьму. Мы поверили слову этого должностного лица, пообещавшего, что она вернётся до рассвета.

Когда следователи ушли, уведя с собой невиновных и несправедливо обиженных друзей, я увидел, что г-н Акрам и сын Заррйн-Тадж Х̄анум сидят в комнате, которая за несколько минут до этого была обителью любви, спокойствия и безмятежности, и по которой теперь как будто пронёсся ураган, перевернув всю мебель и вывалив всё её содержимое посреди дома. Когда я оставил их, г-н Акрам сидел, свесив голову и повторяя молитву «Кто избавляет от трудностей, помимо Бога?..» Мальчик же забился в угол, мучительные рыдания, сотрясавшие его недавно, стихли, и глаза его были сухи. Казалось, он пребывает в полном тупике и его нежный ум не в силах справиться со столь сложной проблемой. Он переводил вопросительный взгляд с меня на своего отчима, умоляя разъяснить этот вопрос. В таком состоянии я и оставил их и вернулся к себе домой. Когда я проходил мимо окна дома г-жи Сйнāзāде, у них ещё горел свет, и следователи, мужчина и женщина, перерывали весь дом в поисках компрометирующих материалов. Когда я возвратился домой, то увидел, что мой свояк, г-н Таух̄ид, нервно расхаживает взад и вперед. Пока меня не было, он не мог успокоиться, терзаемый страхами и дурными предчувствиями. Мы присели, и я кратко пересказал ему события, которым стал свидетелем.

Обыск в доме г-жи Сйнāзāде продолжался ещё примерно час. У неё была большая библиотека, и она сама занимала выдающееся место в общине бахаи. Следователи хотели собрать как можно больше документов и других материалов в доме этой преданной и стойкой бахаи, чтобы позже использовать их как доказательства против неё. Они искали несколько часов, но ничего значительного не нашли. Дом г-жи Сйнāзāде был свободен от сокровищ мира сего. Это привело следователей в исступление. Наконец, они арестовали её и забрали некоторые её книги и оригиналы Скрижалей, которые были ей дороги.

Семья г-жи Сйнāзāде состояла из неё самой, её мужа и 26-летнего сына, который был студентом-медиком. Её муж был пожилым инвалидом, он не выходил из дома и не мог работать. Г-жа Сйнāзāде была образцом честности и придерживалась самых высоких стандартов во всём. На протяжении многих лет она служила учителем в ашхабадской школе бахаи для девочек и с величайшей любовью и добротой поддерживала свою семью. Она работала практически без выходных и стойко переносила все трудности и несчастья, чтобы дать возможность своему сыну, которого звали Ишрāку'ллāх, поступить в медицинское училище. Во время описанных событий ему оставалось всего три месяца до получения диплома врача.

Г-жа Сйнāзāде была дочерью джинāб-и Сйнā, красноречивого поэта-бахаи и многострадального учителя Веры, который жил во времена Абдул-Баха.⁸ Г-жа Сйнāзāде унаследовала поэтическое дарование своего отца. Она отличалась прочной и богатой памятью. Какой бы предмет ни обсуждался в её присутствии, она всегда могла прочесть подходящие к случаю стихи поэтов-бахаи или выдержки из произведений других авторов. Она преподавала персидский и арабский язык на протяжении многих лет в школе бахаи для девочек в то время, когда она ещё управлялась бахаи. Когда правительство отняло школу, она давала частные уроки на дому. Она всегда вела себя достойно, старалась быть полезной и доброй ко всем. Я думаю, она никогда никого не обидела и не сделала ни одного шага, который бы противоречил принципам Веры.

Через два дня после её ареста её сын был исключён из медицинского училища. К счастью, ему ранее, когда он просил о возобновлении разрешения на жительство, была предоставлена выездная виза. Он воспользовался этой визой и немедленно после исключения из медицинского училища вернулся в Иран. Вышло так, что через два дня после его отъезда за ним пришли, чтобы его арестовать. К счастью, его своевременный отъезд в Иран спас ему жизнь. Таким образом, из этой дружной семьи, прошедшей вместе через многолетний голод и жестокие трудности и сейчас надеявшейся обрести единственный плод своей земной жизни — получить диплом врача для сына, который бы хоть как-то облегчил жизнь родителям, — остался только старый инвалид, чьим единственным спутником стали его опасения и тяжкие мысли.

Моей супруге на всю жизнь запала в сердце эта картина: хрупкий старый человек, муж г-жи Сйнāзāде, осознав на следующий день все события минувшей ночи, целый день без остановки громко читал молитвы бахаи. Лишь Богу ведомо, как мучительно страдал этот старик и какое смятение бушевало у него в душе. Он, без сомнения, понимал, что только прочно держась за подол Божиего милосердия и сострадания, сможет он достичь спокойствия и утешения. Именно так он и поступил, обретя и то, и другое.

Дальнейшие аресты

Шестого февраля был выходной. Российское правительство ввело новый календарь, неделя в котором была шестидневной. Его целью было уничтожить любые следы религии, дабы ничто не могло возродить ощущение религиозности в людях. Календарь на основе семидневной недели ассоциировался с религией и был, поэтому, отвергнут. Таким образом, была введена шестидневная неделя, т. е. люди работали пять дней, а на шестой день отдыхали. Получилось, что 6-й, 12-й, 18-й, 24-й и 30-й день каждого месяца были выходными. После Второй мировой войны, по причинам, мне неизвестным, они опять ввели календарь на основе семидневной недели.⁴ Итак, 6 февраля, в государственный выходной день, я и мой свояк, г-н Таухид, отправились в Машриқ аль-Азқар раньше обычного. Мы хотели поделиться новостями об аресте двух женщин, упомянутых выше, с другими бахаи.

Утром 6 февраля в Машриқ аль-Азқаре собралось столько бахаи, сколько не собиралось ни в какой другой день. В выходные дни было принято читать, после всех других молитв, Скрижаль посещения. В этот день, как и всегда по выходным, Скрижаль посещения читал джинāб-и Āqā 'Алй-Акбар-и Салāхов, один из самых эрудированных бахаи того времени. У него был мелодичный и проникновенный голос, и он читал Скрижаль посещения только в Машриқ аль-Азқар. После чтения Скрижали посещения бахаи собрались на балконе Дома Поклонения, чтобы услышать последние новости о сложившейся ситуации. Когда все поделились информацией, выяснилось, что в минувшую ночь было арестовано много друзей, в том числе восемь членов Местного Духовного Собрания. Вот имена членов Собрания:

1. Джинāб-и д-р 'Аббас-и Зайн, председатель Собрания: Он пользовался уважением всех друзей без исключения. Он был знаменитым врачом, исключительно квалифицированным как в постановке диагноза, так и в лечении пациентов. Он так хорошо говорил по-русски, как будто это был его родной язык. Он был эмоциональным оратором, высочайшего интеллектуального уровня, филантропом, очень заботливым и добрым человеком.

2. Джинāб-и Āqā Муҳаммад-'Алйи-и Шахидй, секретарь Собрания: Он не получил систематического образования и не имел никаких дипломов. Единственным его образованием была начальная школа бахаи. Впоследствии он посещал, по мере сил, частные классы, проводившиеся выдающимися учителями его времени: джинāбом-и Гульпайганй, джинāбом-и Āqā Шайхом Хайдаром и другими. Он живо интересовался изучением Священных Писаний бахаи. Его жажда знаний, плюс постоянное изучение Писаний, сделало его очень знающим человеком. Он скоро стал одним из лучших и наиболее выдающихся ораторов в Ашхабаде, и мог выступить с речью в любое время.

3. Джинāб-и Хусайн Биг-и Қудсй, известный как Кучерлинский: он родился в аристократическом семье на Кавказе. Образование получил русскоязычное. Перед революцией он учился в университете, но не завершил своего образования. Он был начитанным человеком и приобрёл, благодаря самостоятельной учёбе, обширные знания как в науках, так и о Вере Бахаи. Его дом был похож на библиотеку. Он был исследователем, очень мягким человеком. Никакая тяжёлая работа не пугала его. Его наставлял джинāб-и Машхадй 'Абду'л-и Қарабағй, знаменитый своей смелостью педагог-бахаи. Когда г-н Қудсй приехал в Ашхабад, он не умел читать по-персидски и по-арабски. Через короткое время он знал эти два языка достаточно, чтобы изучать Писания. Он мог, в определённой мере, поддерживать беседу на персидском языке. Он проводил всесторонние исследования Писаний бахаи и обсуждал их результаты со своей женой Қудсийе Ханум, старшей дочерью покойного ныне хаджй мйрзы Хусайна-и Му'аллима. Он объяснял ей своё понимание Писаний по-турецки или по-русски. Она записывала это всё на персидском языке. Затем они вдвоём изучали этот материал, вносили необходимые поправки и изменения, а затем оформляли его в виде брошюры, надеясь впоследствии опубликовать его.

Г-н Қудсй был зрелым и опытным оратором. Он часто произносил на турецком или русском языке просветительские речи, которые были полны интереснейших открытий. Он работал учителем, но в последние годы правительство не позволяло ему работать по профессии, потому что он был бахаи. Таким образом, он был вынужден устроиться мелким клерком в электрической компании, где он пользовался уважением своих коллег. У него была большая семья, и скромная заработная плата, которую он получал за эту недостойную его уровня работу, едва покрывала их нужды. Тем не менее, муж и жена отличались нестигаемой честностью и независимым складом характера, так что они были счастливы и благодарны

⁴ Революционный календарь был введён в 1929 г., частично отменён в 1931 г. и полностью — 1940 г. — *Прим. перев.*

жизни за всё, что бы она им ни преподнесла. Вся их жизнь, до последнего дня, была наполнена активным и преданным служением Делу Божиему.

Г-н Кучерлинский был человеком европейской расы и гражданином Советского Союза. После того, как его посадили в тюрьму, мы больше никогда о нём не слышали. Мы до сих пор не знаем, что случилось с этим человеком, казавшимся нам недвижимой скалой стойкости и веры; был ли он казнён, умер ли своей смертью или отдал Богу душу под пытками? После его ареста его жена с несколькими малыми детьми осталась без защиты, у неё не было никаких накоплений, чтобы удовлетворить их нужды. Хотя они жили очень трудно, духовно они были счастливы, всегда обращая свои сердца к Божественным щедротам и благословениям.

4. Джинāб-и Āqā Ґулām-и Забйхй, известный как Исмаилов, сын джинāба-и Муҳаммада-Исмā'йла, названного Забйх: очень великодушный, гостеприимный, посвящённый и жертвенный бахаи. Несколькими годами ранее он приехал пионером в Ашхабад из Бушрӯе. В бизнесе он всегда был праведен, надёжен и добровольно жертвовал своими интересами. В начале революции у него был значительный капитал; он открыл кондитерский магазин в Тахте-Бāзāре, где у него также имелся дом с обширным садом. Как только прибывал путешественник или учитель-бахаи, он устраивал его у себя дома. Его дом был открыт для бахаи в любое время дня и ночи. В 1920 г. он переехал из Тахте-Бāзāра в Ашхабад. Он продолжал заниматься кондитерским бизнесом до тех пор, пока в 1932 г. его предприятие не было конфисковано правительством. Последнее время он работал на правительство в киоске, который принадлежал конторе, занимавшейся драгоценными камнями (яшмой). Он был женат и имел четырёх детей — двух сыновей и двух дочерей. Самому старшему ребёнку было 18 лет, а самому младшему — 10. После его ареста его семья осталась беззащитной, а дети наполовину сиротели, потеряв отца.

5. Джинāб-и Āqā Зййā'у'ллāх-и Раштй: его отец, Āqā мйрзā Михдй-и Раштй, был одним из первых пионеров в Ашхабаде. Он был выдающимся и знаменитым бахаи, чьи достижения на стезе Божией были многочисленны, а заслуги велики. До революции он занимался импортом чая из Шанхая. Когда он умер, его сын, джинāб-и Āqā Зййā'у'ллāх, взял на себя торговый бизнес своего отца. По надёжности, правдивости, глубине веры и убеждённости он был проявлением слов: «в ребёнке — скрытая сущность его отца», и был хорошо известен среди людей. Джинāб-и Āqā Зййā'у'ллāх занимался своим частным бизнесом до 1926 или 1927 г., когда всякое свободное предпринимательство было поставлено вне закона. Он был среди тех, кого не изгнали из страны, но держали какое-то время в тюрьме. Никто не знает, что случилось с ним впоследствии — был ли он послан в концентрационный лагерь,⁵ умер ли под пытками или был казнён. Хотя у каждого в деле были отражены схожие факты, один Бог знает, какие страдания он вынес.

6. Джинāб-и Āqā Михдй-и Хамадāнй: этот человек был бизнесменом. Я не помню, знал ли он грамоту; вероятно, частично знал. Тем не менее, он был весьма разумным человеком, наделённым особым талантом находить решение в сложных ситуациях, умелым и опытным. Он был немногословен, предпочитая словам действия; его дела были куда красноречивее его слов. Будучи человеком дела, он был хорошо знаком со всеми административными деталями, государственными правилами и нормами. Он представлял Собрание во всех его сношениях с государственными органами, и каждая доверенная ему миссия увенчивалась блестящим успехом. Почти всех высокопоставленных чиновников он знал лично. Он был хорошим психологом. Нередко хватало одной или двух встреч, чтобы у него с человеком завязалась крепкая дружба.

7. Джинāб-и Āqā Машхадй 'Алй-Акбар-и Ґулāmй, известный как Бāшмāқчй. К несчастью, я его знал не очень хорошо, и мне не довелось разделить с ним тюремную камеру. Таким образом, я почти ничего не узнал о его чертах характера. Находясь в тюрьме, я видел его дважды, не более нескольких минут каждый раз, имея возможность почувствовать его находчивость, достоинство, независимый склад характера и высокие идеалы. Он был простым человеком, и с ним было весьма приятно находиться рядом.

8. Джинāб-и Āqā мйрзā Джалāль-и Раҳмāнй: он был самым старшим членом Местного Духовного Собрания Ашхабада, исключительно преданным и жертвенным верующим. Он обладал удивительным голосом. Люди, услышавшие, как он поёт молитвы и Скрижали бахаи, на время как будто оказывались в духовных мирах. Год за годом, каждый раз, когда в Хāзйрат аль-Қудс отмечались Святые Дни бахаи, он декламировал своим мелодичным голосом Скрижали, явленные для этого случая, и сердца друзья всегда радостно трепетали при этом.

⁵ На территории Советского Союза такие учреждения получили название «исправительно-трудовые лагеря». Термин «концентрационный лагерь» более известен в мире, поскольку связан с аналогичными учреждениями в нацистской Германии.— *Прим. перев.*

Г-н Рахмāнй был из тех друзей, что каждый день приходили в Машриқ аль- Азкār на рассвете.

Он был терпелив и снисходителен. Во времена испытаний он был твёрд и непоколебим. Он возвышался, словно непобедимая стальная гора. Он был человеком богобоязненным и набожным. Во время допроса, который был относительно долгим, его пытали и нечеловечески мучили. Примерный характер базовых пыток, используемых властями, будет упомянут позже. Здесь же я хотел бы кратко рассказать о пытках особого типа, которые применялись к этому великому человеку. Некоторым эта пытка может показаться нестрашной, но он страдал от её последствий до самого конца своего тюремного заключения, а может быть, и до конца жизни. Следы, оставленные на его коже железным бичом, исчезли с его шеи, но следы этого, на первый взгляд, мелкого злодеяния, не поблѣкли никогда. Я услышал об этом инциденте от г-на Бахā ад-Дйна Āфāқй, которые делил с ним одну тюремную камеру. Он поведал, что г-н Рахмāнй носил очки с очень толстыми стѣклами, без которых он практически ничего не видел. Для двух должностных лиц, исполнявших предшествующие допросу формальности, обычным делом было применять любые доступные им методы, чтобы истязать свои невинные жертвы. Те, что занимались г-ном Рахмāнй, проведя его через разные пытки, сняли с него очки, бросили их наземь и растоптали. Г-н Āфāқй рассказывал, что после этого инцидента г-н Рахмāнй превратился практически в слепого, он не мог даже увидеть руку, протянутую к нему. Если во время еды он ронял ложку, он не мог найти её. Кто-то из его сотоварищей-заклѹчѣнных должен был подобрать её и дать ему в руку. За ним приходилось постоянно приглядывать, в том числе водить его в туалет и обратно. По капризу этих злобных и жалких должностных лиц он лишился возможности видеть, которой при нормальных обстоятельствах мог бы наслаждаться до конца своей жизни, если бы его очки не были разбиты. Но в результате этого жестокого деяния он провѣл остаток своей жизни, как слепой. Тем не менее, он никогда не жаловался. Напротив, он всегда благодарил Бахаулла за ниспосланные ему благословения. Часто можно было видеть, как он собирал вокруг себя более молодых друзей и давал им заботливые советы и наставления, воодушевляя их быть терпеливыми и стойкими. Он был одним из тех друзей, кого после изгнания в Сибирь снова арестовали, уже там, и мы никогда так и не узнали, что с ним случилось.

* * *

А теперь я вернусь к утру 6 февраля. После того, как бахаи в течение нескольких минут обменивались этими трагическими и пугающими новостями, выяснилось, что помимо восьми членов Местного Собрания было аналогичным образом арестовано большое число друзей, не занимавших никаких постов. Все бахаи чувствовали себя подавлено и были полны беспокойства. Мы все знали, что на нас надвигается неотвратимое бедствие, и мы должны готовиться к новым бедам и страданиям. Многие друзья видели в эту ночь сны-видения, в которых предсказывались события, которые действительно произошли позже. Девятый член Собрания, джинāб-и Исмā'йл-и Басйм, видел в эту ночь такой сон. Он рассказал его мне на следующее утро, после того, как все поделились друг с другом новостями об ужасных событиях предыдущей ночи. Он сказал:

Мне снилось, что мы проводим встречу Собрания на втором этаже некоего здания. Я увидел, как несколько должностных лиц из Главного политического управления (ГПУ) залазят через окно, хотя дверь в комнату открыта. Они провели тщательный обыск и арестовали всех членов Собрания, кроме меня, так что я остался один. Я начал разговаривать с ними по-русски, и этот диалог длился очень долго. Некоторые из них постоянно двигались туда-сюда. Наконец, один из них сказал мне: «Довольно, Вы идѣте с нами».

Г-н Басйм попросил меня истолковать его сон, и я сказал ему, что я думаю по этому поводу. Я сказал, что нападение на Собрание обозначает преследование Веры властями и их противодействие ей. То, что они вошли через окно, указывает на то, что хотя на самом деле целью их атаки является Вера, они будут пытаться замаскировать этот факт. Чтобы скрыть свои истинные мотивы, они будут использовать разные иные предлоги. То, что тебе было дано время поговорить с ними, означает, что и ты тоже пройдѣшь через страдания; в конечном итоге, они тебя арестуют. Тем не менее, в течение отпущенного тебе времени ты будешь играть активную роль в работе Веры и Собрания в частности. Не исключено, что создастся ситуация, когда тебе даже придётся вести переговоры с правительством.

После ареста восьми членов Собрания г-н Басйм, единственный оставшийся на свободе его член, счѣл своим долгом создать новое Собрание. Поскольку в сложившихся обстоятельствах было невозможно выбрать новых членов, он обратился к результатам предыдущих выборов и пригласил восемь человек, занявших по количеству голосов с 10-го по

17-е место, заполнить вакансии в Собрании. В новое Собрание вошли: г-н Басй̄м, г-н Такāмӯль, г-н Акрамй̄, г-н Таухй̄д, г-н Та'йй̄дй̄, я и ещё трое человек, которых я сейчас не могу вспомнить. Некоторые из этих людей смогли посетить всего одну встречу Собрания, которая состоялась в этот вечер, а затем они также были арестованы. Новые члены были приглашены на следующую встречу Собрания, которая состоялась через неделю. После третьей встречи я и мой свояк, г-н Таухй̄д, также были арестованы. Г-н Басй̄м продолжал восстанавливать Собрание за счёт новых людей, до тех пор, пока 28 апреля не был сам арестован прямо в постели, с температурой под 40 градусов. В ночь его ареста меня как раз допрашивали.

Г-н Басй̄м не только был главной опорой Собрания в этот период, не дав ему распасться, но этот выдающийся слуга Дела также совершил ещё один важный поступок: В начале марта правительство прислало Собранию предписание об уплате огромного налога на Машриқ аль-Азкār. К несчастью, в результате недавних событий, ареста и заключения бахаи в тюрьму, в Фонде совсем не осталось денег. Мужчины, по большей части, находились в тюрьме, а для женщин, оставшихся без средств к существованию, выплата этого налога представляла огромную проблему. Г-н Басй̄м пригласил всех женщин на встречу, чтобы посоветоваться с ними. Он объяснил им, что цель взыскания столь непомерного налога — конфисковать Машриқ аль-Азкār. Если деньги не будут уплачены, власти используют это как предлог для того, чтобы забрать здание. Он сказал, что если это случится, всем нам будет очень стыдно перед лицом Бахауллы в следующем мире. Он добавил, что здание почти наверняка всё равно конфискуют, даже если налоги будут уплачены. Однако если это произойдёт, то наша совесть будет чиста, ибо мы выполним наш долг.

Женщины осознали, что поставлено на кон. Они мужественно отдавали последнее, и собрали достаточно пожертвований, чтобы безотлагательно уплатить налог. Выплата государственного налога стала последним актом служения г-на Басй̄ма. После этого всё произошло именно так, как он увидел в своём сне — его забрали со словами: «Хватит, Вы сделали достаточно, сейчас Вы пойдёте с нами». Как уже было упомянуто выше, его забрали 28 апреля, когда несколько человек пришли к нему домой, чтобы арестовать его. В этот момент он лежал в лихорадке с температурой около 40 градусов.

Как уже было сказано, утром 6 февраля мы с моим деверем, г-н Таухй̄дом, собирались пойти в Машриқ аль-Азкār, а затем — на завтрак к нему домой, где ночевали наши жёны. Когда мы пришли и рассказали о событиях предыдущей ночи, моя жена стала уговаривать меня вернуться в наш дом немедленно. Мы ещё даже не начали завтракать. Она так объяснила свои волнения: «Никто не может сказать, что случится дальше; весьма вероятно, что должностные лица прямо сейчас стоят у нашего дома и собираются арестовать одного из нас. Если они увидят, что дома никого нет, они могут подумать, что мы сбежали». Я должен добавить здесь, что моя супруга была в те дни одной из активисток в общине. Она принимала участие почти во всех программах, проводившихся в Хазй̄рат аль-Қудс. Следовательно, можно было практически не сомневаться, что её арестуют. Я умышленно процитировал здесь слова моей супруги, сказанные в этот момент неизвестности, потому что они вполне характеризуют силу духа и героизм всех друзей без исключения, особенно женщин. Они передают то мужество, с которым бахаи встретили это тяжёлое бедствие, — мужество, которое они сохранили до самого конца. Они ничего не хотели для себя лично, желая только соблюдать Божественные Повеления и быть покорными ясным указаниям свыше.

Я согласился с моей супругой, потому что её точка зрения была ясной и логичной, следовательно, так и следовало поступить. Мы с моей супругой и нашим трёхмесячным ребёнком отправились домой. Нам нужно было пройти более четырёх километров. По дороге мы миновали несколько мусульманских домов и слышали, как их обитатели плачут или возмущаются; мы поняли, что их тоже посетили такие же бедствия, как то, что случилось с нами предыдущим вечером. В отличие от них, бахаи, которых Бахаулла учил быть сдержанными и снисходительными и держаться золотой середины при столкновении с бедствиями, вели себя очень достойно. Посреди этих угрожающих событий они казались воплощениями безмятежности и спокойствия; они не сетовали на свою участь и бережно хранили неприкосновенность Дела Божиего, которому были верны. Когда друзья входили в дом бахаи, где кого-то арестовали, они видели только улыбающиеся лица членов семьи и не знали, как выразить им свою симпатию. Любовь к Бахаулле столь глубоко проникла в сердца Его возлюбленных, что там не осталось места для воспоминаний о той боли, которую они вытерпели. Они всецело полагались на излияния Его щедрот и благословений и не обращали никакого внимания на горести, вызванные поворотом событий. Депрессия и уныние — удел тех, кто не изведал ранее несчастий. Но людям, окружённым бедствиями, была дарована сила испытать до дна любую горькую чашу, не проронив ни единого слова жалобы. Та же сила позволила членам их семей взирать на их страдания со светлыми и радостными лицами.

Когда мы проходили мимо дома д-ра ‘Аббаса-и Зайна, мы услышали, что власти обыскивали его дом с вечера до утра. Они конфисковали столько ценных вещей у этого небедного человека, что им потребовалась повозка, чтобы увезти их все с собой.

Чтобы читатель яснее представил себе, каким духом были исполнены друзья в те дни, я процитирую ниже то, что я услышал от одного из друзей, служившего в оргкомитете: «Как-то раз оргкомитет, ответственный за составление программы еженедельных собраний, встречался в доме одного из друзей. После того, как было решено пока прервать обсуждения и перенести встречу на другой день, мы стали разговаривать о тех, кого арестовали, и джинāб-и Āqā ‘Али ‘Алийов, которому было в ту пору около шестидесяти лет и который занимался подготовкой календаря бахаи, переписыванием Святых Писаний и т. д., сказал сердито: “Уже третью ночь я жду понапрасну, что меня арестуют. Они арестовали моего брата в первую же ночь. Почему они заставляют меня ждать?” Он был сыном джинāба-и хāджй Абӯ-Тāлиба, а его братом был джинāб-и Āqā Махмӯд. Āqā ‘Али дождался исполнения своей мечты — он был арестован и сослан в Сибирь, где и вознёсся в Царство Абхā.

Ещё один бахаи, которого арестовали и посадили в тюрьму в первую же ночь,— джинāб-и Āqā Джамāль ад-Дйн-и Аввалй из Систāна. Он был преданным, искренним, светлым, исполненным энтузиазма и активным верующим, совершенным примером скромности, терпения, стойкости, невозмутимости и преданности. Хотя он не очень хорошо знал грамоту, тем не менее, он питал искреннюю страсть к постижению Учения Бахауллы. Благодаря постоянному изучению Писаний он удостоился привилегии выступать с речами на еженедельных встречах бахаи. Его выступления, хотя и были очень простыми по форме, шли из глубины его сердца и поэтому проникали в сердца слушателей. В тюрьме мне посчастливилось делить с ним одну камеру в течение четырёх месяцев. На устах его всегда была доброжелательная улыбка, что бы ни происходило. Никакие бедствия, сколь угодно суровые, не могли поколебать стойкость его веры в Бога. Он часто делился с остальными своим ежедневным рационом хлеба и готов был отдать человеку последнюю рубашку, но никогда не принимал помощи от окружающих, пусть даже ему предлагали всего лишь кусочек сахара. У него было много похвальных качеств, которые все невозможно перечислить. Иными словами, он и в сердце своём, и в отношениях к окружающим был воплощением истинного бахаи. В течение тех четырёх месяцев, когда мы сидели в одной камере с 65 другими людьми, большинство из которых было мусульманами, иногда весьма фанатичными и предубеждёнными против Веры, все они выказывали уважение к г-ну Аввалй.

Вышло так, что и в Сибири мы жили недалеко друг от друга,— примерно в сорока километрах. В результате перенесённых страданий и жестокого обращения в течение 21-месячного заключения, а также из-за недоедания и отсутствия нормальной одежды в условиях мороза, иногда достигавшего 53 градусов Цельсия ниже нуля, сопротивляемость его организма была сломлена, он подхватил туберкулёз и вскоре скончался. Я отправился повидаться с ним той же зимой, в начале апреля, через пять месяцев после нашего прибытия в Сибирь. Хотя он постоянно вытирал платком кровь, которая шла у него при кашле, его лучистая улыбка по-прежнему озаряла его сияющее лицо. Он был готов до конца исполнить Божию Волю, вознося хвалы и благодарения Порогу Шоги Эффенди, главы мира бахаи. Он постоянно повторял мне: «Молись, чтобы мы сподобились одобрения Благословенной Красоты, которая есть не что иное, как одобрение Божие».

Последствия массовых арестов бахаи

Здесь было бы уместно кратко рассказать о положении бахаи, особенно женщин, и какие страдания они претерпели вследствие массовых арестов, — отсутствие финансовых средств и необходимых для жизни вещей, а также эмоциональные трудности.

Во-первых, сама государственная кампания массовых арестов. После неё едва ли осталась хоть одна семья, которая не оплакивала бы кого-то из родных, оказавшихся в тюрьме и подвергавшихся допросам. Чтобы пояснить это утверждение, я приведу несколько примеров.

I. В ашхабадской семье Гульпайганй было двое сыновей и четверо зятьёв. Их старший сын и все четверо зятьёв были арестованы. Позже мы расскажем о пытках, беспрецедентных по тяжести и бесчеловечности, которым подвергся Тарāзу'ллāх, старший сын Āqā сийида Михдй и Сакйне Хāнум. Здесь мы кратко упомянем участь их зятьёв:

I. Āqā 'Абду'р-Рахйм-и Забйхййāн пробыл в тюрьме несколько месяцев, но его миновали жестокие допросы и пытки. Его выпустили после того, как его дом был конфискован, а семья выслана в Иран. Его жена, Тāййибе Хāнум, вместе с двумя юными сыновьями и маленькой дочерью, получила предписание о депортации и вынуждена была уехать, пока он находился в тюрьме. После того, как его выпустили, г-н Забйхййāн провёл несколько лет в доме своей тёщи в Ашхабаде, прежде чем смог получить выездную визу и воссоединиться со своей семьёй в Тегеране, где он и умер.

II. Āqā Мухаммад-Хусайн (Мухаммад-Алй) Сахбā был преданным и энергичным новым верующим. Однажды утром он вышел из дома и больше не вернулся назад. Он был арестован прямо на улице и отправлен в тюрьму, в то время как его жена, с двумя маленькими детьми (три года и шесть месяцев), всё ждала, когда он вернётся домой. Его жену звали Са'йде Хāнум, и она, как и все прочие женщины, чьи мужья были арестованы, получила предписание о депортации и отправилась в Иран через 2 или 3 месяца после ареста мужа. Прошло семь лет, прежде чем её муж, перенеся заключение, пытки и изгнание в Сибирь, вернулся в Мешхед, где воссоединился со своей семьёй. Их старший сын, Бадй'у'ллāх, умер вскоре после того, как Са'йде Хāнум переехала в Мешхед.

III. Āqā сийид Ахмад-и Таухйд и я, Асад'у'ллāх-и 'Алйзād, были арестованы в ночь на 28 февраля. Жена Āqā Ахмада, Қудсийе Хāнум, был беременна их вторым ребёнком. Через два месяца после его ареста Қудсийе Хāнум и их трёхлетняя дочь получили выездную визу и были насильно репатрированы в Иран.

Āqā сийид Ахмад на момент написания этого повествования был жив и жил в Казахстане, в районе Пресновки. Он придерживался убеждения, что бахаи не должны уезжать из Советского Союза. Қудсийе Хāнум, вырастившая двух детей собственными силами, проживает, вместе со своими двумя дочерьми и зятьями, в Мешхеде, где они успешно служат Вере.

IV. Я, Асад'у'ллā 'Алйзād, женатый на Ридвāнийе Хāнум, младшей дочери г-на и г-жи Гульпайганй, в настоящее время мы проживаем, вместе с нашей дочерью Нāхид, на пионерском посту в северной части Финляндии.

Я должен упомянуть здесь весьма важный момент, а именно, тяжкие страдания непреклонной г-жи Гульпайганй, Сакйне Хāнум по прозвищу Бйбй, во время тюремного заключения её зятьёв. Эта заботливая мать с распостёртыми объятиями принимала своих дочерей, которые, одна за другой, стекались к ней домой после ареста своих мужей в поисках убежища. Каждая из них, вместе со всеми своими детьми и вещами, поселялась в её доме и пользовалась её заботой и защитой до самого момента отъезда из Ашхабада и возвращения в Иран. После того, как её дочери обосновались в Иране, Сакйне Хāнум стала выполнять роль посредника между ними и их мужьями в Сибири. Эта преданная и жертвенная женщина, чей первый сын умер под пытками и стал мучеником, чьи четверо дочерей были изгнаны в Иран, чей младший сын, Ридвāну'ллāх, погиб во время опустошительного ашхабадского землетрясения, потерявшая зрение к концу жизни, никогда не согласилась бы оставить поприще служения. Она осталась в Ашхабаде до самого конца, будучи источником вдохновения и поощрения для всех многострадальных друзей. Она умерла 3 марта 1963 г. и достигла своего сердечного желания — быть похороненной, как и её знаменитый муж, Āqā сийид Михдй, в городе 'Ишқ.

2. Семья хаджй Мухаммада-Бакира-и Ахмадова широко известна друзьям в Ашхабаде, на Кавказе и в Азербайджане, потому что какое-то время на принадлежавшей ему шёлковой фабрике в Милане были спрятаны останки Баба и Его спутника. Ақә сийид Асад‘у’ллāх-и Асбақй, старший сын хаджй Мухаммада-Бакира, был арестован. Ему было в то время около 60 лет. Его жена умерла за двенадцать лет до этого, оставив его с пятью малыми детьми — тремя сыновьями и двумя дочерьми. Таким образом, он был для своих детей одновременно и отцом, и матерью. Ақә Асад‘у’ллāх был арестован в первую же ночь описанных событий. Вскоре после этого были арестованы его старший сын Ақә Мунйр-и Асбақй и второй сын Манўчер, которому на тот момент только что исполнилось 20 лет. Таким образом, из этой семьи, где было шестеро человек, трое старших оказались в неволе, и младшие остались в одиночестве, поражённые горем и лишённые защиты. Семья Асбақй была широко известна своей честностью, чистотой, надёжностью и правдивостью. В них объединились две похвальные черты — одновременно щедрость и умиротворение, великодушие и скромность. В личной жизни они придерживались умеренности и скромности, но когда в их доме проводились мероприятия бахаи и домашние встречи, они были в высшей степени великодушны и гостеприимны. Ниже мы ещё упомянем г-на Асбақй и его сына Манўчера.

3. Как уже было сказано выше, г-жа Заррйн Тāдж Акрамй была отправлена в тюрьму в первую же ночь массовых арестов. В одну из последующих ночей представители власти вернулись и забрали также и г-на Акрамй. Сын г-жи Акрамй, который познал горечь утраты отца в раннем детстве и последние 2-3 года немного оттаял под опекой заботливого и преданного отчима, недавно ставшего бахаи, разом оказался в положении беспомощного сироты, лишённого защиты и убежища. Злобный и жестокий враг разбил в прах все чаяния и надежды невинного ребёнка, сделав его беспризорным бродягой.

4. Выше также упоминалось, что секретарь Местного Духовного Собрания, джинāб-и Ақә Мухаммад-‘Алий-Шахйдй, был арестован и помещён в тюрьму в ту первую ночь. Вскоре после этого безжалостные власти арестовали и его жену Лақā‘ййие Хāнум. Трое их маленьких детей, утешение и свет для сердец их родителей, росшие в безоблачной атмосфере их заботы, вскоре были выброшены из своего дома, средоточия тепла и любви, и, лишённые счастья родительской любви, дополнили ряды странствующих беженцев.

Я привожу все эти примеры с тем, чтобы продемонстрировать, насколько действительно все семьи были поражены горем и в каком состоянии траура они пребывали. Потому что иначе читатель мог бы подумать, что я преувеличиваю серьёзность этого события с целью вызвать сочувствие и жалость. Напротив, из-за не очень хорошего владения персидским языком я не могу подобрать слова, которые отразили бы даже часть бед, зверств и страданий, причинённых бахаи в те дни.

Очевидно, что тот, кто не страдал в своей жизни от зубной боли, не сможет понять, какие мучения она вызывает, и тот, кого не коснулось бедствие, не может в полной мере прочувствовать состояние человека, погружённого в океан несчастий и готового вот-вот захлебнуться в нём.

Вышеприведённые примеры более или менее описывают обстоятельства жизни преследуемой общины в целом, позволяя читателю уловить отблеск того, что они пережили. Кроме силы любви к Богу, веры и упования на Бахауллу, ничто иное в целом мире не смогло бы удержать этих ни в чём не повинных людей на краю пропасти отчаяния, в которую они, конечно, были бы иначе ввергнуты; и никакая сила не смогла бы исцелить их разбитые сердца или дать им утешение и покой. Ситуации, подобные упомянутым выше, были весьма многочисленны. Некоторые из них мы упомянем, если позволят обстоятельства.

Иранские бахаи, обосновавшиеся в Ашхабаде, принадлежали к двум категориям. Некоторые обладали приличным состоянием и пользовались определёнными материальными благами перед своим переездом, ещё будучи в Иране. Они отказались от этих привилегий, чтобы откликнуться на призыв ‘Абдул-Баха поселиться в городе ‘Ишқ. Они предпочли поехать пионерами в чужую страну, отринув комфорт и удобство своего родного дома. Они отдали практически всё, что имели, и отправились в Ашхабад с небольшим капиталом.

Другая группа состояла из бахаи, которые потеряли своё имущество и любимых людей в ходе погромов против бахаи в Иране, и жестоко преследовались врагами. Они также ответили на призыв Средоточия Завета и отправились пионерами в Ашхабад.

Бог благословил занятия как тех, так и других, их финансовое состояние постепенно улучшалось, и в конце концов они обрели материальное благосостояние и безопасность. Некоторые стали уважаемыми купцами и коммерсантами с большим капиталом, другие владели обширными землями. И действительно, люди, которые по прибытии в Ашхабад считались низшим классом, сумели вскоре построить первый Машриқ аль-Азкар бахаи в мире. Величие, слава и красота этого Дома Поклонения даровали утешение сердцам пламенных

почитателей Бахауллы, в то же время вызывая зависть и удивление у врагов, узревших силу Веры. До русской революции количество бахаи в Туркестане постепенно возрастало и их финансовые и материальные ресурсы неуклонно увеличивались. Революция всё свела на нет. Богатые и процветающие лишились того, чем владели, и стали нищими. Несколько друзей сумели перевести в Иран хоть какую-то часть своих капиталов и покинуть Ашхабад без спешки.

Непосредственным результатом семилетнего плана правительства, начавшегося в 1929 г., стал жестокий голод, охвативший всю страну и продолжавшийся семь или восемь лет. За это время все богатые бахаи обеднели и пополнили ряды простых людей. Те, у кого осталось хоть какое-то имущество, вынуждены были продать его, чтобы заплатить выкуп за свою жизнь. Таким образом, большинство верующих работало на тот момент каменщиками и другими простыми рабочими. Того, что они зарабатывали, едва-едва хватало на жизнь. Некоторые друзья откровенно бедствовали; их доходы были исключительно скудными. Местное Духовное Собрание предоставляло таким верующим финансовую поддержку. Была ещё одна группа людей — они обучались в России и были лучше устроены, чем остальные. Я принадлежал к этой последней категории. Я работал в электрической компании и получал хорошую зарплату. Помимо зарплаты, я имел возможность подзаработать сверхурочно, занимаясь проектированием и планированием проектов. За неделю я мог создать проект, который приносил мне больше денег, чем моя месячная зарплата. При этом, несмотря на благоприятную для меня ситуацию с зарплатой и сверхурочными, мои сбережения никогда не превышали месячной зарплаты. На момент моего ареста наши продовольственные запасы составляли примерно 5 кг риса, растительное масло и сколько-то кубиков сахара. Мы приобретали это всё на рынке, постепенно и с огромными трудностями, постоянно опасаясь, что нас обвинят в накопительстве. Наша ситуация, вероятно, поможет читателю представить, как жили остальные друзья.

3

Героизм и стойкость женщин-бахай

Я уже говорил выше, что имущественный налог на Машриқ аль-Азкār был уплачен женщинами. Из моего описания финансового и материального положения бахай должно быть очевидно, что женщины в той мрачной атмосфере безнадежности нечасто держали в руках большие суммы денег. Чтобы собрать необходимую сумму, им пришлось продать мебель и личные вещи. Нередко обстоятельства жизни складываются так, что десятицентовая монетка становится ценнее ста долларов, или стоимость буханки хлеба уравнивается с ценностью жизни человеческого существа. Наши героические женщины в те дни оказались именно в такой ситуации. Хвала Богу, несмотря на все беды и трудности Божественная поддержка помогла им сделать всё, что было в их силах, чтобы исполнить свой духовный долг. Именно в этот критический и важный момент на них обрушилась ещё одна катастрофа. Невозможно спрятаться от непреложного Указа Божиего. Как говорится в известном высказывании:

При дворе близости к Богу тот, кто подходит ближе,
Пьёт большую чашу горестей.

Перенеся столько боли и страданий, эти женщины, в конечном итоге, получили предписания о депортации и вынуждены были вернуться в Иран. На их долю выпали беспрецедентные трудности, бедствия и несправедливости. Шок от безжалостного приказа, потрясшего их нежные сердца, и трудности, через которые им, хрупким созданиям, пришлось пройти в ходе возвращения в Иран, были ничуть не менее болезненными, чем железные бичи, которыми избивали в это время их возлюбленных. Надо иметь каменное сердце, чтобы игнорировать слезы угнетённых и оставаться глухим к плачу и страданиям невинных брошенных детей.

Остерегайся вздохов невинного,
Который не спит в ночи и проливает кровавые слёзы,
Ибо посреди блаженной дрёмы
Они настигнут тебя и окружат со всех сторон, словно половодье.

Вскоре после ареста и допроса мужчин были выпущены предписания о репатриации женщин, чьи возлюбленные томились в тюрьме. Им выдали выездные визы, которые, по сути, были предписаниями о депортации. Среди изгнанников, помимо женщин, оказались также старики и дети. От момента выдачи визы у изгоняемой имелось 15 дней на то, чтобы уехать из Ашхабада в Иран. Если ей не удавалось покинуть страну в назначенный день, должностное лицо забирало её из её дома и на грузовике отвозило к границе, передавая с рук на руки пограничному офицеру.

За эти 15 дней те, у кого был дом, должны были получить от помещённых в тюрьму родственников доверенность на его продажу. Поначалу это было трудной и сложной процедурой, но потом процесс был упрощён. Доверенность оформлялась на листе бумаги размером примерно 15×6 сантиметров. Каждый день несколько таких бумаг приносилось в тюрьму, и владелец не имел иного выбора, кроме как поставить свою подпись.

Помимо продажи дома, который был у немногих, женщины должны были продать все вещи, нажитые непосильным трудом. На вырученные деньги они покупали что-то, что они могли увезти в Иран,— предметы, которые можно было бы продать в тяжёлые времена и тем поддержать свою жизнь.

На ашхабадском базаре царило беспрецедентное волнение. Десятки и сотни продавцов заполнили рынок, но не могли найти покупателей. Часто бывало так, что женщина отвозила свою мебель на рынок для продажи, но ни единая душа не подходила к ней, чтобы осведомиться о цене. Тогда она оставляла все вещи на базаре и возвращалась домой с пустыми руками и тяжёлым сердцем. Забирать их домой было невыгодно, потому что сначала ей пришлось заплатить за их доставку на базар, а теперь пришлось бы платить и за то, чтобы их отвезли обратно, а у неё не было никакой надежды, что на следующий день она сможет найти покупателя. Таким образом, она потеряла бы значительную сумму денег на одних только перевозках, и было разумнее бросить всё на рынке.

Чтобы пояснить этот вопрос и продемонстрировать, что творилось на рынке, позвольте мне рассказать вам, что произошло с моей женой. Весьма вероятно, что сотни женщин оказались в те дни в похожей ситуации.

Через два месяца после моего ареста моя супруга получила визу, которая давала ей передышку на 15 дней до того момента, когда её насильно репатрируют в Иран. Оставив шестимесячного ребёнка с бабушкой, она отвезла всю мебель, включая прекрасной работы шкаф из орехового дерева, на рынок для продажи. Она пробыла там до заката. Ей удалось продать несколько мелких предметов, но никто не выказал интереса к шкафу, на который она возлагала основные надежды. Разочарованная, она уже совсем было решила оставить шкаф на базаре, когда вдруг нашёлся покупатель, пусть и предложивший очень скромную сумму. Получив деньги за шкаф, она была настолько обрадована, что вместо того, чтобы отправиться на север, по направлению к дому, она пошла на восток и потерялась в городе, где она родилась, выросла и училась, и который она исходила вдоль и поперёк. Она блуждала несколько часов, прежде чем ей удалось выйти к дому.

Застой на рынке не помешал этим жертвенным женщинам-бахай продавать свою мебель и личные вещи радостно и весело, пусть им и платили очень мало, — ведь им было нужно собрать деньги на уплату чудовищного налога на Машриқ аль-Азкār.

На мой взгляд, это был самый великодушный поступок, особенно потому, что он был для них практически за гранью возможного. Их жертвенный поступок напомнил мне историю про хилого муравья, которые принёс ко двору царя Соломона лапу саранчи в качестве подарка.⁹

Я чувствую себя обязанным упомянуть здесь, что женщинам, после ареста их мужчин, пришлось куда хуже, чем самим мужчинам. Те, у кого имелось какое-то имущество и мебель и кому удалось его продать, всё равно выручили за него очень мало. Этого было в большинстве случаев совершенно недостаточно для того, чтобы прожить достаточно долгое время. Те, кто использовал эти средства для жизни, в отсутствие регулярного источника доходов скоро обнищали и страдали так же, как и те, кто был беден с самого начала. Тем не менее, в общине бахаи дела обстояли совершенно иначе. Члены общины выросли под знаменем Учения Веры; их воспитывали в духе благородства и возвышенности их миссии, единства, равенства, самоотверженности, жертвования своими интересами во имя служения окружающим. Они не раз с честью выходили из испытаний. За годы голода они ни разу не нарушали принцип надёжности и никогда не отказывали в помощи друг другу. Нижеследующее событие ярко демонстрирует степень сотрудничества, предупредительности, жертвенности и самоотверженности бахаи в те непростые времена.

Встреча с Кудсийе Хāнум-и Кудсй

Как уже было сказано выше, джинāб-и Хусайн Биг-и Кудсй, известный как Кучерлинский, был арестован в самом начале. Вечером в день его ареста мы с моей супругой отправились к нему домой, чтобы повидаться с его женой. Официально целью нашего визита было навестить её в это сложное время и продемонстрировать своё участие в её судьбе. На самом же деле мы хотели оказать ей какую-нибудь поддержку, которая наверняка могла ей понадобиться. В конце концов, мы были близкими друзьями и постоянно ходили друг к другу в гости. Г-н Кучерлинский часто обращался к нам по поводу занятий по истории, что мы проводили для молодёжи. Кроме того, он всегда был в высшей степени добр ко мне. Мы сказали себе, что поскольку мы, из всех бахаи общины, были наиболее близки к этой семье, они позволяют нам оказать им какую-нибудь услугу.

Когда мы пришли к ним домой, мы осознали, насколько мы заблуждались. Друзья доказали, что в трудные времена близость и отдалённость не существуют; все решили протянуть руку помощи и стали, будто одна семья. Войдя в дом, мы увидели, что в комнате уже сидит несколько друзей. Мы тоже уселись и стали расспрашивать их о жизни. Кудсийе Хāнум сказала: «Свершилось всё, что судил Господь». Затем она продолжила: «В момент расставания я сказала моему мужу, что мы должны принимать Божью Волю. Я только выразила сожаление о том, что его произведения и книги, результат многих лет тщательных исследований, будут конфискованы теми, кто не понимает их истинной ценности и уничтожит их. (Г-н Кудсй написал большое число буклетов, которые все были конфискованы во время его ареста.) Его ответ был: “Я помню всё наизусть, когда я вернусь, я их напишу вновь”».

Тогда мы сказали себе, что женщина, которая проявляет такую стойкость в религиозных принципах и столь уверена в себе, которая говорит с убеждённостью, что всё произошедшее есть Божия Воля, и демонстрировала этот же дух, прощаясь со своим мужем, не нуждается в нашем сочувствии и утешении. Атмосфера встречи, на которую мы собрались в её доме, конечно же, не несла в себе никаких следов печали или горя. Пока мы там находились, время от времени приходили группы бахаи. Когда мы уже собирались уходить, один господин как раз собирался покинуть дом чуть раньше нас. Г-жа Кудсй вышла в коридор, чтобы проводить его.

Я в этот момент оказался между коридором и гостиной. Я слышал, как этот господин умолял госпожу Қудсей принять от него деньги в качестве финансовой поддержки, а она с величайшим достоинством и независимостью отказалась от них. Наконец, господин потерпел неудачу в своих попытках убедить её, но просил уведомить его в том случае, если во время пребывания её мужа в тюрьме её семья будет нуждаться в какой-то помощи.

И знаете, что это был за господин, готовый с таким ощущением счастья помочь семье из нескольких человек? У него не было ни богатства, ни финансовых накоплений, ни работы. Он не знал никакого ремесла, он даже не мог ни к кому наняться. Ему было 50-60 лет, это был преданный верующий из Сайсана, женатый и с тремя детьми. По очевидным причинам я хотел избежать упоминания его имени, но моя совесть не позволяет мне это сделать. Этого героического человека со столь чистым сердцем, воплощение истинного бахаи, звали Салмāн, и его профессией, как жители Ашхабада называли это, было ҳаммāлий. Он зарабатывал на жизнь носильщиком. Я решил упомянуть его имя с тем, чтобы будущие поколения знали о том, сколь великие души вырастила эта Вера,— души, которые посреди нищеты и жизненных трудностей давали уроки щедрости самым великодушным из людей. Дети джинāба-и Ақā-и Салмāна сейчас живут в Тегеране; они процветают и пользуются уважением среди людей. По моему мнению, их процветание и успех обязаны стойкости веры их отца, его преданности, искренности, чистоте намерений и жертвенности.

Репатриация женщин в Иран

Долгое время после ареста мужчин власти не давали никому выездных виз. Однако тем, кто обращался в Иммиграционное бюро за возобновлением своего разрешения на жительство, выдавалась квитанция и сообщалось, что через пятнадцать дней они должны забрать свои паспорта. Тем, кто приходил через пятнадцать дней, было велено вернуться через две недели. Таким образом, Иммиграционное бюро собрало у себя большое количество паспортов. Примерно в середине весны власти начали постепенно возвращать паспорта их владельцам, выдавая им визу на короткий срок. Одновременно они заставляли заключённых подписывать документы, позволяющие их родственникам продавать их имущество.

Временные визы выдавались таким образом, чтобы потом можно было провести групповую репатриацию из Ашхабада в Иран в заранее назначенный день. Целью пятнадцатидневной отсрочки было получение нужных доверенностей от помещённых в тюрьму родственников для продажи домов и личных вещей, а также приобретение того, что они могли позволить себе купить. В те дни на продажу было выставлено множество домов, но покупатели находились редко. При таких обстоятельствах можно представить себе, какую цену они давали. Таким образом, дома уходили за бесценок. Кроме того, российское правительство не давало изгнанникам, большинство из которых родилось в этом государстве и потратило свои драгоценные жизни на тяжёлый труд за небольшую зарплату, никакой иностранной валюты или банковских чеков. Следовательно, изгнанники должны были купить вещи, которые закон разрешал вывозить из страны и которые им могли бы пригодиться в Иране. Однако в государственных магазинах ничего полезного было не купить. Единственным вариантом было приобретение вещей на базаре, где цены регулировались спросом и предложением. Например, если русская женщина хотела продать старую швейную машинку на рынке, и многие хотели её купить, цена, естественно, поднималась. То же самое имело место и в случае любой другой вещи.

Как репатриировали женщин

Когда изгнанникам, подавляющее большинство из которых были женщины, выдали визы, их уведомили, что они должны уехать в течение пятнадцати дней, и что их мужья и другие родственники присоединятся к ним в пограничном городе Бāджгйрāне.

В то утро, когда им надо было отправляться, дома изгнанников объехал трактор с несколькими прицепами для личных вещей, которые грузились согласно списку, предоставленному сопровождающему должностному лицу. Изгнанники погрузили свой багаж в прицепы, которые трактор отвёз в Бāджгйрāн. Затем пришёл автобус, и в него погрузились сами изгнанники, согласно другому списку. Женщины, весьма опечаленные, но вместе с тем исполненные надежд на воссоединение со своими возлюбленными в Бāджгйрāне, вошли в автобус и навсегда оставили позади дома, где они прожили много лет, и город, который они так любили. Среди изгнанников можно было иногда увидеть маленьких мальчиков или стариков. Вышло так, что мой престарелый отец, которому было в то время 70 лет, и моя жена ехали в Бāджгйрāн в одном автобусе.

В Баджгйране каждая депортируемая должна была взять свои вещи и лично принести их в таможенный зал для проверки. Некоторые инспекторы были специалистами по части создания проблем и осложнений людям; они явно наслаждались, наблюдая страдания людей. Среди них, однако, были и внутренне добрые люди. Их сердца были тронуты страданиями беспомощных женщин, которые внезапно потеряли всё, однако они всё равно ничем не могли помочь. В сложившихся обстоятельствах отступление от приказа могло обернуться для них очень дорого и даже создать им опасность для жизни.

Когда высылаемые вошли в зал, им велели сложить на стол все свои ценности — наличные деньги, золото, серебро, драгоценные камни и ювелирные изделия. Всё это было конфисковано. Им разрешили брать с собой только золотые часы, одно кольцо и пару серёжек. Те, кто имел с собой наличные, должны были сдать их уполномоченным должностным лицам на границе, которые были часто столь же бессердечными волками. Иными словами, правительство приняло все меры к тому, чтобы отобрать у бахаи всё, что у них было. Когда женщины-бахаи покидали Ашхабад, их имущество состояло из нескольких платьев, нескольких наборов постельного белья, самовара, швейной машинки, железной кровати и граммофона. Таков был их капитал в день, когда их высылали вместе с маленькими детьми в Иран, в то время как их мужья и родственники шли по этапу в Сибирь.

Время от времени какой-нибудь инспектор вдруг проникался подозрительностью к одной из высылаемых женщин. Это могло произойти просто потому, что ему не нравилось, как она выглядит, или, упаси Бог, он находил среди её вещей что-нибудь незаконное. В этом случае он начинал открывать всё, что было упаковано, вновь и вновь перепроверял каждую вещь, даже распарывал швы на одежде, причём делал это так грубо, что она приходила в совершеннейшую негодность. Та, которой не повезло вызвать подозрение чиновника, часто задерживались на ночь в пограничной зоне без объяснения причин. Предлог для такого задержания нередко звучал так: «Служащий таможни не успел закончить все формальности».

Спутники женщины, ставшей жертвой этой ситуации, вынуждены были ехать дальше без неё. Бедная женщина оставалась в полном одиночестве, наедине со своими слезами и горькими вздохами.

Говоря кратко, женщинам-бахаи выпало перенести ужасные беды и трудности до того момента, пока они не покинули Ашхабад. Такова была их участь, и никто не в силах был им ничем помочь.

Кубок вина иль сердечная боль —
Каждому что-то своё.
Трус прокликает земную юдоль,
Герой прославляет её.

Прибытие высланных женщин в Иран

Первая группа депортированных прибыла в Иран, исполненная самых радужных чаяний. Несправедливости, которым они подвергались, и гонения, от которых они пострадали, породили у них ощущение, что их соотечественники на персидской стороне границы примут их с распростёртыми объятьями. В реальности же всё вышло иначе. Должностные лица в Баджгйране были грубы и безразличны к участи этих женщин. О том, какие страдания обрушили они на несчастных изгнанниц, лучше промолчать. Безразличие и грубость чиновников сопровождало их всю дорогу до Кучана, где власти, невзирая на политику персидского правительства, тепло приняли всех изгнанников, как мусульман, так и бахаи, и выказали им подлинное гостеприимство. Столь же доброжелательно их приняли и в Мешхеде. В этом городе им даже назначили ежемесячное пособие в пятнадцать тёманов, что было значительной суммой в 1317 г. (ок. 1938 г. от Р. Х.). Некоторых устроили на работу в государственные учреждения. Тем, кто не мог работать в государственных конторах, поручили другие виды работ. То есть, в целом, с ними обращались уважительно и по-доброму. Вскоре за изгнанницами из России закрепилось имя «мухаджирйн» («иммигранты»). Так продолжалось до тех пор, пока группа под предводительством д-ра Арāнй, известная как «немецкие иммигранты», не подохла правительственный арсенал. Виновники были арестованы и помещены в тюрьму. После этого правительство выпустило предписание уволить всех мухаджирйн с работы. Это решение буквально напомнило всем о словах поэта, сказавшего:

За преступление кузнеца в Балхе¹⁰
Медник был убит в Шуштаре¹¹

После этого начались подлинные мучения для депортированных, среди которых главной работоспособной силой были почти исключительно женщины, лишённые защиты и поддержки. Те, кто уже испил горькую чашу бездомности и растерянности, были вновь

уволены с работы и изгнаны из тех городов, где они жили. Правительство, которое поначалу тепло и заботливо приняло невинных жертв режима соседней страны и признало, что с ними обошлись несправедливо, сейчас использовало всю свою силу и мощь, чтобы задушить эти нежные создания. Были выпущены предписания, чтобы те, кого уволили с работы, вернулись в места проживания своих родителей.

Для тех, кто только что устроился на новом месте и более-менее разобрался с основными жизненными вопросами, выполнение этого приказа оказалось весьма затруднительным, ибо приходилось вновь всё бросать и уезжать на новое место. В отношении бахаи эти распоряжения, как правило, выполнялись очень строго. Многие бахаи вернулись к своим родителям и получили поддержку соответствующих Местных Духовных Собраний, которые смогли обеспечить им какую-то защиту. Другие же, кому не удалось прижиться в небольших городках вдали от цивилизации, остались в Тегеране, воспользовавшись помощью друзей-бахаи. Среди них была и моя жена, поначалу обосновавшаяся в Мешхеде. Получив указание уехать в Гульпайган, она, при поддержке г-на Фурутана, который был в то время Секретарём Национального Духовного Собрании Ирана и проявлял исключительную заботу о семье Гульпайганй, смогла осесть в Тегеране. Г-н Фурутан написал подробное и убедительное письмо г-ну Камрану, занимавшему высокую должность в Департаменте полиции, и просил его помочь моей супруге остаться в Тегеране. Именно благодаря его поддержке она сумела остаться в столице.

Рискуя повториться, скажу, что хотя во время тех трагических и печальных событий на мужскую часть общины обрушились неопишуемые страдания и жестокие пытки, вплоть до смерти, тем не менее, колоссальная нагрузка, лёгшая на женские плечи, была ничуть не легче, а может быть, даже тяжелее. В тюрьме мужчины хотя бы были уверены, что получают свою порцию баланды, которая поможет им выжить. Что же касается женщин, то у многих из них на руках остались малые дети, которых нечем было накормить, прежде чем уложить в постель, и будущее их было покрыто мраком.

Благодарность и слава Порогу Благословенной Красоты за то, что изошла от Него заповедь любви и единства, дружества и согласия среди верующих, и за то, что воодушевил Он Местные Духовные Собрании, этих добрых и могущественных пастырей, на защиту Своих слуг. Если бы не заботливая поддержка и наставления Собраний, большинство беспомощных женщин погрузилось бы в крайнюю нужду и жестокую нищету.

Город ‘Ишқ

Мы сейчас вернёмся к возлюбленному городу ‘Ишқ и вспомним, что случилось с друзьями, подвергшимися там испытаниям. Мы уже упоминали, что 6 февраля восемь членов Местного Духовного Собрания были арестованы и помещены в тюрьму. Это событие стало для всех настоящим сюрпризом, такого никто не ожидал. Бахаи всегда олицетворяли надёжность, правдивость, верность и товарищеские чувства ко всем людям. В каком бы качестве они ни выступали и какое бы положение ни занимали, они непременно пользовались доверием и уважением своих начальников. Все знали их как честных и законопослушных людей, следующих всем правилам и нормам. Не было ни одного случая, чтобы они обратили на себя внимание милиции. Теперь же их скопом арестовали, причём сделали это тайком, ночью, и это было весьма неприятно, поскольку бахаи,— в любом месте, при любых обстоятельствах, на любом рабочем месте,— оставались полностью открыты перед окружающими.

Эти ночные аресты не были ограничены только кругом бахаи или пределами города Ашхабада. По всему обширнейшему государству Российскому, от Севера до Юга и от Востока до Запада, в три часа пополудни началась государственная кампания против иностранцев. Никто не избег этой беды. Это пламя свирепствовало затем на протяжении многих лет, и причины его коренились в беспечности людей и упадке религии, как и было предсказано Бахауллой: «Истинно говорю Я: чем больше упадок религии, тем прискорбнее своеволие нечестивцев. В итоге сие неизбежно приведёт к хаосу и смуте».¹²

Ныне это пламя охватило всё государство, сжигая дотла всё, до чего могло дотянуться. Языки этого пламени, возожжённого за много лет до этого, тогда окружили нас со всех сторон.

В первую ночь было задержано, в общей сложности, 80 бахаи. Куда больше было арестовано мусульман. Например, на Бухарском проспекте проживали в основном мусульмане,— железнодорожные рабочие и носильщики. Неподалёку располагался Хусайнбад, населённый большим количеством бахаи. На Бухарском проспекте не осталось ни одного мусульманского дома, где кто-нибудь не был бы задержан. Были арестованы практически все мужчины-мусульмане с этой улицы. С другой стороны, аресты бахаи резко контрастировали с этой ситуацией: задержали только выдающихся, тщательно отобранных членов общины.

Обстоятельства ареста других бахаи уже описывались выше. Некоторые должностные лица, пришедшие арестовать бахаи, обращались с ними грубо и невежливо. В ряде случаев без разбора конфисковывалось всё, что попадалось этим людям на глаза, будь то книги, письменные документы, мебель, личные вещи и т. д; мало что из этого могло бы служить вещественным доказательством. В ту ночь, когда я был задержан, должностные лица забрали из моего дома 42 книги, электрический тестер, логарифмическую линейку, две других специальных линейки для вычисления потребления электричества, а также генератор.

Обыск проводили два должностных лица; один из них был настоящим джентльменом и вёл себя исключительно вежливо. Другой же был груб, неприятен и бесчувственен. Чтобы понять меру его озлобленности, достаточно упомянуть, что он обыскал даже нашего трёхмесячного ребёнка. Он велел нам развернуть ткань, в которую был запелёнут спящий младенец, чтобы он мог проинспектировать пелёнки. Наконец, эти двое закончили свою работу и подготовили протокол, который затем был подписан обеими сторонами. В этот момент мы осознали, что джентльмен был начальником, а грубиян — его помощником. Мы возблагодарили Бога за то, что начальником не был этот хам, потому что тогда нам пришлось бы очень трудно.

Чиновники сложили все конфискованные предметы в мешок. Поскольку я ожидал прихода этих гостей, я заранее подготовился, упаковав сумку с постельными принадлежностями, одеждой и несколькими кубиками сахара и конфетами. Всё это, а также конфискованные предметы, я должен был взвалить себе на плечи, словно носильщик. Когда я покинул свой дом пешком, конвоируемый двумя мужчинами, шедшими по обеим сторонам от меня, было почти 3 часа пополудни. Поскольку должностные лица не хотели, чтобы нас кто-то видел, мы должны были пройти два километра очень быстро и без остановок. Моросил дождь. Когда мы вошли в помещение политотдела, ко мне подошёл солдат и, по указанию чиновника, забрал мешок с конфискованными предметами. Затем меня отвели в комнату ожидания, где я увидел своего деверя, сиййида Ахмад-и Таухида, а также ‘Абду’л-Ваххаба Уббади и Фадль’уллаху, которые были арестованы ранее. Охранник, находившийся в этой

комнате, не позволяя нам разговаривать. Мы пробыли в этой комнате какое-то время. Всё это время приводили других заключённых, так что нас стало десять. Было примерно 4 часа утра, когда мы отправились в тюрьму.

В тюрьме

Согласно распоряжениям должностных лиц из политотдела, которые принимали нас, мы забрались в грузовик, охраняемый несколькими вооружёнными солдатами. Они стояли по четырём углам кузова, направив на нас винтовки. По дороге мы миновали Машриқ аль-Азкār,— место, память о котором до сих пор греет измученные души всех немало пострадавших бахаи Ашхабада и даёт надежду их разбитым сердцам. Мы устремили свои взоры к этому Божественному Источнику Вдохновения и с сердцами, переполненными преданностью и надеждой, обратились к нашему Создателю. Это был последний раз, когда мы видели Машриқ аль-Азкār. Мы использовали эту возможность, чтобы испросить у Вседержителя поддержки и помощи. Было примерно 5 часов утра, когда мы были переданы в руки тюремных стражников в Ашхабаде. Наш багаж, состоявший из постельных принадлежностей и одежды, был внимательно обыскан. Особое внимание было обращено на нижнее бельё, надетое на нас — не написано ли чего в его швах. Нам разрешили взять с собой не более 50 рублей. Стражи конфисковали деньги сверх разрешённой суммы у тех, кто взял с собой больше, и выдали взамен квитанцию. По завершении некоторых формальностей нас отвели во двор тюрьмы и велели сесть на корточки. По-прежнему моросил дождь. Нам пришлось сидеть в этом положении до тех пор, пока, в 7 утра, не открылась контора начальника тюрьмы. За это время наша одежда насквозь промокла, и в обуви хлюпала вода.

В эту ночь арестовывали только бахаи, и в этой конкретной тюрьме (в Ашхабаде было ещё 5-6 тюрем) нас собралось 32 человека. В 7 утра нас построили в колонну по двое и некий человек нас куда-то повёл. Нас особо предупредили, чтобы мы не разговаривали друг с другом и избегали смотреть по сторонам. Мы миновали главный двор тюрьмы и пришли в другой, небольшой двор. Затем нас привели в секцию здания, где была расположена баня. Нам велели снять одежду в раздевалке без дверей и с цементным полом. Пришли два парикмахера и обрили нам головы. Нам пришлось оставаться в обнажённом виде, пока парикмахеры не завершили свою работу. После этого мы перешли в баню, где каждому выделили ведро тёплой воды, чтобы помыться.

В то время, пока мы были в бане, тюремное начальство делило вновь прибывших по комнатам, размещая в каждой в несколько раз больше человек, чем они обычно должны были вмещать. Г-да сиййид 'Инайтату'ллах, зять г-на Хурасāни, Фадльу'ллах Фāтихй, Махмūd Шарқй, 'Абду'ль-Ваххāб 'Уббādй и я были брошены в камеру № 2. Когда я говорю «брошены», это не просто оборот речи. Когда за нами захлопнулась дверь, мы услышали голос начальника камеры, который сам был заключённым. Он недовольно пробурчал: «Ну вот, ещё одни!» Мы стояли в полной растерянности, ничего не видя вокруг себя. Камера была большой, примерно 5×7 метров, без окон. В потолке было отверстие, примерно 50×80 сантиметров. Отверстие было столь маленьким, потолок так высоко, а пространство таким обширным, что внутрь почти не проникало ни света, ни воздуха для вентиляции. Большинство заключённых были мусульманами с Бухарского проспекта, которые окружили нас и стали с нетерпением расспрашивать о новостях внешнего мира. Они хотели узнать, какие шаги предпринимает персидское консульство и Посольство Его Величества для освобождения заключённых, и когда можно ожидать, что их выпустят на свободу. Когда мы признались в своей полной неосведомлённости, они не могли нам поверить и думали, что мы боимся сказать им правду. Им казалось непостижимым, как это группа невиновных людей находится в тюрьме уже 23 дня, причём каждый день их число растёт, а правительство, обязанное их защищать, ничего не делает ради их освобождения.

Затем меня кто-то позвал из глубины комнаты. Я оглянулся, но не смог разглядеть, кто зовёт меня; мои глаза ещё не привыкли к темноте, а лица было трудно узнать, потому что все были небритые. Я взгляделся более пристально и вновь услышал, как кто-то зовёт меня по имени. В этот раз я узнал и голос, и человека, которому он принадлежал. Это был наш сладкоязычный поэт, джинāб-и Ақā Нāдир-и Нйрӯ. Рядом с ним находились г-н 'Алй Акбар Салахов, г-н Асаду'ллах Асбақй и г-н Забйху'ллах Кāзимзāде, второй сын джинāба-и хāджй 'Алй. Эти друзья были одними из самых выдающихся бахаи Ашхабада из всех арестованных на тот момент. Узнав меня, они позвали меня к себе и сообщили старшему, которого звали 'Алй, что они могут разместить меня в своей части камеры. Позже я по достоинству оценил, какую жертвенность они, на самом деле, проявили, чтобы приютить меня.

Трудности 22 месяцев заключения

Камера № 2, где мы находились, была тёмным помещением, где ранее складировалась всякая рухлядь. Когда число задержанных резко возросло и размещать их стало негде, эта и ещё несколько подобных комнат были приспособлены под камеры. Как я уже сказал выше, наша камера имела в длину 7 м, а в ширину — 5. Чтобы максимально использовать её площадь, она была поделена с севера на юг на две части, по 2,5 м шириной каждая. В каждой части заключённые спали в два ряда, один ряд к северу головой, другой — ногами. Свободного расстояния между спящими не оставалось. Заключённые прозвали эту систему «каллих пā», то есть «головой к ногам». Двухметровое пространство перед входом оставалось незанятым. Оно требовалось для открывания двери. В нём также находилось ведро-туалет, которое заключённые использовали по ночам. В секции, примыкающей к входу, которую мы занимали, находилось в общей сложности 86 человек. Позже нас стало 95. Мы все спали прямо на полу, покрытом гудроном. Поскольку нас арестовали зимой и с нами была наша тёплая одежда, она тоже занимала какое-то место. Кроме того, приходилось куда-то ставить еду — хлеб и сахар. Тюремные власти отказали нам в просьбе позволить заворачивать еду в тряпки и развешивать её на стене. Принимая во внимание все эти обстоятельства, старший по камере должен был внимательно следить за порядком, чтобы никто никого не обижал. Поэтому, прежде чем прибывали новые заключённые, он заранее выделял им место в размере двух ладоней — точнее, одной ладони и шести пальцев. Отмерял он это пространство именно так — своей рукой. Когда мы присоединились к обитателям этой части камеры, и так весьма ограниченное пространство, на которое заключённые в ней могли рассчитывать, оказалось безнадежно перепутано. Наша группа из пяти человек добровольно согласилась занимать пространство, выделенное на четверых. Остальные четверо были распределены среди других заключённых этой части. Таким образом, каждому здесь выделялась всего одна ладонь и пять пальцев. Позже пришли новые заключённые, и это место ещё уменьшилось. Каждый вечер возникала ругань из-за места. Все обвиняли своих соседей в том, что те покушаются на один или два пальца чужого пространства. Старшему по камере приходилось вмешиваться, чтобы помочь спорщикам достичь согласия и восстановить мир. В противном случае, если доходило до рукоприкладства, страдали все заключённые. Наказанием за плохое поведение было лишение, на несколько дней, возможности умываться и мыть руки; кроме того, в этом случае запрещалось пользоваться туалетом снаружи. Наказание было поистине суровым. Трудно даже представить себе, как почти сотня человек могла пользоваться одним 20-литровым ведром для отправления своих естественных потребностей на протяжении нескольких дней. Ведро имело в высоту 60 см. Приходилось вставать спиной к этому ведру и облегчаться так, как это делают коровы. Чтобы помочь человеку преодолеть чувство крайнего унижения при пользовании этим приспособлением, двое заключённых обычно держали перед ним в этот момент одеяло, тогда возникало хотя бы какое-то чувство уединения.

Простой подсчёт, исходя из трёх минут на каждого заключённого, показывает, сколько времени требовалось всем девяноста пленникам, чтобы воспользоваться этим ведром хотя бы раз в день. К этому добавлялись проблемы тех, кому утром надо было воспользоваться ведром в срочном порядке. Омерзительный запах разливался в воздухе и создавал поистине адскую атмосферу для всех обитателей камеры.

У меня ярко отложился в памяти тот день, когда на нас было наложено это взыскание. Это было 21 марта. Первые 10 человек, которым надо было воспользоваться ведром срочно, начали ругаться друг с другом. ‘Али Яқа, старший по камере, попросил всех вытянуть жребий, чтобы установить очерёдность. После того, как жребий был брошен и выяснилось, кто за кем следует, он мрачно заметил: «Ну и Нау-Руз у нас в этом году! С Новым Годом вас всех, друзья!» После этого поздравления у кое-кого из заключённых на глаза навернулись слёзы.

Хуже всего было то, что тюремное начальство запрещало выносить это ведро с нечистотами, пока оно не наполнится на две трети. Заключённые иногда доливали в ведро из своей пайки питьевой воды, столь драгоценной для них, чтобы поднять уровень до нужной метки. Аналогичная ситуация имела место во всех камерах тюрьмы. Однако камера № 2, в которой находились мы, имела дополнительный недостаток — застойный воздух. В комнате полностью отсутствовала вентиляция, а дверь была постоянно закрыта. Слуховое окно в крыше было бесполезно, поскольку воздух был настолько зловонным и тяжёлым, что не желал выходить наверх. Поэтому наша ситуация была особенно неприятной. Ещё одной проблемой было то, что за одной из стен нашей комнаты располагался туалет, то есть наша камера имела с туалетом общую стену, длиной примерно три метра. Пол туалета был примерно на 75 см выше, чем пол в нашей комнате. В те дни никакой гидроизоляции на стенах не было, а ведь туалетом пользовались ежедневно 700-800 человек. В результате этого его выгребная яма была

постоянно переполнена, и на трёх метрах общей стены мы могли постоянно наблюдать капли воды, просочившейся оттуда. Запах аммиака в жаркие дни становился совершенно невыносимым.

Как мы спали

Самые большие трудности начинались, когда мы собирались отойти ко сну. Чтобы поспать, мы могли использовать своё «личное» пространство в одну ладонь и пять пальцев, не считая того, что в этом же пространстве размещались ноги человека, который лежал «валетом». Иногда ноги партнёра дотягивались где-то до уровня плеч. Перед тем, как заснуть, каждый из нас должен был внимательно запомнить положение тех, кто спал рядом и в ногах, чтобы во сне не перейти дозволенной границы. Впрочем, когда всеми овладевал сон, люди начинали двигаться произвольно и сдавливали друг друга, словно части одного бутерброда. Иногда кто-нибудь закидывал ноги другому человеку на живот, и тому становилось трудно дышать. Если кому-то надо было встать, чтобы пописать, приходилось преодолевать нешуточные препятствия. Во-первых, чтобы подняться на ноги, приходилось расталкивать людей справа и слева, чтобы они посторонились и позволили ему встать. Как только он вставал и уходил со своего места, окружающие тут же засыпали и произвольно занимали освободившееся место, так что возвращаться ему было уже некуда. Второй стадией этого труднейшего мероприятия было пробраться к ведру, потому что на полу совсем не было места, куда можно было бы поставить ногу. С такой же проблемой нехватки места и ужасных условий для сна сталкивались во всех камерах. Так, в одной из камер, где стояли односпальные железные кровати на низких ножках, на двух поставленных рядом кроватях спали пятеро заключённых. В это же время под двумя указанными кроватями спали четверо, которые, из-за малой высоты ножек, могли лежать там только на спине. Однако в той камере были окна, туда проникали солнечные лучи и свежий воздух. Мы же не могли насладиться даже такой малостью.

Повседневная жизнь в тюрьме

Наша тюрьма состояла из двух капитальных зданий и четырёх сборных бараков. Здание, в котором содержались мы, имело тринадцать комнат, которые выходили в один коридор. На все комнаты имелся один общий туалет и один бассейн. Поскольку заключённым из одной комнаты было полностью запрещено встречаться с заключёнными из других комнат, власти приняли систему, позволяющую заключённым использовать туалет и бассейн для мытья раз в день. Они выделяли 20-30 минут в день каждой комнате, согласно числу находившихся в ней заключённых. Происходило это между 6 ч и 11 ч утра. Как только обитателям комнаты подходило время воспользоваться санитарными удобствами, охранник открывал дверь и говорил: «Туалет». Заключённые немедленно бежали наружу, кто в туалет, кто к бассейну.

В туалете было четыре отверстия, расположенных в ряд. Над теми, кто занимал место над отверстиями, сразу же нависало несколько заключённых, ожидавших своей очереди и поторапливавших сидящих. Для европейцев, которые без проблем находятся рядом в туалете в полуобнажённом виде, эта система может выглядеть нормально. Однако персы считают это стыдным и отвратительным. У каждого из нас было меньше двух минут на то, чтобы сделать в туалете все свои дела. И в течение всего этого времени охранник, словно ангел смерти на своём посту, наблюдал за строгим соблюдением регламента. Как только чьё-то время кончалось, он кричал «тамām!», то есть «время!». Это означало, что в каком бы положении ни находились люди, им приходилось вставать и идти в свою комнату.

Неоднократно случалось так, что из-за нехватки времени некоторым вообще не удавалось воспользоваться утром туалетом. Логически рассуждая, а равно и в соответствии с тюремными правилами, им должно было быть позволено воспользоваться туалетом и бассейном вновь после полудня, но часто им было в этом отказано. В общем-то, считалось допустимым отказать заключённым в любых их правах, и никто не нёс за это никакой ответственности. Как раз наоборот, добиться удовлетворения каких-то наших прав было весьма проблематично, это сплошь и рядом оказывалось делом сложным и опасным.

В 8 ч утра каждый день всех заключённых пересчитывали. То же самое повторялось каждый полдень. Эта процедура строго соблюдалась в течение всего периода нашего тюремного заключения, невзирая на ситуацию или конкретные обстоятельства.

Каждый заключённый получал утром полкило хлеба и горячую воду, которая играла роль чая. Обед по расписанию был в 12 ч, когда нам приносили бачок супа, и каждый заключённый получал по одной поварёшке. Обед в каждой комнате мог занимать 10-20 минут. Однако тарелок на всех не хватало, и приходилось сначала раздавать суп в одной комнате, затем собирать опустевшие тарелки и использовать их в следующей. Тарелки были

металлические эмалированные, и эмаль была местами сколота; некоторые тарелки в этих местах проржавели насквозь, и суп из них выливался. Принимая во внимание ситуацию, в которой мы находились, у нас не было другого выбора, кроме как с аппетитом и радостью поглощать свою порцию баланды прямо из этих дырок.

Случаи в тюрьме

Во время нашего тюремного заключения мы наблюдали несколько печальных и даже трагических случаев, некоторые из которых я опишу ниже, не пытаясь восстановить их хронологию. Я хочу показать читателю, какие зверства принуждены были выносить заключённые каждый день. Эти эпизоды — лишь малая часть того, что там происходило, ибо ни одного дня не проходило без одного или двух трагических инцидентов.

После полудня того дня, когда нас привезли в тюрьму, все бахаи в нашей комнате собрались вместе. К нашему кругу присоединилось также и несколько небахаи. Когда говорил один человек, все другие молча слушали. Внезапно кто-то крикнул во весь голос: «Амāн! Они его убили». Я повернулся на голос, который поверг меня в глубокое волнение. Я увидел худого и измождённого юношу. У него были начальные симптомы туберкулёза. Он снова подпрыгнул на месте и с криком разодрал себе грудь своими длинными ногтями (в тюрьме мы были лишены возможности подстригать ногти), так что кровь хлынула потоком. Другие заключённые окружили его, пытаясь помешать ему нанести себе новые раны. Он потерял сознание и некоторое время лежал неподвижно. Окружающие стали растирать его тело, пытаясь привести его в себя. Пребывая без сознания, он бредил. Казалось, он даёт чёткие ответы на какие-то вопросы. Голос его был исполнен страха и боли; временами он говорил что-то такое, что становилось ясно — он перенёс ужасные пытки. Он пробыл в этом состоянии всего несколько минут, но ужасная внутренняя боль, которую он терпел, ужаснула всех нас и оставила неизгладимый след в наших сердцах.

Этот юноша был неграмотным, но весьма умным человеком. Он обладал незаурядной проницательностью. Также он выказывал особое уважение к бахаи. Он был арестован в самую первую ночь массовых арестов и ничего не успел взять с собой, кроме той одежды, что была на нём в тот момент.

Я хотел разузнать о нём побольше, поэтому стал расспрашивать друзей. Они рассказали, что в ходе допросов его жестоко пытали. После этого он и стал таким. Я воскликнул, что цель допроса — задавать вопросы и получать ответы, а не использовать силу. На что они ответили: «Потерпи немного, и всё поймёшь. Мы тоже раньше так думали». Затем они обратились к молодому польскому парню, чьё колено было перевязано грязной тряпкой, испятнанной кровью и гноем. Они попросили его показать мне это колено. Не дай вам Бог увидеть такое в своей жизни! Рана выглядела ужасно. Коленная чашка выпирала наружу и была сильно воспалена. Рана раскрылась и была настолько глубокой, что в неё мог бы поместиться грецкий орех. Бледное и измученное лицо юноши вызывало острый прилив жалости, тогда как от вида раны я почувствовал тошноту и головокружение. Я попросил его рассказать мне, что случилось с его коленом. Он сказал: «Меня пытали во время допроса. Меня заставили стоять на одном колене четыре дня и ночи. Вот и появилась эта рана, а потом в неё попала инфекция». Он добавил: «Одного из Ваших друзей-бахаи допрашивали таким же способом, и его постигла такая же участь». Этот друг-бахаи был, очевидно, членом Местного Духовного Собрания.

Примеры, подобные юноше, терявшему сознание, или молодого человека с изуродованным коленом, были отнюдь не единичными. Многих истязали не менее жестоко. Некоторые от этого сошли с ума или ослепли. Живые свидетельства этих ужасов находились с каждой камере, что постоянно угнетало нас и лишало духа. Заключённые говорили между собой, что допросы ведут к безумию, обморокам и потере здоровья, а в некоторых случаях — и к смерти. Поэтому когда кого-то вызывали на допрос, он со всеми прощался и просил не держать на него зла, если он чем-то перед ними виноват.

Обед с трагическим завершением

Как уже было сказано выше, каждый заключённый получал каждое утро полкило хлеба. Затем нам приносили несколько вёдер кипятка, который распределялся среди заключённых. Те, кто захватил с собой чай и сахар, использовали эту воду, чтобы сделать себе чай, другие же пили пустую воду. Некоторые из заключённых съедали весь свой хлеб с водой утром, так как абсолютно нежирный и безвкусный хлеб без сыра или ещё чего-то, что можно было бы на него положить или намазать, имел очень малую пищевую ценность. На обед каждому заключённому давали поварёшку супа. Иногда это был чечевичный суп, имевший вид тёмной воды без какого-либо жира или даже собственно чечевицы. Единственное, что можно было увидеть в этой воде — это несколько чечевичных кожурок. Многие заключённые отказывались есть суп. Что

же касается бахаи, то г-н Салāхов посоветовал нам есть суп, несмотря ни на что, потому что, по его словам, желудку необходима тёплая пища, чтобы избежать трудностей с пищеварением. Мы послушались его совета и всегда ели свой суп. Нам также время от времени давали уху, сваренную из солёной сушёной рыбы, кусочки которой можно было заметить в супе. Это был восхитительный суп, в нём даже было немного жира, надо было только вытерпеть его омерзительных запах. Тем не менее, мы ели его с аппетитом. В те дни, когда давали чечевичный суп, на второе потом давали ложку варёной чечевицы. Скорее всего, «супом» была та самая вода, в которой варили чечевицу. Эта ложка чечевицы была очень вкусной и очень нам нравилась. В те же дни, когда давали уху, на второе была ложка очень густого ячменного супа. После этого предисловия позвольте мне рассказать об одном из обедов, который закончился трагически и который мы никогда не забудем.

Произошло это в конце марта или начале апреля 1938 г. В нашей камере сидело 90-95 человек. Было чрезвычайно жарко. Присутствие столь большого количества людей делало атмосферу удушливой и практически невыносимой. В этот день обед принесли в час дня. Это была уха, отличная на вкус и солёная, как обычно. Мы все съели её с отменным аппетитом. На второе был густой ячменный суп. Нам раздали нашу обычную порцию в одну ложку, и в этот раз ячмень был очень солёным, настолько, что казался горьким. Несмотря на это, мы съели какую-то часть наших порций, чтобы потом не мучиться от голода. Невзирая на это, примерно две трети второго мы съесть не смогли и вернули его обратно.

Обычно любое блюдо из рыбы, даже свежей, вызывает жажду. Ситуация значительно усугубляется, когда блюдо приготовлено из сушёной рыбы, насквозь пропитанной солью, после чего подаётся ещё и солёный суп. Таким образом, вскоре мы все почувствовали жажду. Мы выпили всю воду, которая оставалась в ведре, но наша жажда от этого не уменьшилась, — фактически, она только увеличилась. Мы постучали в дверь и попросили воды. В ответ раздалась непристойная ругань. К несчастью, в тот день на посту стоял самый грубый и жестокий из всех охранников. Он пригрозил наказать нас, если мы будем шуметь. Мы прождали час, но никаких признаков воды так и не увидели. Наша жажда становилась всё острее, горячий воздух и испарения от множества тел мешали нормально дышать. В общем, мы постучали ещё раз, немного громче. Подлый охранник открыл дверь и обозвал нас всеми теми словами, которых сам по-настоящему заслуживал. В конечном итоге он сказал, что так как мы проявили недисциплинированность, то нас нужно наказать. Старший по камере стал протестовать и сказал, что мы умираем от жажды из-за той еды, которую нам дали на обед, и которая, как сам господин часовой хорошо знает, была сильно пересолена.

Часовой велел ему замолчать и вышел из камеры.

Многие заключённые столпились у двери и стали матерно ругаться. Тем не менее, никто не набрался достаточно мужества, чтобы вновь постучать в дверь. Было почти четыре часа, подходило время полдника. У всех у нас запеклись губы, и в печени горел огонь. Кое-кто лежал на полу практически без сознания. Среди нас были джинāб-и Ақā ‘Алий-и Салāхов, поистине добродетельный человек, воплощение совершенства, и г-н Нйрӯ, который был физически не очень крепок. Они видимым образом страдали, но сохраняли достоинство и выдержку. Надежда на скорую чашку чая придавала нам сил. Мы все с нетерпением предвкушали, когда же принесут воду. Надежда и чувство предвкушения, царившие в камере, пока удерживали людей от бунта. Но упаси нас Бог от того, чтобы исчез тот слабый свет, что сияет в отдалении и зовётся проблеском надежды, и на сердца человеческие легла тьма безысходности. Человеческие существа тогда способны совершить любой ужасный поступок.

Прошло какое-то время, на чай так и не появился. Постепенно надежда получить глоток горячей воды стала угасать. Жажда разгоралась всё сильнее. Заключённые утратили свою обычную сдержанность. Они собрались у двери, кипя негодованием и готовые взорваться. Старший по камере, сам находящийся в прискорбном состоянии, просил их быть терпеливыми и не усугублять ситуацию. Но люди начинали приходить в отчаяние и уже не могли терпеть свои мучения. Г-н Нйрӯ, который ужасно мучился от жажды и не мог дышать горячим и спёртым воздухом, смешанным с аммиачной вонью, попытался протиснуться вперёд в надежде получить хоть немного свежего воздуха, просачивающегося из-под двери. К несчастью, в свежем воздухе нуждались многие, а источник его был только один, к тому же очень скудный. Внезапно г-н Нйрӯ во весь голос попросил тишины. Затем он заявил, что если он не получит воду и свежий воздух с следующие несколько минут, он просто умрёт. Та же самая участь ожидает каждого, сказал он. Поэтому он собирается стучать в дверь изо всех сил, а когда дверь откроется, по крайней мере, все получат глоток свежего воздуха. Затем он сказал, что собирается настаивать на своей просьбе до тех пор, пока не получит воду, или пока его не посадят в карцер. Г-н Нйрӯ сделал всё именно так, как обещал; он решительно постучал в дверь. В этот раз к двери подошёл главный инспектор, скромный и спокойный господин, и

выслушал всю историю в подробностях. Затем он велел принести воды, чтобы её хватило на всех.

Согласно приказу главного инспектора, воду принесли в ведре. Несколько человек бросилось к ведру и стало выдирать его друг у друга из рук, потому что всем хотелось немедленно утолить свою жажду. Ведро упало и вся вода вылилась; никому не досталось ни капли. Люди превратились в голодных и смертельно раненых зверей. Они рычали от гнева и проклинали друг друга. Второе ведро воды постигла та же участь; ни одной капли из него не попало по назначению. Заключённые разбушевались ещё больше. Они стали напоминать стаю голодных волков, рвущих друг у друга добычу. Они проклинали друг друга последними словами и грозили отомстить. Когда принесли третье ведро, страдающие от жажды бросились к нему с утроенной энергией. Кто-то схватился за ведро. Те, кто не мог дотянуться до ведра, хватали его за руки и пытались свернуть ему голову. Ведро перевернулось и вода выплеснулась на кровати. Г-н Нйрӯ, который ужасно страдал от жажды, бросился на кровать, чтобы высосать из матраса хоть немного воды, но матрас не отдал ему ни капли. Трое заключённых упали на него сверху, пытаясь сделать то же самое. Он закричал, и мы поспешили придти ему на выручку. Ситуация сложилась очень опасная. Все заключённые были вне себя и совершенно потеряли человеческий облик. В этот момент г-н Салāхов встал и сказал: «Дети мои, послушайте меня».

Когда все замолчали, он продолжил: «Если так будет продолжаться, никто сможет утолить свою жажду, и воды нам больше не принесут. Поэтому вам желательно сидеть по вашим местам. Когда они принесут следующее ведро воды, ‘Али Ақā, старший по камере, равномерно распределит её среди вас. По крайней мере, каждый человек сможет хоть чуть-чуть смочить горло. Когда принесут ещё воды, мы опять поступим так же. Вас следует помнить, что вашему другу приходится тяжелее, чем Вам».

Все расселись, и ‘Али Ақā, словно виночерпий в пустыне Карбилы, стал обносить нас всех водой. Все были счастливы и благодарны ему за это мудрое предложение. Г-н Салāхов посоветовал нам проявить сдержанность и не пить много воды. Избыток воды не только не поможет в борьбе с жаждой, но почти наверняка вызовет понос, добавил он. Мы последовали его совету. Этим вечером заключённые нашей камеры выпили, в общей сложности, двенадцать ведер воды. Той же ночью многих прохватил жестокий понос, восемь человек подхватили дизентерию и были отправлены в больницу на следующее утро. Для одного из них, однако, было уже поздно,— он скончался по пути в госпиталь. Всего один бахаи, а именно, сийид ‘Инāйату’ллāх, высокий и широкоплечий человек, попал в больницу. Три недели спустя, когда нас повели в баню, я увидел его перед воротами больницы и осведомился о его здоровье. Он сказал: «После поноса меня свалила желтуха. Надежды мало. Скоро...» Конец его ответа я не расслышал. Впоследствии я узнал, что его драгоценная душа покинула темницу дольного мира, этой юдоли скорби, несчастий и пыток, и отлетела в Царствие Абхā. Ещё несколько человек, заболевшие в ту ночь и попавшие в больницу, впоследствии умерли. По этой причине я и назвал эту главу «Обед с трагическим завершением». Конец его был воистину трагическим.

Вши и пот

Когда мы прибыли в тюрьму, то обнаружили, что она наводнена вшами. Поначалу мы старались следовать совету друзей, которые рекомендовали нам убивать вшей, сняв одежду. Однако их количество быстро возрастало, ибо они обнаруживали самые благоприятные обстоятельства для размножения и роста — полную антисанитарию. Посетив баню и пропарив там одежду, мы могли спать спокойно несколько дней, однако через 2-3 дня вши появлялись вновь и начинали размножаться с дикой скоростью.

В апреле пришла жара. Стало настолько тепло, что те, кто захватил с собой шорты, переоделись в них. Те же, у кого шортов не было, разоблачились до длинных панталон. Постепенно все обрезали свои панталоны до колен и превратили их в шорты. Таким образом, все мы стали ходить в шортах. В середине апреля в нашей камере стало настолько жарко, что мы всё время обливались потом. В результате наши шорты настолько пропитывались потом, что мы снимали и отжимали их над ведром каждые тридцать минут. И тут мы с восторгом обнаружили, что вши полностью исчезли. Мы спросили наших товарищей-заключённых с Бухарского проспекта, с которыми мы вместе сидели в камере. Они подтвердили, что пот убивает вшей. Но пот создавал и множество проблем, в частности, наша одежда, из-за скопившейся на ней грязи вперемешку с телесным жиром, стала похожа на линолеум. Постирать её мы не могли, потому что тюремное начальство не озаботилось услугами прачечной для нас, но при этом и не позволяло ничего стирать самим, даже бельё. Таким образом, за все наши 22 месяца тюремного заключения мы ни разу не стирали нашу одежду.

Две жизни

Жизнь Āqā Ğulāma-и Aĥmadova

Пот постоянно стекал по нашим головам и лицам, попадая в глаза, что создавало нам много трудностей. Защититься от попадания пота в глаза было невозможно. У некоторых из нас были платки, которыми мы вытирали пот со лба. Единственное средство, которое имелось в распоряжении каждого, — указательный палец. Им следовало почаще проводить по лбу с одной стороны на другую, тогда капли пота падали на землю. Пот повредил глаза многим заключённым, а в некоторых случаях привёл к слепоте. Одним из таких пострадавших был бахаи по имени джинаб-и Āqā Ğulām-и Aĥmadov. Он ослеп из-за попадания пота в глаза.

Человеческие существа задуманы как венец творения и наиболее благородные из всех созданий. У них есть возможность стать олицетворениями благочестия, их сердца могли бы стать престолом Божией славы и отражать небесные качества. Чего я не могу понять, так это каким образом существа, принадлежащие к роду людскому, столь возвышенные в потенциале, могут оказаться в такой степени поражены болезнью безбожия и окутаны завесами безразличия к окружающим, что начинают совершенно игнорировать все принципы и позволяют себе превратиться в жутких кровожадных монстров, по сравнению с которыми самые свирепые из животных кажутся воплощениями разума и доброты?

Г-н Бахā'у'д-Дйн Āfāq, свояк г-на Aĥmadova, поведал мне следующую историю:

Āqā Ğulām был арестован в середине февраля. Его жена умерла несколькими годами ранее, оставив на своего мужа трёх маленьких девочек, которым было на момент ареста их отца 9, 8 и 7 лет. Их отец сделал всё, чтобы воспитать своих детей под сенью своей нежной заботы. Он всеми силами старался выполнять не только обязанности любящего отца, но и нежной матери, чтобы дети ни в коей мере не чувствовали себя сиротами и не испытывали недостаток внимания. Но внезапно, посреди ночи, руки бессердечных тиранов отняли у этих трёх малых деток отца и оставили их сиротами. Он был подобен самоотверженной птице, заботящейся о своём гнезде и кормящей своих юных и нежных цыпляток, предвкушая тот день, когда они сами смогут летать, когда внезапно бессердечный охотник выстрелил в него и тем лишил невинных птенцов воды и пищи. Результат очевиден — будущее этих цыплят сулило им лишь смертельные опасности. Неужели действительно бывают такие охотники?

Святой Боже! Те, кто отдавал такие приказы, сами были родителями. Они делали всё возможное, чтобы взрастить своих отпрысков и обеспечить им приятную жизнь. Они отлично знали, что г-н Aĥmadov и другие отцы семейств, которых они арестовали, совершенно невиновны, но при этом безо всякой жалости бросили их в темницу. Как бы то ни было, факт остаётся фактом: это случилось, и нам никогда не понять побуждений этих людей.

Через несколько дней после ареста Āqā Ğulāma должностные лица вновь пришли к нему домой посреди ночи и постучали в дверь. Маленькие девочки, уже изведавшие, что означает стук в дверь в середине ночи, были в ужасе. Никого не было рядом в тот момент, чтобы защитить их, утешить их испуганные сердца или подставить им плечо, на котором они могли бы поплакать. Старшая дочь не решалась ничего предпринять и просто тряслась от страха. Она не посмела открыть дверь в такое время, однако её младшая, более отважная сестра, которую звали Фарзāне, открыла дверь и спросила, кого господам угодно видеть. Когда они упомянули её отца, она ответила: «Вы можете уходить, потому что три ночи тому назад вы уже забрали его, и здесь больше никого нет, кого вы можете забрать. Нас осталось трое маленьких девочек». Как уже было сказано выше, Āqā Ğulām лишился зрения в течение первого лета своего тюремного заключения. По этой причине его не пытали в ходе допросов. После того, как нас отправили в изгнание, он провёл какое-то время в тюрьме, а затем был освобождён. Его свояченица, Фуруġийе Хāнум, которая жила в Ашхабаде, приютила его у себя дома. Некоторое время спустя после освобождения язва, которая развилась у него в тюрьме, лишила его жизни.

Дочери Āqā Ğulāma были перевезены в Иран его бабушкой по матери, пока он был в тюрьме. Она растила их, пока они не вышли замуж. Все трое активно служат Вере. Самая старшая дочь вышла замуж за г-на Джалāля Фурқāнй, и они на протяжении многих лет были пионерами в Испании. Вторая дочь с мужем тоже поехали пионерами. Фарзāне Хāнум, третья дочь, живёт в Тегеране.

Следует особо упомянуть героизм и редкостное самопожертвование шурина Āqā Ğulāma (брата его жены), г-на Āfāqa. Г-н Āfāq был инженером по профессии. Когда Āqā Ğulām ослеп,

г-н Āfāq, преодолев массу трудностей, смог добиться перевода в камеру к своему зятю. После этого он служил для Āqā Ğulāma и тростью, и глазами, и надёжной опорой. Он обеспечивал Āqā Ğulāmu пристойное существование; водил его в туалет и помогал ему одеваться. Иными словами, он служил ему всем сердцем и всей душой. Летом того года, когда число ослепших и заболевших трахомой достигло полусотни, их всех разместили в одной камере, но г-н Āfāq не покинул Āqā Ğulāma. Он последовал за ним в эту камеру. Его предупредили, что жить среди такого количества людей, страдающих от трахомы, опасно, и его вполне может постигнуть та же участь, но он ничего не желал слушать. Он чувствовал себя обязанным исполнить то, что считал своим долгом, и Бог защитил его от глазных болезней. Ему сейчас почти 60 лет, и на зрение он не жалуется.

Допрос Āqā Mīr ‘Alī-и Салāхова

Джинāб-и Салāхов был знающим, эрудированным и набожным человеком. Он свободно говорил по-арабски. Поскольку он был российским подданным, некоторое время он жил в уединении. Он посещал только празднования Святых Дней. Однако незадолго до описываемых событий он стал весьма активен. Он вёл два класса, посвящённые изучению Китаб-и-Агдас, один у себя дома и один в Хазйрат аль-Қудс. Он был членом Литературного комитета, ответственным за созыв встреч. Он также посещал еженедельные собрания и рассветные молитвы в Машриқ аль-Азқар. Во время Святых Дней он декламировал Скрижаль Посещения своим очень приятным голосом. Его арестовали 10-11 февраля.

В середине апреля, ночью, Āqā Mīr ‘Alī Акбара увели на допрос. Как было принято к тому времени среди нас, он попросился со всеми заключёнными и попросил тех, кого он чем-то обидел, не держать на него зла. Все были глубоко опечалены. Друзья какое-то время читали молитвы. Мы особенно опасались того, что его запытают до смерти, потому что он постоянно призывал нас быть стойкими.

Два дня спустя дверь нашей камеры открылась, и мы увидели на пороге Āqā, который выглядел радостным и счастливым. Заключённые, волновавшиеся о его судьбе и уже не чаявшие с ним свидеться, не скрывали своего удивления и хотели узнать, что произошло. Он обратился к нам и сказал: «Мои сыны и братья! Находясь там, я понял, что формальности допроса — всего лишь игра. Они издеваются над нами, как им заблагорассудится. Они пишут то, что им самим нужно. У нас нет возможности прочесть протокол допроса. Они устно сообщают нам, что они там записали, и мы не знаем, это на самом деле так или нет. Поскольку они пишут, что захотят, а нам приходится подписывать это вслепую, зачем нам так сильно страдать по этому поводу!» Все мы согласились с тем, что сказал г-н Салāхов, и те, кого ещё не вызывали на допросы, были счастливы узнать что-то о той ситуации, в которой они оказались.

Через какое-то время, оставшись в более узком кругу, мы спросили его о подробностях его допроса. Он сказал, что следователем оказался один из его бывших учеников (он когда-то был школьным учителем и преподавал в государственной школе). Затем он продолжал: «Когда мы вошли в камеру для допросов, нам велели сесть на колени лицом к стене. К тому моменту они ещё не начали никого пытать. Мы все ждали, когда придут палачи и начнут нас мучить. По прошествии некоторого времени, дверь открылась и кто-то позвал меня по имени. Когда я повернулся на голос, я увидел Бигларёва, одного из моих учеников. Он забрал меня к себе в кабинет и вежливо попросил меня садиться. Он сказал: “На протяжении двух лет Вы были моим учителем, но теперь я хочу кое-чему поучить Вас в течение нескольких минут. Я хочу, чтобы Вы внимательно выслушали то, что я хочу Вам сказать”. Он затем добавил: “Правительство поступит с Вами так, как им заблагорассудится. Составление протокола и пытки — всё это формальности. Самое важное — это что напишу я. И даже этот документ власти могут проигнорировать. Во время подготовки протокола я задаю вопросы, а допрашиваемый на них отвечает. Тем не менее, он не знает, что именно я записываю. В конце я прошу его подписать протокол, и он обязан сделать это. Я никому не позволяю читать его, и после столь жестоких пыток никто и не осмеливается требовать этого”. Мой ученик затем посмотрел на меня и сказал: “Надеюсь, Вы поняли, что я хотел сказать!..” Я ответил, что всё понял. Он спросил: “Мне составить сейчас протокол?” Я ответил, что конечно, пожалуйста. Он написал протокол и дал мне его прочесть. Я прочитал его от начала и до конца. Он написал его так, чтобы я оказался совершенно не при чём». Г-н Салāхов затем посмотрел на меня и сказал: «Между прочим, следователь просил передать Вам привет и сказал, что, согласно уговору, он передал Ваше дело другому человеку». Я сказал, что понял, о чём идёт речь. Когда он ранее приходил в тюрьму и заполнял анкеты на меня и нескольких других заключённых, он сказал, что если я пообещаю, что запишу то, что он мне продиктует, он оставит дело у себя, в противном же случае он передаст его кому-нибудь ещё. В ответ я сказал, что единственное, что

я могу обещать, это что буду говорить только правду. Он сказал, что нисколько не сомневается в том, что я буду говорить правду, но его не интересует правда. Он хочет, чтобы я записал то, что он продиктует. Затем он добавил: «Я знаю, что Вы не согласитесь, и поскольку мы друзья, наилучшим выходом для меня будет передать Ваше дело кому-нибудь ещё».

С материалами дела, столь доброжелательно подготовленными для г-на Салāхова его учеником, мы нисколько не сомневались, что через несколько дней ворота тюрьмы для него распахнутся и он со всем уважением будет отпущен на свободу. Прежде чем продолжать рассказ о его жизни, мне хотелось бы сделать отступление и поведать следующее:

Через несколько дней после допроса г-на Салāхова к нам посреди ночи пришли какие-то должностные лица и потребовали на выход ряд работников железной дороги со всеми вещами. Опытные заключённые, сидевшие в нашей камере, сказали, что их увели на казнь. Мы спросили, почему они так решили. Они ответили, что, во-первых, их забрали с вещами посреди ночи. Во-вторых, при этом лично присутствовал директор тюрьмы, поскольку ему надо было передать их в согласии с официальными записями и получить справку. Это даст ему возможность удалить их имена из своих списков. В-третьих, присутствовал также его помощник. Это был тюремный палач, ответственный за контрольный выстрел. Он должен убедиться, что они мертвы, и отчитаться о казни перед властями.

Той ночью мы не смогли заснуть и непрестанно возносили молитвы. Через какое-то время нам сказали, что те работники действительно были казнены в ту же ночь.

Та же самая сцена повторилась через неделю. Должностные лица пришли к нам в камеру после полуночи и выполнили все те же формальности. Только на этот раз они забрали джинāба-и Āqā Мйр ‘Алй Акбара. Этот человек, подлинное воплощение достоинства и веры, зная без тени сомнения, что его ведут на казнь, перед тем, как уйти, просил Бога защитить нас всех, затем мило улыбнулся нам и вступил на свою стезю мученичества в состоянии абсолютной покорности и отрешённости. Г-н Фадльу’ллах Фāтихй не мог больше выносить этого, он бросился к нему и расцеловал его на прощание. Выходя из камеры, г-н Салāхов так обратился ко всем нам: «Чада мои, будьте друг другу истинными братьями и прощайте друг другу ваши недостатки». Эти слова, изречённые в столь ужасный момент, тронули нас до слёз, и даже некоторые мусульмане плакали вместе с нами. Мы поняли, что всё, что говорил ему его ученик, оказалось сущей правдой: власти не обратили на его протокол никакого внимания. Всё это действительно были только формальности.

Жизнь и смерть в тюрьме

Времяпрепровождение

Обстоятельства нашей жизни в тюрьме и вся ситуация в целом выглядели весьма странно. В тюрьме, построенной ещё при царском режиме и рассчитанной на 200 человек, находилось 5000-6000 заключённых на протяжении 7-8 месяцев. Двадцать восьмого числа каждого месяца ряд заключённых отправлялся в ссылку, а их места занимали новые люди. Конечно же, столько заключённых там бы никогда не поместилось, если бы не построенные во дворе четыре больших барака, каждый в среднем на тысячу человек.

Кто-то мог бы предположить, что тюремное начальство постарается чем-то занять заключённых, чтобы монотонность жизни в тюрьме не приводила к неприятным инцидентам и недовольство людей не побуждало их к насилию и бунтам. Напротив, тюремное начальство постоянно мучило заключённых и старалось сделать их жизнь невыносимой. Оно не давало им заниматься даже самыми простыми развлечениями. Казалось, оно преисполнилось решимости не давать заключённым ни на секунду забыть о своей печальной участи. А какие у нас могли быть развлечения в тюрьме? Мы понемногу откладывали кусочки хлеба из своего дневного рациона — единственное, чем мы могли бы утолить свой голод. Затем мы жевали их и из получившегося теста катали какие-нибудь фигурки. Иногда мы занимались этим с утра до вечера. Мы лепили шахматные фигурки, костяшки домино, игральные кости, фишки для игры в нарды и чётки, которые бахаи использовали, чтобы повторять каждый день «Алла-у-Абха», а мусульмане использовали для своих молитв. Мы рисовали на своих носовых платках и полотенцах шахматные поля и доски для игры в нарды. Нам не позволялось читать книги, иметь перья или бумагу для письма. Мы были вполне довольны теми простыми играми, в которые нам удавалось сыграть за счёт сэкономленного хлеба. Тем не менее, тюремное начальство запрещало даже такие игры, которые весьма помогали в поддержании тишины в камерах и успокаивали заключённых. Я никогда не мог понять, какую опасность представляют для начальства столь безвредные развлечения. Единственное объяснение — это что им специально нужно было создать как можно больше хаоса и шума, чтобы сильнее помучить заключённых и постоянно оказывать на них психическое давление. Обычно в тюрьме, когда она ещё работала в нормальном режиме, специально предоставлялись такие возможности времяпрепровождения, включая книги, но сейчас, когда тюрьма была преобразована в филиал ада, эти развлечения стали считаться непростительным грехом, и если охранник замечал, что мы играем в шахматы, он устраивал допрос на предмет наличия запрещённых предметов. После этого он конфисковывал найденное в качестве вещественных доказательств, а на следующий день или два назначал какое-нибудь наказание для обитателей этой камеры. Иной раз ситуация усугублялась, и тогда следовала проверка наших личных вещей, которые нам приходилось выносить из камеры. Инспекторы сначала тщательно проверяли камеру. Затем они выходили наружу и проверяли наши вещи — например, постельные принадлежности, — и обыскивали нас с ног до головы. Они даже вываливали на землю содержимое наших котомок — кубики сахара и куски хлеба, — чтобы убедиться, что мы ничего не прячем. Любые предметы, используемые для развлечения, буде таковые обнаруживались у кого-то, конфисковывались и изымались, а их обладатель подвергался длительному допросу. А на следующий день после обыска заключённые вновь начинали экономить хлеб, чтобы опять сделать из него те предметы, которые у них столь жестоко отобрали.

Полночная проверка

Как-то раз в полночь дверь нашей камеры распахнулась, и нас разбудил голос, провозгласивший: «Проверка». Нам стало очень страшно — мы считали это плохим знаком, поскольку никогда раньше проверка не происходила столь поздно ночью. Мы уже хорошо знали, что нам надо делать в таких случаях, так что все заключённые собрали свои пожитки и вышли во двор тюрьмы. Был уже конец осени, и погода была прохладная. Те, у кого были брюки, надели их. Другие вышли в белье. В отличие от предыдущих проверок, в этот раз мы увидели множество личных вещей, ещё не конфискованных и разбросанных по двору. Это значило, что перед нами обыскивалась ещё одна камера, то есть в этот раз проверка была общей. В разных частях двора были установлены прожекторы, освещавшие всё пространство и

позволявшие тюремщикам видеть всё отчётливо. Всё говорило о том, что в этот раз дело оборачивается серьёзно. Бахаи тихо напевали «Кто избавляет от трудностей, помимо Бога?..» Мусульмане громко читали «Айат аль-курси»¹³ а русские просили Бога сжалиться над ними и защитить их. В таких обстоятельствах и начался обыск. Тюремщики срезали все металлические пуговицы с наших брюк, забрали пряжки и безопасные булавки. Спорили даже все молнии с одежды. Первый человек, который подвергся такому обыску, собирая свои вещи, попытался протестовать: «Я не знаю, как мне нести свои вещи, мне же теперь приходится поддерживать штаны, чтобы они не упали!» В ответ он получил такую оплеуху, что потерял равновесие и упал. После этого никто уже не смел протестовать или задавать вопросы.

Причина этой проверки и подробности дела выяснились на следующий день. Оказалось, что в камере № 8 было несколько железных кроватей. Некоторые из заключённых спали на них, некоторые — под ними. Русский доктор по имени Шабкатис¹⁴ связал из своего полотенца петлю и, когда все в камере спали, привязал один её конец к краю своей кровати, лёг на живот и засунул голову в петлю, так, чтобы задушиться. В то время многие желали смерти, но эта свежая идея раньше никому в голову не приходила. Прошло какое-то время, и один из заключённых пошёл «к ведру». Он заметил мёртвое тело и в ужасе закричал. Крик разбудил его товарищей, они позвали охранника и показали ему эту сцену. В результате этого инцидента против всех обитателей камеры были приняты карательные меры, и наказания продолжались в течение нескольких дней. После этого начальство и решило конфисковать все металлические предметы, чтобы никому не пришлось в голову заточить пуговицу со штанов и использовать её для самоубийства.

Джинāб-и хāджй ‘Алй Кāзимзāде Арбāб

Одной из драгоценных душ и одним из посвящённых слуг Дела Божиего, что умерли в тюрьме и вознеслись в Царствие Абхā, был джинāб-и хāджй ‘Алй Кāзимзāде Арбāб. Его арестовали 6 февраля. Его арест и заключение опечалили всех друзей, ибо все искренне любили и уважали его. Все мы взирали на него как на воплощение преданности и абсолютной покорности указаниям и распоряжениям возлюбленного Хранителя. В голодные годы, когда ряд бахаи вернулся в Иран, это решение приняла и его семья, а также другие родственники. Они были уверены, что через какое-то время он последует за ними. Он же считал, что возвращение в Иран противоречит желанию возлюбленного Хранителя и проигнорировал уговоры со стороны своей семьи, умолявшей его вернуться в свою страну. Он просто ответил им, что на то нет благоволения Шоги Эффенди.

Ақā Забйху’ллāх, второй сын г-на Арбāба, который был женат и жил в Ашхабаде, при личной встрече рассказывал автору следующее касательно своего отца. После того, как неоднократные приглашения из Тегерана были отклонены, он, в конечном итоге, сказал своему отцу: «Если ты пожелаешь вернуться в Иран, я провожу тебя до Баку и посажу на корабль, который идет до Бандар Пахлавй. Там тебя встретит мой брат и поможет тебе сойти на берег». Его отец не согласился с таким предложением. Поэтому он написал в Иран и сказал: «Отец не приедет в Тегеран, лучше оставьте его в покое». Потом его отец сильно заболел, но по-прежнему отказывался вернуться в Иран. Он предпочёл проигнорировать новые просьбы со стороны своей семьи. Его младший сын, Джамшйд Хāн, обратился к возлюбленному Хранителю. Он подал прошение с величайшей скромностью, преданностью и покорностью, объясняя, в какой ситуации находится г-н Арбāб, и прося у Хранителя наставления и совета. Вот что было в этом прошении:

Бесподобному и Наивозлюбленному Хранителю, Наивыдающейся Ветви, да будут наши души жертвой за него!

Недостаток терпения лишил нас самоконтроля и заставил некоторых из нас, происходящих из рода покойного хāджй Мухаммада Кāзима, вернуться на нашу возлюбленную родину после того, как некоторое время мы прожили в Ашхабаде. Наш отец, хāджй ‘Алй, не согласился покинуть город ‘Ишқ и переехать в другое место, так как он считает, что на то нет соизволения нашего возлюбленного Хранителя. Ныне же он болен и некому присматривать за ним. С величайшим стыдом мы припадаем к подолу одежд возлюбленного Хранителя и умоляем Вас предписать нам наилучший образ действий, ибо у него нет разрешения на выезд, и сам он не желает сделать то, что не будет угодно нашему возлюбленному Хранителю. Уповаем на дары из Вашего присутствия, дабы, если мы будем сочтены достойными, мы смогли бы сподобиться Ваших благодеяний.

(Подписано: Джамшйд Кāзимзāде, Тегеран)

В ответ на своё прошение г-н Кāзимзāде получил следующее письмо от имени Шоги Эффенди:

Тегеран, Ākā Джамшйду Кāзимзāде, да пребудет на нём Божья слава.

Письмо, поданное сим духовным другом, датированное 21 фарвардйна 1314 г., была просмотрено Хранителем Дела Божиего. Подробности, изложенные Вами относительно Вашей ситуации и ситуации Вашего отца, джинāба-и хāджй 'Алй, на нём да пребудет Слава Божия, были донесены до его внимания. Он отметил, что Ваш отец проживает в городе 'Ишқ, болен, о нём некому позаботиться, он не желает покидать город 'Ишқ и возвращаться в Иран. Вы просили у него наставления касательно наилучшего образа действий.

Мне было велено сказать, что отъезд из 'Ишқāбāда и переселение в Иран вызовут у него сожаление и обеспокоенность. Наилучшим образом действий для него будет испросить рекомендаций у компетентных врачей в этом городе и полагаться на Божью помощь и поддержку свыше.

Хранитель велел мне уверить Вас, что он тоже будет возносить молитвы за его исцеление.

Око нежной любви Хранителя обращено на вас, и он умоляет о ниспослании от Святого Порога Бахауллы поддержки и успеха для сего стойкого и верного друга.

Вышеприведённые слова были написаны по указанию Хранителя.

[Подписано:] Нур ад-Дйн Зайн

[Дата:] 12 шахр аль-'азамат 92 г. (э. б.) 28 мая 1935 г.

[Шоги Эффенди добавил в постскриптуме собственной рукой:]

Просмотрено. Слуга Его Порога, Шоги Эффенди.

После того, как он прочёл ответ Шоги Эффенди, состояние г-на Арбāба улучшилось.

Г-н Арбāб был арестован 26 февраля и отправлен на допрос вскоре после этого.

Тюремщики, очевидно, спешили допросить его, поскольку многие люди, арестованные раньше него, ещё ожидали допроса. Я думаю, причина переноса этой даты на более ранний срок была в том, что они думали, что если высокопоставленный человек, пользующийся уважением и имеющий престиж, подчинится их воле, остальные последуют его примеру, что облегчит этим врагам достижение их злых целей.

Допросы г-на Арбāба пришлось на то время, когда заключённых перевозили в политотдел в открытых грузовиках. По этой причине множество женщин-бахаи, страстно желавших узнать что-нибудь о своих попавших в тюрьму родственниках, приходило каждый день рано утром к помещению тюрьмы и политотдела. Они ходили взад-вперёд перед этим местом, надеясь издалека увидеть заключённых и передать друзьям, что у них всё благополучно.

В тот день, когда г-на Арбāба повели на допрос, несколько женщин-бахаи, и среди них Бйбй Сакйне, ждали перед воротами политотдела.

Они увидели, как перед конторой остановился грузовик с заключёнными, которых высаживали и вели наверх для допроса. Женщины, стоявшие на другой стороне улицы, слышали, как охранник велел г-ну Арбāбу прыгать вниз. Однако ему было в то время уже за семьдесят, и он не мог просто спрыгнуть. Охранник грязно выругался и столкнул его вниз. Г-н Арбāб упал на землю и не двигался. Казалось, он потерял сознание. Женщины-бахаи бросились вперёд, чтобы оказать ему помощь, но охранник отогнал их, угрожая оружием.

Рассказывая эту историю, я хочу донести до вас, сколько зверства и враждебности являли эти враги человечества. Они неспособны были скрыть свою враждебность даже в интересах сохранения имиджа. Степень их бесчувственности была такова, что и охранники тоже стали вести себя подобным образом. Охранник, отвечавший за безопасность и защиту заключённых во время перевозки (поскольку было совершенно неизвестно, выпустят их или осудят, они заслуживали вежливого и уважительного отношения), очевидно, получил указание не жалеть их. Таким образом, он выплёскивал на заключённых весь свой дурной нрав, совершенно не опасаясь наказания за это.

Вышеприведённое описание даёт понять, как поступили тюремщики с г-ном Арбāбом, воплощением добродетели и верности. Они уготовили ему чашу, до краёв наполненную пытками и несчастьями, и он осушил её до дна. Стальной бич неустанно впивался в его хрупкое тело, в котором оставались только кожа да кости. Великолепный и возвышенный дух, пребывавший в этой хилой оболочке, отвечал на все пытки милой и радостной улыбкой.

Наконец, истерзанное тело г-на Арбāба сдалось давлению жестоких пыток. Он сильно заболел и по указанию доктора был помещён в тюремную больницу. Тюремщики тщетно надеялись, что после некоторого отдыха и лечения он выздоровеет в достаточной мере, чтобы выстоять дальнейшие побои и пытки. Однако этому не суждено было сбыться. Он умер в

тюремной больнице 2 апреля 1938 г., его чистая душа покинула разбитую клетку его тела и соединилась с Целью своего бытия, исполнив желание всей своей жизни — отдать свой дух на Его стезе. Это весьма разочаровало тех, кто уже точил зубы, готовясь разорвать на клочки его тело. Следователи планировали допрашивать его и далее, но потерпели фиаско.

Во время пастырства ‘Абдул-Баха джинāба-и хāджй ‘Алй Арбāб попросил Его предоставить ему возможность стать мучеником. ‘Абдул-Баха явил Скрижаль в его честь, удовлетворив его желание и советуя ему «оставить своё имя и все следы свои и забыть о своём теле и своей душе». Он, как и другие мученики, настолько пожертвовали своими жизнями, что и вправду не осталось после них ни имени, ни следов; мы так и не выяснили, что они сделали с этими пречистыми телами и где похоронили их.

Текст этой Скрижали Абдул-Баха цитируется ниже:

Через джинāба-и Āqā Насру’ллāха, паломника
Ашхабад, джинāбу-и хāджй ‘Алй
Джинāб-и Арбāб, на нём да пребудет слава Всеславного
Он есть Бог!

О истинный друг! Любовь требует от человека пожертвовать своей жизнью ради возлюбленной, стать полностью очарованным странником, принимать общественное осуждение, отказаться от своего имени и следов в этом мире, и забыть и тело своё, и душу ради любимой. Если таково требование любви в сём обусловленном мире, подумай, какой должна быть любовь к Богу и чего потребует страстная преданность Небесному Возлюбленному?

Надлежит тебе горячо молиться и умолять о поддержке от Священного Порога, дабы сподобился ты соответствовать требованиям божественной любви. Дух, что не был предложен в жертву на пути Наивозлюбленного,— это не дух, это вода и глина; это не выигрыш, а убыток; не жизнь, а смерть.

Уповаю на то, что сподобимся мы сей жертвы. Да осенят тебя слава и величие.

Āqā Zabīḫu’llāḫ — второй сын джинāба-и хāджй ‘Алй Арбāба

Забйху’ллāх был вторым сыном хāджй ‘Алй, который пожертвовал своей жизнью на Стезе Божией. Он также выказал поразительную стойкость в ходе допросов и доказал, что воистину олицетворяет собой поговорку о том, что в сыне — скрытая сущность его отца. Он, воплощение веры и убеждённости и пример твёрдости и стойкости, подвергался бесконечным избиениям и пыткам. Кроме того, его заставили как-то раз простоять на коленях семь дней и ночей. В результате его коленные чашки были повреждены. Отёк и рана не проходили в течение долгого времени. Прежде, чем его повели на допрос, мы все находились в камере № 2. После допроса его состояние было столь прискорбным, что тюремное начальство, хотя и было почти начисто лишено гуманности и чувства стыда, тем не менее, постеснялось вернуть в нашу камеру человека в таком состоянии, ведь он покинул её совершенно здоровым и бодрым. Раны и отёки на коленях Забйху’ллы не проходили очень долго. Всякий, кому случалось увидеть эти следы жестокости, проклинал истязателей. Сочувствие к его страданиям смешивалось с отвращением, поскольку вынести зрелище этих ран было выше человеческих сил.

Забйху’ллу водили на допрос ещё раз. Следователи хотели подготовить новый протокол по его делу. Первый протокол был подготовлен и подписан при необычных обстоятельствах, включая принуждение и физические пытки (я расскажу об этом подробнее через какое-то время), и поэтому был сочтён недействительным. После того, как Забйху’ллāх подписал протокол, следователь спросил его как бы в шутку: «Если бы я сейчас спросил тебя, уверен ли ты, что тебя заставили подписать предыдущий протокол, что бы ты ответил?» Забйху’ллāх, который был смелым человеком, известным своей искренностью и бесстрашием, подтянул брюки, показал следователю свои четырнадцатимесячные раны и сказал: «Вот живое свидетельство, которое останется со мной навсегда». А затем добавил: «Если Вам действительно хочется узнать, что это означает, заставьте кого-нибудь простоять в Вашем присутствии 24 часа на коленях, как это заставили сделать меня, и посмотрите, подпишет он протокол или нет. А я, между прочим, стоял так не сутки, а семь дней и ночей. Кроме того, меня стегали плетью, избивали и пинали ногами, и следы от этих побоев не проходили очень долго. Сейчас уже, к Вашему счастью, они исчезли».

Допросы

Прежде чем я опишу те ситуации, что возникали в ходе допросов, хотелось бы пояснить, каким образом эти допросы вообще проводились. Заключённых отводили в особое место и затем вели в комнату, которую было бы правильно назвать комнатой ожидания допроса, так как именно здесь шли приготовления к допросу. Комната обслуживалась двумя офицерами, ответственными за допрос. При необходимости они приглашали других офицеров из соседних комнат, чтобы те оказали им поддержку. Иногда эти офицеры приходили по собственному почину, чтобы заработать себе престиж и славу. Заключённые, попадая в эту камеру для допроса, по приказанию офицеров становились лицом к стене и должны были либо становиться на колени, либо просто стоять на ногах. Их держали в этом положении несколько часов, чтобы они прочувствовали, что их скоро ожидает. Затем им предлагалось согласиться с обвинениями, которые зачитывали офицеры, и принять полную ответственность за то, что они, якобы, совершили. Затем они должны были подготовить протокол, в котором истина была смешана с ложью. После этого протокол передавался соответствующему следователю.

Если кто-то отказывался выполнять распоряжения офицеров, его начинали бить и пытаться. Когда заключённый начинал кричать под пытками, офицеры из других кабинетов прибегали на помощь своим коллегам, и между ними начиналось состязание, кто нанесёт больше ударов, ран и травм обвиняемому. Когда офицеры уставали, они садились передохнуть, заставляя заключённого вновь становиться на колени или стоять на ногах. Таким образом, заключённый рассматривался как враг, которого надо примерно проучить, чтобы в следующий раз ему неповадно было перечить указаниям офицеров.

Заключённые, которых приводили в политотдел для допроса, получали ту же пищу, что и в тюрьме. Те из них, кто не выполняли требования офицеров и были принуждены стоять на ногах или на коленях, никогда не лишались своей законной еды, им только не давали воду. Страдающие от жажды заключённые плакали и умоляли офицеров, чтобы те позволили им хотя бы смочить губы. Офицер подносил к лицу страждущего стакан воды, почти к самому рту, а потом проливал его на землю. Заключённый открывал рот и тянулся за стаканом воды, тщетно надеясь увлажнить губы. Одновременно другой офицер, который стоял сзади, пинал заключённого настолько сильно, что тот сразу забывал про свою жажду. Случалось, что заключённый терял сознание. Офицеры особенно радовались этому, поскольку это означало, что они сумели сокрушить свою жертву. В такие моменты они громко смеялись и радовались.

Некоторые заключённые, чья жажда была нестерпима, шли в туалет, спускали воду, наполняли башмак или шляпу из этой зловонной канализации и пили. Когда офицеры раскрыли этот секрет, они стали отбирать у арестованных обувь и головные уборы перед посещением туалета. Кроме того, им запрещалось закрывать за собой дверь, чтобы офицеры могли наблюдать за ними всё время.

Те, кого заставляли стоять на ногах, на третий день начинали галлюцинировать. Они напоминали людей с высокой температурой — бредили и видели странные вещи. Профессиональные следователи в этот момент старались ударить их посильнее, чтобы прекратить эти галлюцинации. Те, кого заставляли стоять на коленях, подвергались таким же издевательствам.

В результате их коленные чашки отекали и повреждались и на них возникали глубокие раны.

Когда эти подготовительные процедуры подходили к концу и протокол был готов, следователь вызывал арестованного в свой кабинет. Его главной целью было показать заключённому, насколько он силен и могуществен. «Научный допрос» считался проведённым успешно, когда следователю удавалось, благодаря силе своих кулаков и сапогов, доказать своё владычество и вселить ужас в сердце невинной жертвы. Таким образом, процесс допроса продолжался, а когда следователь считал это необходимым, он использовал особый бич.

Следователь задавал некоторые вопросы, опираясь на подготовленный протокол, и записывал как вопросы, так и ответы. Ответ, естественно, был таким, который следователь считал уместным. Целью всех этих упражнений со стороны следователя было раскрыть, в процессе дознания, некие преступления и акты предательства, якобы совершённые арестантом, что как бы доказывало компетенцию и профессионализм следователя. Подготовив окончательную версию протокола так, как ему этого хотелось, следователь просил несчастную жертву подписать эту бумагу. Истерзанный человек, пройдя через адскую мясорубку, после

которой у него оставалось одно желание — поскорее умереть, подписывал протокол, не обращая никакого внимания на то, что там было написано. Единственное, чего заключённый хотел в этот момент,— это освобождения от мук и страданий, и смерть казалась ему истинным избавлением.

Джинāб-и д-р Зайн

Как уже было сказано, среди бахаи, оказавшихся в тюрьме, находился и д-р ‘Аббас Зайн, который служил хирургом в госпитале «Красного креста» в Ашхабаде на протяжении многих лет. Некоторое время он был даже директором этого госпиталя. Позже он работал официальным врачом Персидского Консульства и держал частную практику.

Д-р ‘Аббас Зайн был одним из друзей, которые, по указанию Абдул-Баха, поступили в медицинское училище. Он весьма преуспел на этом поприще, достиг немалой известности и стал одним из немногих компетентных и искусных врачей Ашхабада. Знаменитые профессора, такие, например, как Фролов, полагали, что д-р Зайн не имеет себе равных в области лечения болезней внутренних органов и заболеваний, характерных для данной местности. Тем не менее, сам д-р Зайн полагал, что его пациенты исцеляются благодаря воздействию Слов Абдул-Баха. Я лично слышал от него, что когда он шёл к пациенту, то закрывал глаза, представлял себе небесный лик Абдул-Баха и просил у него исцеления для пациента такими словами: «О Абдул-Баха! Ты сделал меня орудием исцеления, даруй же сие исцеление!» И затем приступал к осмотру пациента.

Занимаясь медициной, доктор также активно служил Вере. На протяжении многих лет он был членом Местного Духовного Собраниа, а в последнее время — его председателем. Его арестовали в самую первую ночь и повели на допрос прежде всех остальных. Было несколько причин того, почему его подвергали пыткам, унижали и били в течение долгого времени:

1) Тюремщики хотели сфабриковать на него дело и собрать документацию против Веры всеми возможными способами, дабы представить Дело Божие как антиправительственное движение.

2) Политотдел хотел, с помощью пыток, принудить отдельных членов Местного Духовного Собраниа ложно признать, что Вера Бахаи является таким антиправительственным движением.

3) Д-р Зайн был человеком высоким и хорошо сложенным. Его сильное тело возбуждало в этих презренных офицерах желание использовать его как инструмент для практики; они боксировали его своими кастетами, избивали тяжёлыми сапогами и стегали особыми плётками. Он смиренно терпел все зверства, обращённые против него, стараясь погасить их гнев и уменьшить пламя их враждебности.

При истязаниях д-ра Зайна обычно присутствовал особый врач политотдела. Он проверял пульс д-ра Зайна, когда он терял сознание, чтобы гарантировать, что он ещё может выносить пытки. Иногда он говорил: «Ещё можно», и офицеры продолжали мучить его. В другой раз он давал сигнал, что пульс находится на критической отметке, и пытки нужно на некоторое время прекратить. Присутствие врача не ограничивалось одним или двумя случаями. Врач присутствовал обычно каждый раз, когда кого-либо из заключённых собирались пытать особенно жестоко. Чтобы вселить ужас и трепет в сердце д-ра Зайна, они неоднократно увозили его в закрытом автомобиле после полуночи в окрестности города, давали ему лопату и кирку и заставляли его копать собственную могилу. Когда уже казалось, что конец близок, вдруг появлялся кто-нибудь на мотоцикле и провозглашал, что ему даётся ещё один шанс. Возможно ли представить себе состояние человека, которого посреди ночи, вдали от любых свидетелей, тайно заставляют копать собственную могилу? Однако в результате стойкости и отваги д-ра Зайна процесс его допроса затягивался, а значит, не прекращались и ужасные истязания.

Протокол, подготовленный следователем по делу д-ра Зайна, раздулся до 105 страниц. К тому моменту, когда его дело было завершено, бедный доктор был настолько избит и истерзан, что кровь текла из всех трёх естественных отверстий в его теле. В течение долгого времени после завершения допросов его внутренние травмы никак не излечивались, и кровотечение продолжалось всё то время, что он находился в тюрьме, так что у его товарищей-заключённых сердце разрывалось каждый раз, как они видели его. Одному Богу ведомо, какие зверства он вынес в ходе тех допросов. Через какое-то время д-ра Зайна и других работников Персидского Консульства выпустили из тюрьмы и выслали в Иран. На протяжении нескольких лет он жил в Машхаде, где он достойно служил Вере и выбирался в Местное Духовное Собрание. В этом городе он и умер.

Никто из других членов Местного Духовного Собраниа Ашхабада, т. е. г-н Шахидй, г-н Кучерлинский (Кудсй), г-н Забйхй, г-н Раштй, г-н Хамадāнй, г-н Рахмāнй, г-н Гулāмй и г-

и Басйм, не были избавлены от той чаши бедствий, что была пушена по кругу; каждому пришлось испытать этого адского варева. Но никто из них не страдал так, как д-р Зайн, хотя все они были воплощениями твёрдости и жертвенности и вынесли жестокие пытки в ходе допросов, каждый из которых длился примерно по десять дней. Я не буду здесь подробно рассказывать обо всех допросах каждого бахаи, упомяну лишь несколько случаев.

Мой допрос (Асаду'ллāх 'Алйзād)

Мой допрос начался 26 апреля. Всего нас собралось примерно одиннадцать бахаи из разных камер. Обычно заключённых, которых вызывали на допрос в политотдел, сначала вели в баню. В раздевалке бани я увидел, что у г-на Хāбйбу'ллы Зарйфй на теле появились чёрные отметины, тогда как обычный цвет его кожи был светло-смуглым. Две чёрные полосы протянулись от его плеч до пояса. Я спросил Хāбйбу'ллу, что это такое. Его глаза наполнились слезами, когда он отвечал мне: «Пусть Бог избавит тебя от этого!» Затем я посмотрел на тело г-на 'Абду'ллы Му'аййада, который был худощавого телосложения, и увидел, что он весь в синяках от побоев. Я затем вспомнил, что их уже водили на допрос с предыдущей группой, а теперь вызвали повторно. Испытав побои, страдая от ушибов и сломанных рёбер — рёбра г-на Му'аййада были сломаны во время первого раунда допросов — они теперь со страхом ожидали, что готовит им второй раунд.

По прибытии в политотдел нас повели в контору. Там нас поделили на несколько групп и повели в камеры для предварительной обработки. Нам велели сесть полукругом на одной стороне камеры. Мы сделали, как нам было сказано, и довольно долго ждали в молчании. Неожиданно в камеру вошёл Сарычов, заместитель директора особого отдела, высокий и худой человек мрачного вида, о жестокости и бездушии которого мы уже были наслышаны. Первое же слово, которое он изрёк, было столь непристойным, что от него покраснели бы даже хулиганы на тегеранском Чāле Майдāне.¹⁵ Чтобы привлечь к себе внимание, он постоянно доставал из кобуры пистолет и вновь засовывал его обратно. Иногда он с силой хлопал по пистолетной кобуре ладонью. Вся его речь состояла исключительно из ругательств. Он долго матерился и потрясал своим пистолетом, а потом сказал: «Вы, бахаи, наши враги. Потому вас и арестовали. Мы доказали, что бахаи — подрывная организация. Ваши старейшины и члены Местного Духовного Собрания признались в этом на допросах. Вы по сравнению с ними — ничто. Если будете запирайтесь на допросе, то с вами будет то же, что с этими двумя», — и он указал на Хāбйбу'ллу Зарйфй и мйрзу 'Абду'ллу Му'аййада. Тут мы поняли, что этих двоих друзей привели с нами для того, чтобы мы устрашились, послушали их совета и не перечили следователям.

Когда офицер сказал, что нас арестовали потому, что мы бахаи, один из друзей, который не принимал участие в деятельности бахаи в течение долгого времени и был неактивным верующим, поднялся и бесстыдно провозгласил, что он не является бахаи. Он сказал, что был зарегистрирован как бахаи, но никогда им на самом деле не был. (Этот человек, чьё имя я не буду разглашать, умер в Сибири. Я искренне надеюсь, что перед смертью он смог умолить Бога о прощении.) Когда он отрёкся от своей веры, во мне всё поднялось, и я встал и провозгласил со всей своей силой и гневом: «Он совершенно прав! Он — не бахаи, зато я бахаи». Отрёкшийся пришёл в восторг от того, что его заявление получило подтверждение со стороны, и сказал со счастливой улыбкой на лице: «Вот видите, я действительно не бахаи». Он тщетно воображал, что после отречения от веры его освободят. В этот момент офицер, ответственный за допрос, вытянул из ящика своего стола бич, сделанный из стальной проволоки, встал перед отрёкшимся, обругал его грязными словами и сказал: «Мы боимся не того врага, который не прячет свою сущность и открыто заявляет, что он бахаи, а людей вроде тебя, которые скрывают свою истинную природу». Затем он сделал несколько шагов к нему и так отстегал его своим бичом, что вся область от плеч до пояса у него стала чёрной. Затем он стал попрекать его тем, что он не посещал встречи бахаи. Надеюсь, что наказание, которое понёс этот трусливый товарищ, напомнило ему о его духовных обязанностях.

Я рассказал об этом случае вот по какой причине. Хотя друзья были арестованы одновременно со многими другими людьми и причина их ареста была вроде бы той же, но через какое-то время стало ясно, что случай бахаи был особым. Бахаи арестовывали в специально выбранные ночи. Так, 22 человека забрали вечером 28 февраля. Кроме того, бахаи водили на допрос единой группой. Что это было — поддержка свыше, благодаря которой бахаи были уверены, что страдают не просто так, а во имя Веры? Или это была хитрость российского правительства, которое разработало специальный план в отношении них?

Последующие события показали, что российское правительство боялось Дела Божиего, и бахаи были арестованы именно потому, что они придерживались нового вероисповедания. Я

лично наблюдал этот страх правительства перед верой бахаи в паспортном бюро Ашхабада, когда возвращался в Иран много лет спустя.

Мой допрос был вполне обычным. Всего он длился три дня. К 28 апреля мой протокол был готов, и я мог заниматься чем угодно в комнате ожидания допроса, где пытали арестованных — спать, вытянуться на полу или сидеть. То же самое могли делать и мои друзья, находившиеся здесь же. В эту ночь в нашей комнате царила безмятежность. Мы решили, что надо как следует выспаться, чтобы наверстать все те часы сна, которые мы пропустили. Но именно в эту ночь один из офицеров, ответственных за камеру № 107, сообщил нам новости об аресте г-на Басйма, девятого члена Местного Духовного Собрания. Я вкратце расскажу об этом событии ниже.

Дальнейшие допросы

История, которую стоит услышать

Джинāб-и Устāд Наṣру'ллāх Бāқиров Сулаймāнī был братом джинāба-и Āқā Мухаммада-‘Алī Шахїдї, чьё имя уже было упомянуто ранее. Их старшим братом был джинāб-и Устāд ‘Абду’л-Карїм, который, вместе с несколькими другими бахаи, включая членов Местного Духовного Собрания Ашхабада, был выслан в Иран в 1929 г. Эти трое братьев были среди первых верующих Ашхабада и принимали активное участие в строительстве города.

Джинāб-и Устāд ‘Абду’л-Карїм и Устāд Наṣру'ллāх всю жизнь работали каменщиками. На работе они часто обучали Вере своих подчинённых и коллег. Они также предпринимали поездки по обучению и наставили на путь Дела множество людей. Их младшим братом был тот самый г-н Шахїдї, чьи страдания были описаны выше.

Джинāб-и Устāд Наṣру'ллāх был высоким человеком могучего телосложения, он всегда был бесстрашен и предпочитал полную искренность. Эти черты характера весьма осложнили ему жизнь в комнате ожидания допроса. Его избивали, унижали и мучили всеми мыслимыми способами. Наконец, через несколько дней он подготовил свой протокол и отправился с ним к следователю.

Когда следователь прочёл этот протокол, он спросил: «У Вас есть брат по имени Мухаммад-‘Алī Шахїдї?» Устāд ответил утвердительно. Следователь задал следующий вопрос: «Почему тогда в Вашем протоколе Вы говорите, что у Вас нет брата?» Устāд, со свойственной ему откровенностью, сказал: «В этом протоколе нет ни слова правды. Я подумал, что не надо смешивать истину с ложью». Следователь не мог удержаться от смеха и сказал, положив руку Устāду на плечо: «Мне нравится твоя искренность». В результате Устāда избивали от дальнейших пыток.

Допрос г-на Фāтихї и инженера Āфāқа

Инженер Бахā’у’д-Дїн Āфāқ, г-н Фадль’уллāх Фāтихї и ещё пятеро друзей увели на допрос в начале мая. Отцами двух названных друзей были, соответственно, ныне покойный мїрзā Йўсиф-‘Алī и Устāд Хāджї, одни из первых и самых стойких верующих Ашхабада..

Этих семерых друзей привели в комнату ожидания допроса вместе. Они все были весьма молоды и, вероятно, не обладали очень глубокими знаниями о Вере, но были исключительно стойкими и преданными верующими. Офицер, распорядившись в камере ожидания, был враждебно настроен к Вере, и, словно какой-то муллā, стал оскорблять Шоги Эффенди, ожидая, что юные арестанты подтвердят его безосновательные и нелепые заявления.

К его удивлению, однако, юноши-бахаи твёрдо провозгласили свою приверженность возлюбленному Хранителю и выказали отвращение к тому непристойному языку, который он употреблял. Указанный офицер, разбушевавшись, решил силой склонить их к нужному мнению. Но и здесь он потерпел поражение. На следующий день он принёс несколько экземпляров Китаб-и-Агдас, которые были конфискованы в домах бахаи, и стал бить юношей по голове и обрезом книги по плечам, так что они получили сотрясение мозга, а на плечах образовались глубокие раны. При этом с каждым ударом он приговаривал: «Вот вам Китаб-и-Агдас!»

Этих семерых допрашивали восемь суток подряд и они вынесли невероятные страдания. Никого из приверженцев других религий не пытали с использованием их Святой Книги. Можно сделать вывод, что бахаи действительно были в особой категории арестованных.

Инженер Āфāқ, после ссылки в Сибирь, сумел через короткое время доказать свою квалификацию и получил работу на стройке. Когда его умения, высокая работоспособность и эффективность были оценены по достоинству, он был назначен инженером по строительству в совхозе, где находился и я. Занимая эту должность, он помог многим людям и всегда протягивал руку помощи как бахаи, так и небахаи. Он выказывал на службе образцовую надёжность, правдивость и эффективность, и приобрёл немалый престиж в столице.

Г-да Хидāйат'ллāх и 'Абду'л-Хāлиқ

Я слышал от г-на Мудаббира, что два его друга, а именно, 'Абду'л- Хāлиқ, каменщик, и Хидāйат'ллāх Ибрāхїм, заключили между собой торжественное соглашение, что как только одному из них станет известно, что некий бахаи умер, он немедленно отправится к другому на велосипеде и доставит ему эту новость. Затем они вместе пойдут на кладбище бахаи Ашхабада, выкопают могилу и подготовят всё к тому моменту, как появятся друзья с телом усопшего. Выполняя это служение, они ускоряли процесс погребения, потому что друзьям не приходилось ждать на жаре или на холоде, когда будет готова могила. На протяжении многих лет двое друзей несли это служение с радостью и делали всё просто идеально. Как-то раз на поминальной встрече, где присутствовали оба друга, Хидāйат'ллāх Ибрāхїм сказал г-ну Мудаббиму: «'Абду'л- Хāлиқ и я хороним друзей, вознѣсшихся в Царствие Абхā, но никто не знает, где и каким образом похоронят нас». Он сказал это в шутку, но его слова оказались пророческими.

'Абду'л-Хāлиқ попал в тюрьму 28 февраля. Его хрупкое тело не выдержало пыток, и птица его души не могла более оставаться в этой сломанной клетке. Так он стал одним из мучеников, потерявших свои жизни в тюрьме. Мы так и не узнали, что они сделали с его телом и где он был похоронен.

Хидāйат'ллāх был приговорѣн, после того, как нас отправили в ссылку, к тюремному заключению с каторжными работами. С ним были г-н Раштї и г-н Кучерлинский. Сосланные в трудовые лагеря практически не имели шансов выжить в тех труднейших и бесчеловечных условиях.

Г-н Джавād Зїн'уль-Нїйā, который находился в том же концлагере, что и Хидāйат'ллāх и жил на поселении неподалѣку от него, написал письмо г-ну Мудаббиму: «Хидāйат'ллāх не приходил ко мне домой уже несколько дней. Мы стали волноваться. Мы отправились в тайгу, чтобы отыскать его. Мы нашли замѣрзшую половину его тела, а другой половины нигде не было. Мы не знаем, то ли еѣ сожрали лесные звери, то ли голодные заключѣнные концлагеря, которые не пропускали даже мѣртвой крысы, не то что плоти человеческого существа». Таким образом, то, что Хидāйат'ллāх сказал в шутку за много лет до этого, исполнилось; мы действительно не знаем, что случилось с телами этих преданных и добродетельных друзей.

Поскольку несколько друзей были сосланы в концлагеря в 1938 г., мне следует более подробно пояснить здесь, для сведения читателя, в каких жутких условиях они там жили:

Амїну'ллāх Ибрāхїм и г-н Басїм

Амїну'ллāх был младшим братом Хидāйат'ллы. Когда умер их отец, Хидāйат'ллāх принял на себя ответственность за семью и заменил Амїну'лле отца. Два брата искренне заботились друг о друге и любили друг друга всем сердцем. Когда офицеры пришли за Амїну'ллой, Хидāйат'ллāх сказал им: «Мой брат никогда не сделал никому ничего плохого, его не за что арестовывать. Должно быть, они ошиблись с именем: вместо «Хидāйат» написали «Амїн». Лучше исправьте ошибку прямо здесь и вместо Амїна возьмите меня». Офицеры не обратили на его мольбы никакого внимания и забрали Амїна.

Амїну'ллāх был в то время одним из молодых членов общины бахаи. Он был крепко сложен и имел сильные мышцы. Его смелость и сила принесли ему множество страданий в комнате ожидания допроса. Г-н Басїм был с ним вместе в это время. Я немного расскажу здесь о г-не Басїме и о том, что его заставили написать в протоколе.

Когда г-н Басїма привели в политотдел после полуночи, офицеры, распорядившиеся в камере, при поддержке офицеров из смежной камеры, бросили его на пол и стали бить его ногами и кулаками. Г-н Басїм закричал от боли и воскликнул: «О Бахаулла, пошли мне Свою поддержку!» Чего он не знал, так это того, что пытки от рук этих четырёх офицеров — только предвестник того, что грядѣт. После этого они заставили его встать лицом к стене.

Г-н Басїм был арестован вечером 29 апреля, то есть непосредственно перед началом первомайских праздников в честь русской революции. Обвинения против него были таковы. Во-первых, что он бахаи; бахаи, согласно их представлениям, суть враги правительства и революции; а также что он, вместе с группой женщин-бахаи (к тому времени подавляющая часть мужчин-бахаи уже сидела в тюрьме) планировали уничтожить силосную башню, взорвав еѣ в первый день мая. Так что подлинные пытки начались, когда ему зачитали обвинения. После того, как его жестоко избили, г-на Басїма заставили стоять на ногах двое суток. Всѣ это время ему не давали воды. В итоге он был настолько измучен жаждой, что начал галлюцинировать, бормоча на персидском: «Я умираю от жажды». Амїну'ллāх был с ним в камере в этот момент, ожидая услышать обвинения против себя, и ему разрешали пить воду. Когда он слышал бормотание г-на Басїма, он наполнил свой стакан водой и дождался

подходящего момента. Когда надзиратель был погружён в чтение газеты, будучи уверен, что Амйну'ллāх хочет выпить воду сам, Амйну'ллāх быстро сунул стакан в руку г-ну Басйму, который и осушил его до дна. Офицер, который сразу же увидел, что сделал Амйну'ллāх, набросился на него и жестоко наказал за этот поступок.

Амйну'ллāх провёл какое-то время в тюремной камере, где находился г-н Нйрӯ. Г-н Нйрӯ сочинил там поэму и попросил Амйну'ллу выучить её наизусть, а затем пересказать другим, когда его выпустят (г-н Нйрӯ, вероятно, не имел никакой надежды на то, что сам когда-нибудь окажется на свободе). Амйну'ллāх не успел заучить все стихи поэмы, когда их разделили и посадили в разные камеры. В момент расставания г-н Нйрӯ сказал Амйну'лле, что он попросит ещё кого-нибудь выучить наизусть остаток поэмы, и предложил им потом встретиться, чтобы составить полный вариант. Часть эпопеи, которую Амйну'ллāх запомнил, описывает то, что произошло в те дни. Вот какие в ней были строки:

Когда миновало тысяча девятьсот тридцать восемь лет
С рождения Иисуса Христа,
Злодеи явились пятого февраля
И стали охотиться на верующих, как на зверей
День и ночь обыскивали они их дома
И невинные стали их добычей.
Они арестовывали мужчин,— как молодых, так и старых,
Отвозили их в тюрьму,
А там наступало время допросов.
Когда прибегли они к пыткам, чтобы добыть сведения,
Первым обвинением было такое:
Что занимаются они шпионажем.
«Где мы и где шпионаж!» — воскликнули мы.
«Откуда взялось столько открыто живущих в городе шпионов?»
В итоге, всякого, кто попадал им под руку,
Они заставляли стоять на ногах или на коленях лицом к стене.
Их пинали или избивали кулаками
Или стегали бичом, сделанным из стали,
А после отводили в тёмную комнату
Со звуконепроницаемыми стенами.
Когда заключённый терял сознание от пыток,
Его поливали холодной водой.
Д-ра Зайна они называли главным шпионом,
Ибо он был председателем Собрания и турком.
Его обвинили в том, что он получает письма из-за границы
И отвечает на корреспонденцию из Лондона и Хайфы.
Другие бахаи шпионили для него.
Он был флейтистом, а они ему подыгрывали.

Позорная сцена

Я уже рассказывал, что г-жу Сйнāзде арестовали в самую первую ночь, когда начались массовые аресты. Ей было тогда примерно 60 лет и она пользовалась всеобщей любовью и уважением. Она помнила множество стихотворений, пословиц и поговорок, которые она цитировала, если предоставлялась такая возможность, что добавляло перца ко всякой дискуссии. Её допрашивали и пытали особенно жестоко, потому что хотели, чтобы она назвала себя шпионкой. Когда она отказалась уступить этому давлению и признаться в преступлениях, которые она никогда не совершала, офицеры применили к ней такие зверские методы, которых человечество не помнило со Средних веков. Они заставили эту пожилую и хрупкую женщину лечь на операционный стол. Несколько варваров, совершенно лишённых человеческого облика, крепко держали её за руки и за ноги, которые под пытками утратили живость и силу. Затем ещё один человек, подлинное воплощение сатаны, своими грязными лапами ставил этой преданной женщине, воплощению всех человеческих добродетелей и совершенств, клизму с кипящей водой.

Рассудок отказывается постигать природу действий этих преступников против человечества. Они смотрели на её седины и знали, что она провела всю жизнь, служа человечеству и воспитывая молодое поколение, но в них не шевельнулось ни малейшего чувства стыда, когда они столь жестоко истязали её.

Трагедия

Один из мусульман, деливший с нами тюремную камеру, как-то раз, вернувшись с допроса, поведал нам следующую историю: Некий юноша-бахай несколько раз падал в обморок под сильными пытками. Поскольку он был молод и крепок здоровьем, он мог вынести любые пытки, которые они хотели к нему применить. В итоге мучители решили придумать что-нибудь совсем из ряда вон выходящее, чтобы заставить его испить чашу мучений до дна. Когда он уже стал слаб и утратил жизненную энергию, они заставили его встать в угол, сняли с него брюки и повесили груз на тонкой шёлковой нити к его гениталиям. Юноша, безмолвно вынесший все предыдущие истязания, не мог удержать вопля муки. Наш товарищ-мусульманин сказал, что все, кто видел эту сцену, заплакали, созерцая мучения этого юноши. Молодой человек не имел уже сил стоять. Офицеры подхватили его под руки и держали его на весу. Через несколько минут он потерял сознание. Его гениталии раздулись, словно футбольный мяч, и не помещались у него между ног. Пришёл доктор, пощупал пульс и покачал головой. Юношу положили на топчан, раздвинув ему ноги пошире, и побрызгали ему на лицо водой. После этого его унесли в госпиталь, где он и скончался.

Г-н Амйну'ллāх Ахгар

Я расскажу ещё об одной сцене, демонстрирующей садистские наклонности офицеров и то огромное удовольствие, с которым они истязали невинные и беспомощные жертвы.

Г-н Амйну'ллāх Ахгар, дорогой моему сердцу друг, был среди тех, кого арестовали в первую ночь. Он был математиком и читал лекции в университете. В те годы в Туркменистане было всего несколько учёных, которые могли похвастаться сравнимым уровнем профессионализма. Он был скромным и честным человеком, полным достоинства, и все коллеги и ученики любили его. Он был другом г-на Фурӯтана и был примерно в той же возрастной группе. Он хорошо понимал арабский язык, так как учил его с профессиональными учителями. Его знание принципов Веры было одновременно глубоким и обширным. Он принимал участие во всей деятельности бахаи и был членом нескольких Комитетов. Он жив до сих пор, но, после тюремного заключения и ссылки в Сибирь, конечно же, потерял работу в университете. Позже он преподавал в средней школе в небольшом городке неподалёку от Мары. Мы делили одну камеру почти 8 месяцев. У нас была большая камера, в ней сидело 120 человек.

Ожидая допроса, Амйну'ллу заставили стоять на коленях. От этого они отекали и распухли. Они ещё не достигли стадии образования ран, когда Амйну'ллāх уже не мог выносить эту боль. Офицер, распоряжавшийся в пыточной, приблизился к нему и, словно мясник, проверяющий свой товар, пощупал Амйну'лле шею, плечи и грудь, и сказал: «Неплохо!» Затем он встал позади Амйну'ллы, положил левую руку ему на плечо, а правой, с такой силой, как будто бил в гонг, нанёс ему десять ударов по правому плечу. В результате это плечо у Амйну'ллы превратилось в один сплошной кровоподтёк. Во время этого истязания Амйну'ллāх повторял: «Сударь! Пошадите!» Но поговорка, утверждающая: «Жир, капающий с шашлыка, усиливает пламя», применима и в тех случаях, когда невинная жертва умоляет своего мучителя сжалиться над ней.

В ответ на слёзные призывы Амйну'ллы о милосердии, офицер лишь смеялся всё веселее. После чего этот бессердечный и безжалостный мучитель совершил то, в сравнении с чем бледнеет варварство дикарей-людоедов. Голосом, дрожащим от предвкушения, он проговорил: «А теперь повеселимся напоследок». Люди, находившиеся в комнате, смотрели на всё происходящее с ужасом, боясь представить себе, что такое следовательно оставил «напоследок». Видеть, как другие страдают под пытками, — уже пытка сама по себе.

Амйну'ллāх лежал на полу. Офицер нагнулся и взялся средним и указательным пальцами, словно клещами, за мускул на его плече, который уже был разбит и посинел, а затем потянул за него со всей силы. Тело Амйну'ллы в тот момент выглядело, словно деревянный ящик, из которого тянут гвоздь клещами. Судорога скручивала его во всех направлениях, и он кричал от невыносимой боли. Заключённые, которые наблюдали эту сцену, не могли сдерживать слёз. Палач выпрямился, глаза его сияли блаженством и удовлетворением, и он сказал Амйну'лле: «Какой у тебя чудесный голос и как ты красиво кричишь!» Затем искорки блаженства исчезли у него из глаз, сменившись гневом и яростью. Он вновь нагнулся и голосом, напоминающим рычание зверя, бросающегося на свою жертву и боящегося ослабить хватку, чтобы не упустить её, он проговорил: «А теперь ещё разочек», и проделал всё это ещё раз. Вот вам пример садистского зверства офицеров, распоряжавшихся судьбой арестованных.

Я должен упомянуть здесь, что пытки заключённых перед допросами были столь интенсивными и жестокими, что несколько заключённых покончили жизнь самоубийством,

выбросившись из окон четвёртого этажа. После этого тюремщики установили на окна железные решётки, чтобы никто больше не мог спрыгнуть вниз. Некоторые заключённые умерли под пытками, кто-то — в результате осложнений после пыток, также пополнив ряды мучеников Веры. Некоторые же, перенеся все трудности и лишения тюремной жизни, потеряли здоровье и постепенно утратили всю свою жизненную энергию, так что их обессиленные тела уже не могли служить пристанищем для их душ, и те покинули эту юдоль страданий. Никто не знает, куда делись тела всех этих людей. Может быть, их похоронили где-то, а может быть, просто свалили в общую яму и забросали землёй. А может быть, под покровом ночи, когда все злодеи имеют обыкновение совершать свои гнусные преступления и сатанинские деяния, они бросили эти непорочные тела, принесённые в жертву на стезе истины и честности, где-то на съедение диким животным.

11

Погибшие друзья

Тридцать пять лет спустя уже трудно вспомнить имена всех погибших. Как уже было упомянуто выше, многие отдали свои жизни ради того, чтобы утвердить истинность своих убеждений.

Уста́д Муҳаммад-и Акбарӣ

Этот выдающийся и благородный человек был по профессии каменщиком. В Ашхабаде его большая семья была широко известна, их называли Куппих-дӯз. В Мешхеде они стали известны как Акбарӣ. Уста́д Муҳаммад был смелым и стойким верующим, и его мученическая смерть лишь добавила его семье славы и престижа. Когда его готовили к допросу, бессердечные и злобные офицеры проявили свою истинную природу и в своей жестокости превзошли самих себя. Эти кровожадные и безжалостные офицеры окружили Уста́да Муҳаммада и стали со всех сторон обрушивать на него удары кулаков, пинать его ногами и стегать железными бичами. Его безупречный дух от этих пыток вознёсся в Царствие Абхā . Четыре молодых и сильных офицера оспаривали друг у друга славу убийства немощного старика, чьим единственным преступлением было следование путём истины.

Г-н Манӯчер Асбақӣ

Манӯчер-и Асбақӣ был сыном Āқā Асад‘уллы-и Аҳмадова, чьё имя уже было упомянуто ранее. Манӯчер был добрым и оптимистичным юношей; его лицо всегда было приветливо и озарено внутренним светом. Он каждого человека приветствовал очаровательной улыбкой, украшавшей его уста. Он был на допросе вместе с джинāбом-и Āқā-и Муҳаммад-Хусайном-и Сахбā, и этот допрос продолжался семь дней. Всё это время они были принуждены стоять либо на коленях, либо на ногах. Оставаться в таком положении в течение долгого времени — за пределами человеческих способностей. Г-н Сахбā вспоминал, как кровожадные офицеры пытали Манӯчера, — юношу, только-только достигшего возраста зрелости. Зрелище его страданий заставляло обливаться кровью сердца всех, кто это видел. Несколько раз его избивали бичом, в который были вплетены стальные нити, а также офицеры пинали его сапогами и били кулаками до тех пор, пока он не потерял сознание и уже был на пороге смерти. Манӯчер вынес всё это. На его теле не осталось ни одного места, на котором не было бы ушиба, синяка или раны. Его состояние неуклонно ухудшалось до тех пор, пока врач не предупредил офицеров, что его сердце начинает отказывать, и ему необходимо несколько дней отдыха.

Злобные мучители вернули его в тюрьму, чтобы позволить его сердцу чуть-чуть отдохнуть и восстановиться. Они планировали вновь вызвать его на допрос и подвергнуть новым ужасным пыткам, однако ангел смерти пришёл ему на выручку. Он умер в тюрьме и стал мучеником Веры, не дав тиранам исполнить свой злобный план. Г-н Сахбā, который сидел с Манӯчером в одной камере, был свидетелем его страданий в последние дни его жизни, — страданий, причиной которых стали вынесенные им пытки, настолько ужасные, что товарищи по камере горестно оплакивали его участь.

Āқā Хусайн-и Джа‘фаров Бушрӯйих‘ӣ,

Āқā ‘Алӣ Джиддӣ,

‘Алӣ Āқā ‘Алимдӯст,

Āқā Михдӣ Раджаб-‘Алӣ и

Фадльуллāх Фаҳхār

Āқā Хусайн-и Джа‘фаров был ещё одним из друзей, умершим в тюрьме. Он был настоящим олицетворением терпения, кротости и смирения. Он всегда был полон внутреннего достоинства, и вера его была тверда, как скала. Неприятные события жизни и удары судьбы не могли поколебать его уверенность. Хотя ему было не более сорока, он пользовался всеобщим уважением.

Через какое-то время после того, как он был допрошен, его вдруг покинула вся его энергия, и он постоянно чувствовал усталость. Он заболел и был переведён в больницу. Из тюремной же больницы он вступил прямоком в царство вечности.

Āqā ‘Али Джиддӣ, ‘Али Āqā ‘Алимдӯст и Āqā Михдӣ Раджаб-‘Али, обладавший красивым и мелодичным голосом, так что его часто просили почитать молитвы в Машриқ аль-Азқаре, а также Фадльу’ллāх Фаҳхār, который был всё ещё молод, полон надежд и разрабатывал планы воспитания своих детей и дальнейшего служения Вере, после допросов заболели, были госпитализированы и затем умерли.

Иными словами, в тюрьме умерло очень много бахаи. Каждый из них был воплощением отрешённости, стойкости, преданности, веры и убеждённости. Каждый из них всецело уповал на щедроты Благословенной Красоты. Все они с радостью пожертвовали своими жизнями у Его Порога, желая, чтобы их дар был принят на Его Суде и врата покоя и благоденствия открылись пред всеми Его гонимыми друзьями.

Джинāб-и Āqā Насру’ллāх Арбāб

Джинāб-и Āqā Насру’ллāх — отец г-на Рӯҳӣ Арбāба и брат г-на Кāзима Кāзимзāде. Он был помещён в тюрьму, которая ранее использовалась для предварительного заключения. Когда начались массовые аресты и количество арестованных достигло нескольких тысяч, все тюрьмы стали управляться одинаково, хотя и сохранили свои прежние названия. Те люди, что заведовали пытками, все были вылеплены из одного теста — они все были безжалостными, извращёнными и кровожадными, как если бы все окончили одну школу.

Г-н Арбāб был человеком исключительной честности. Он всегда был безмятежен, молчалив и полон достоинства. Он был правильным человеком в каждом аспекте своего поведения; даже походка у него была поистине царственная. Его пытали семь или восемь дней. В течение этого времени палачи ставили на нём самые разные опыты, однако он не утратил своей сдержанности и вынес все истязания со столь свойственным ему спокойствием. Офицеры всё ужесточали применяемые к нему пытки, но так и не смогли пробиться через барьер его молчания. Наконец, зверея всё больше и больше, они применили самые ужасные пытки, которые только знали, он же продолжал взирать на них молчаливо и безмятежно. В какой-то момент один из этих бессердечных офицеров рассвирепел настолько, что полностью утратил все человеческие черты: он схватил табуретку и ударил г-на Арбāба по голове с такой силой, что раскроил ему череп и вбил его в грудь, так что кости верхней части грудины торчали у него наружу. Так сия драгоценная душа, претерпев множество пыток, вознеслась в Царство Абхā из этой тюрьмы и вкусила сладости мученичества.

Трое детей г-на ‘Али-Асғара Мāнӣ

Я упоминал выше один или два случая, когда в результате ареста родителей дети оставались бездомными и лишёнными защиты. Сейчас я расскажу ещё об одном трагическом событии. Мой рассказ, понятное дело, представляет собой всего лишь фрагментарное описание общего положения вещей.

У джинāб-и Āqā ‘Али-Асғара Мāнӣ, брата Лақā’ийе Хāнум Шахидӣ, был один сын и две дочери, а жена его умерла несколькими годами ранее. Я опущу подробности, чтобы сразу перейти к главному — а именно, к обстоятельствам, при которых дети лишились нежной опеки своего отца.

Однажды утром Лақā’ийе Хāнум узнала, что ночью её брата арестовали. Поэтому она отправилась к нему домой и забрала детей к себе, чтобы должным образом заботиться о них. После смерти матери дети находились всецело под опекой тётки и любили её, словно родную мать. Поэтому они совсем не чувствовали себя покинутыми. Однако могучая рука угнетателя скоро лишила их и тёткиной защиты, бросив Лақā’ийе Хāнум в тюрьму, так что дети осиротели во второй раз. К счастью, у них ещё была старшая тётка, Зивар Хāнум, которая пришла им на помощь и забрала их к себе. И вновь та же рука угнетателя не позволила этому затишью продлиться долго. Через какое-то время милиция вызвала Зивар Хāнум и детей на допрос.

Поскольку у Зивар Хāнум была другая фамилия, чем у её брата, милиция, под угрозой судебного преследования и с помощью других тактик запугивания, забрала детей в детский приют, под тем предлогом, что беспризорные дети принадлежат государству и она не имеет права держать их у себя.

Дети, уже полюбившие свою тётку, начали плакать и кричать, что хотят остаться с тёткой и не хотят в приют. Они цеплялись за свою тётку изо всех сил, так что, когда милиционеры попытались оторвать их от неё, они оторвали их вместе с частью её юбки. В конце концов, этим «стражам правопорядка» удалось, применив силу, разрушить надежды детей на спокойный и

счастливым дом. Плачущих и бьющихся в истерике, их уволокли прочь. На этот раз они действительно стали сиротами и оказались в детдоме.

Ақа Тарāзу'ллāх Гульпāйгāнī

Это последняя из трагических историй про те ужасные допросы, что проводили наши тюремщики. Я расскажу в ней о мучительных и горестных событиях, подобных коим не видели даже в мрачном Средневековье. Жертвой их стал Тарāзу'ллāх, самый старший сын джинаба-и Ақа сиййида Михдий-и Гульпāйгāнī и Бибī Сакйне. Его арестовали в Гуг Таппе, одном из пригородов Ашхабада, в самую первую ночь массовых арестов. Его трагическое дело закончилось столь быстро, что его даже не успели перевести из Гуг Таппе в главную тюрьму в Ашхабаде. Через четыре месяца после его мученической смерти один туркмен, сидевший в одной тюрьме с Тарāзу'ллой и видевший его пытки своими глазами, со слезами на глазах поведал подробности этих событий. Туркмены известны своей способностью к искренней любви и преданности. Они всегда готовы рисковать своими жизнями ради своих друзей. В то же самое время, они известны жестокостью и бессердечностью. Когда некое событие оставляет такой глубокий след в сердце туркмена, что он плачет, даже рассказывая о нём четыре месяца спустя, можно быть уверенным, что событие это было воистину трагическим. Он рассказал следующее.

Тарāзу'ллу пытали исключительно жестоко. Его заставили стоять на ногах, лицом к стене, несколько дней без перерыва. Его ноги очень сильно отекали — настолько, что щиколотки у него стали толще бёдер. Он страдал от сильной жажды и недостатка сна. Когда он попросил воды, офицеры поднесли стакан с водой к его лицу, а затем вылили его на землю так, что струя воды была очень близко от его губ. Бедный Тарāзу'ллāх потянулся к этой струе, пытаясь захватить капли, летящие в воздухе. Бессердечный офицер, только и ждавший этого момента, ударил его по голове ребром линейки, которую специально держал наготове с этой целью. Удар был настолько сильным, что на месте, по которому он был нанесён, немедленно вздулась шишка, а из истерзанного сердца пытаемого вырвался крик муки и боли.

Хотя его мучили с беспрецедентной жестокостью, он не подчинился их желаниям и не признал фальшивые обвинения, выдвинутые против него; он отказался записать то, что они ему диктовали. Наконец, они отвели его в комнату, где стояла машина, напоминающая по форме колесо. До того момента мы не знали, что это за машина и для чего она используется. Даже сам Сатана не смог бы придумать ничего столь ужасного. Это устройство состояло из чего-то вроде резервуара, примерно двух метров в высоту. Под резервуаром было деревянное колесо. Это колесо сверху и снизу крепилось на шарикоподшипниках. С помощью ременной передачи это колесо соединялось с электродвигателем.

Тарāзу'ллāх был помещён внутрь машины, сделанной из двух полукруглых частей. Когда они закрыли машину, мы поняли, что за адский инструмент придумали эти свирепые животные для того, кто верил в единого истинного Бога. Это было орудие, которого прежде не видело ни одно человеческое существо и не прозревал ни один ангел. Итак, они включили эту машину. Эта сцена была столь душераздирающей и прискорбной, что все мы, пятеро человек, находившиеся рядом, не могли смотреть на это. Мы отвернулись прочь и не могли сдержать слёз. Быстрота, с которой вращалась машина, была такой, что всё здание затряслось. Я не знаю, сколько она крутилась. Пока машина была включена, я и мои друзья плакали от ужаса, однако офицеры веселились от души, и мы слышали их смех. О, если бы только у нас были силы, мы бы разорвали их собственными зубами!

Через какое-то время они выключили машину, и колесо остановилось. Мы устремили взоры на это сатанинское устройство. Мы видели, что Тарāзу'ллāх стоит в нём неподвижно. Мы были потрясены до глубины души. Офицеры, которые только что смеялись, внезапно умолкли и подошли ближе к машине. Когда они открыли дверь, Тарāзу'ллāх выпал наружу, словно неживой. Он был без сознания, и тело его почернело; даже подмышки и область между ногами были чёрными. Его отправили в больницу, где он пролежал без сознания двое суток. Когда он пришёл в сознание, его вырвало большим количеством желтоватой жидкости, и он вновь лишился сознания. По прошествии нескольких часов он открыл глаза, встал и обратился к офицерам с такими словами: «Вы хуже диких зверей. Вы кровожадные твари. Если бы в вас оставалось хоть что-то человеческое, вы не смогли бы совершить такую дикость. Ваши предводители и начальники, побуждающие вас совершать такие гнусности,— просто животные, нет,

даже ниже животных». Он высказал много такого, что офицеры заслуживали услышать. Мы слышали всё, что он говорил им, и нам было очень жаль его, потому что мы знали, что он заплатит высокую цену за свои слова. Именно это и произошло. Офицеры утащили его в «студию». «Студией» называлась камера, построенная в форме студии и полностью звукоизолированная. Такая «студия» была в каждом пыточном доме; благодаря звукоизоляции плач и крики пытаемых не были слышны снаружи. Его поместили на стол, напоминавший операционный. Они привязали его за руки и за ноги и стали бить его плетьюми и всем, что попадалось под руку. В этот раз его пытали без присутствия доктора. Через несколько часов его истерзанное тело, жестоко израненное и с переломанными костями, принесли в больницу. Заключённые, находившиеся рядом с ним в больнице, позже рассказали, что Тарāзу'ллах дышал ещё два дня после этого избиения. Всё это время его постоянно рвало кровью. Все заключённые, наблюдавшие эту картину, оплакивали его участь. Через два дня его глаза закрылись навеки, его тело было, наконец, избавлено от истязаний офицеров, и его чистая душа оставила этот материальный мир и отлетела в небесное царство.

Этот рассказ о страданиях Тарāзу'ллы был поведан человеком, который находился с ним в тюрьме. Когда этот человек закончил пересказывать свои воспоминания, г-н Хāбйбу'ллах Зарйфй, краткое описание страданий которого было дано ранее, горько оплакал участь своего близкого друга и целые сутки не касался никакой пищи. Он жив до сих пор. Несколько лет тому назад он ослеп. После окончания своего изгнания в Сибирь он вернулся в Иран и жил в Мешхеде. Он также некоторое время служил пионером.

Касательно того проклятого, адского орудия, с помощью которого пытали верующих в Бога: к нему прибегали те, чьи сердца, вместо того, чтобы отражать небесный свет, стали обителью тьмы. Первоначальные результаты его использования были столь ужасны, что испугали самих его изобретателей. Поэтому они исключили его из списка орудий пыток. Они боялись того дня, когда их начальники обратят их самих в жертвы и подвергнут их тем самым пыткам, что они причиняли своим невинным согражданам. В те дни нередко офицеры, чьи руки были обогрены кровью невинных жертв, сами становились жертвами тирании, на них обрушивались те же ужасные пытки и они томились в тех же одиночных камерах, что были воистину ужасны и ненавидимы всеми. Всё это было обязано тому факту, что люди эти отвернулись от Божественных Учений. Доверие между людьми исчезло, и его место заняла подозрительность. Начальники подозревали своих подчинённых и не доверяли тем, кто занимал высокие должности. Ситуация была хаотичной; коррупция и интриги стали обычным делом. Не проходило и дня, чтобы какая-то группа офицеров не попала в немилость. Таких офицеров затем начинали истязать новички, значительно превосходившие их в жестокости и зверствах. В течение тех четырёх месяцев, что длились наши допросы, сменилось шесть или семь групп офицеров. Из следователей осталось всего двое — они сменялись, словно гравий на речном дне, до тех пор, пока в 1938 г. нас вновь не стали вызывать на допросы.

Изменения

Последний протокол

Осенью 1938 г. меня вновь вызвали на допрос. В этот раз никакой «подготовительной» комнаты не было, и меня привели прямо в кабинет к следователю — это был тот же самый человек, который допрашивал меня в первый раз. Он вежливо осведомился о моём здоровье и поинтересовался, не обращались ли со мной плохо в тюрьме. Он сказал, что я должен уведомлять его о любом несправедливом отношении — и т. д., и т. п. Я не мог поверить своим ушам. Я хотел дослушать его до конца, надеясь, что тогда я смогу понять его истинные намерения. Этот следователь имел самую дурную репутацию за свою резкость и жестокость в прошлом, и поэтому неожиданная смена тона, как будто бы он внезапно стал добрым и набожным мусульманином, насторожила меня. Через некоторое время он сказал: «Вот Ваш протокол. Сейчас нам нужно подготовить другой, потому что прежний был подготовлен под принуждением и в обстоятельствах, которые нельзя назвать обычными. Таким образом, этот текст неточен». Затем он добавил: «Поскольку в этом протоколе нет ни вопросов, ни ответов, и тема у него та же, которую я уже обсуждал, поэтому я подготовил и подписал его заранее. Прочтите и подпишите его». Когда я прочёл его, я увидел, что он был прав; протокол был коротким и ясным. В нём говорилось: «Прежний протокол был подготовлен под давлением и угрозой физического насилия». Когда я закончил чтение, он спросил: «Всё верно?» Я ответил утвердительно и поставил свою подпись. Я искренне недоумевал, что происходит, потому что он же сам был и автором предыдущего протокола.

Через день или два новая политика была применена повсеместно. Почти всех заключённых вновь допросили и для каждого подготовили аналогичный протокол.

Согласно этому финальному протоколу, представитель правительства признавал нашу невиновность и подписывал об этом соответствующее заявление. Мы стали ожидать массового освобождения через день-два.

Прошло некоторое время. Было достигнуто соглашение между Советским Союзом и Ираном касательно репатриации нас в нашу родную страну. Начались приготовления к тому, чтобы сфотографировать всех заключённых на визы. Они так спешили закончить все формальности, что привели фотографа прямо в тюрьму, и за 2-3 дня все мы были сфотографированы. Однако Божественное Провидение указало иначе.

Предыдущее повествование

До сего момента я рассказывал о катастрофическом урагане, который захлестнул верующих в этот ужасный период. Если опустить подробности и пересказать только главные события и самые яркие случаи, получилась бы книга в 400-500 страниц. Эта книга началась бы с рассказа о горестях, слезах и плаче друзей, а завершилась бы описанием их мучительных стонов.

Воистину, когда в человеческом сердце нет страха Божиего, оно трансформируется в ужасного и опасного монстра, ибо человек, верующий в могущество и всезнание Бога, Который заботится о нас и знает все наши поступки и деяния, никогда не совершит такого зверства и не поступит столь несправедливо с другими человеческими существами, никогда не подвергнет слуг Божиих, каждый из которых есть знак Божий, такой жестокости и издевательствам.

Приготовления к репатриации заключённых в Иран

Когда начались переговоры о репатриации персидских заключённых в Иран, по соображениям логистики тюремщики собрали вместе примерно 500-600 персидских заключённых в новых сборных зданиях («бараках») и начали готовиться к их депортации. Удивительно, как эти два правительства — Ирана и Советского Союза — решили, что все персидские заключённые, включая бахаи, будут освобождены из тюрьмы и переведены в Иран. Иранское правительство первоначально пыталось освободить своих подданных от всех обвинений и защитить их во время затянувшихся переговоров и борьбы, и они согласились, чтобы иранских заключённых послали на границу, в каком бы состоянии они ни находились, а персидское правительство примет их там. Советский Союз страстно желал ускорить приготовления к репатриации заключённых. Поэтому они пытались как можно скорее сделать

все необходимые фотографии и визы.¹⁶ аннулировав выдвинутые против меня обвинения согласно финальному протоколу, и так далее. Иными словами, всё было готово к репатриации заключённых в Иран, и несколько грузовиков с заключёнными, включая ряд бахаи, были отправлены на границу, где эти люди были переданы иранским властям. Тем не менее, Десница Провидения вмешалась и не позволила исполниться соглашению между двумя правительствами. Бог пожелал, чтобы верующие остались на русской земле. В итоге в Иране произошли некоторые события, приведшие к отказу персидского правительства принять своих подданных, и российское правительство тоже сменило своё мнение касательно их репатриации. Результатом этого стали проволочки и разные осложнения. Власти решили вновь разделить заключённых. Поэтому они поделили самую большую группу в несколько сотен человек на меньшие и переселили нас из больших бараков в разные камеры.

Возвращение в камеру

В этот раз они поместили нас в более просторную часть тюрьмы, где имелось несколько больших камер. До момента нашего изгнания в Сибирь мы так и жили в этой части тюрьмы. В этом новом месте всё было спокойно, и какое-то время мы не слышали никаких новостей. Иногда офицеры были весьма грубы и строги с нами, а иногда почти оставляли нас в покое; они держали двери открытыми и даже разрешали заключённым свободно посещать туалет при определённых условиях. По прошествии некоторого времени мы вновь заметили какое-то движение в тюрьме. В этот раз они внезапно и поспешно начали освобождать заключённых в Ашхабаде. Работники тюрьмы, которые до тех пор казались людьми без сердца и обычных человеческих чувств, на самом деле радовались тому, что заключённых освобождают. Поначалу они освобождали двух-трёх заключённых каждый день. Позже это число достигало двадцати в день. Из нашей камеры было освобождено четверо бахаи и примерно двадцать мусульман. Однако внезапно всё это прекратилось, и были введены некоторые ограничения.

Освобождение Уста́да Муҳаммада-Риды Муқинӣ

Среди заключённых, выпущенных в течение этого времени, был Уста́д Муҳаммад-Рида́. Он был великолепным плотником, непревзойдённым в своём мастерстве. Он был удостоен чести изготовить двери ашхабадского Машриқ аль-Азқара. Каждая дверь представляла собой художественный шедевр и была поистине достойна статуса, красоты и великолепия этого здания.

В один из тех дней джинāб-и Уста́д, вместе с несколькими другими заключёнными, был вызван к тюремному начальству, и его заверили в скором освобождении. Получив такое обещание, он попрощался со своими товарищами-заключёнными и с полной уверенностью отправился в тюремную контору. Но, как только распорядитель в конторе увидел его, он спросил, что он здесь делает, и велел ему вернуться в свою камеру. Уста́д, сокрушённый и разочарованный, пошёл обратно. Когда другие заключённые в камере спросили его, почему он вернулся, он ответил цитатой: «В обитель праведных не был допущен я». Он затем отправился в свой угол, где обычно спал, поднял руки в мольбе и с абсолютным смирением сказал: «Если сей ход событий негоден Тебе, измени его. О Боже, все небесные и земные средства держишь Ты в руках власти Своей, так измени же происходящее». Затем с достоинством и безмятежностью, свидетельствующими о предании себя Воле Божией, он сел на своё место и стал ждать. Два дня спустя его вновь вызвали в тюремную контору и освободили. Когда он вышел из тюрьмы и ступил на улицу, через несколько шагов он почувствовал слабость и, не в силах идти дальше, опёрся о стену, чтобы отдышаться и восстановить силы. В этот момент он заметил некоего человека, женщину, сидевшую у ручья. Подойдя к ней, он завёл беседу, пытаясь понять, кто находится перед ним. Чудо из чудес! Оказалось, что они знакомы. Это была учительница, г-жа Сйна́заде, которую тоже только что освободили из тюрьмы. Однако она была столь слаба и немощна, что не могла двигаться. Она попросила джинāб-и Уста́да прислать ей на помощь кого-нибудь из друзей, что они помогли ей добраться до города. Если бы г-на Муқинӣ отпустили сразу же в первый день, когда его вызывали к тюремному начальству, г-жа Сйна́заде, вероятно, ещё долго просидела бы у ворот тюрьмы, не в силах двинуться дальше.

Когда ему было 8 лет, г-н Муқинӣ видел в Исфакане мученическую смерть Султāн аш-Шухадā («Царя Мучеников») и Махбуб аш-Шухадā («Возлюбленного Мучеников»). Его отец уже был в то время бахаи, но он сам не знал ничего о Вере.

Эта стадия тоже подошла к концу

Вскоре власти осознали, что выпускать иранцев из тюрьмы бесполезно, и что это не решит их проблему, которая к тому моменту весьма осложнилась. Таким образом, эта стадия тоже подошла к концу. Процесс, который начался в спешке и позволял покидать тюрьму иногда двадцати человекам ежедневно, столь же внезапно прекратился, надежды обратились в разочарование, а тюремное начальство ужесточило обращение с заключёнными.

Через несколько дней настроения поменялись снова; мы отметили смягчение отношения к заключённым, и двери во все камеры оставались раскрыты настежь. Однако настроение заключённых от этого несколько не улучшилось. Они уже устали наблюдать все эти пертурбации. К тому же они были истощены физически и духовно. Невозможно представить себе терзания тех людей, кто был непосредственно вовлечён во все эти эпизоды. Поэтому, когда двери были оставлены открытыми в этот раз, это не особенно улучшило их настроение. Они просто ждали, что случится дальше.

Как уже было упомянуто выше, создалась хаотичная и неопределённая ситуация, с которой власти никак не могли разобраться. Они пытались предпринять различные шаги, но каждый раз натыкались на новые трудности.

Таким образом, тюремная жизнь продолжалась, пока однажды, в последних числах октября, двери внезапно не были заперты, и мы могли слышать звуки смятения и беготни по коридорам. На лицах всех заключённых ясно обозначились признаки тревоги и страха. Примерно через час дверь открылась и нам велели выйти на большой двор. (В тюрьме было несколько дворов.) На этом дворе были собраны персы из разных частей тюрьмы, и мы были последними, кто присоединился к ним. Мы все с нетерпением ждали, что будет дальше. Нас заставили сидеть на солнцепёке. Мы могли отчётливо видеть движение тюремного начальства и всего персонала тюрьмы. Наконец, офицеры заняли места за столами, которые были специально принесены сюда. Они начали выкрикивать имена заключённых в алфавитном порядке. Поскольку как моё имя, так и фамилия начинались на «А», скоро меня вызвали и зачитали мне решение Верховного Совета Советского Союза, и велели расписаться. В этом решении говорилось: «Верховный Совет Союза Советских Социалистических Республик считает вас вредным элементом и приговаривает к изгнанию в северную часть Казахстана на пять лет». Далее говорилось, что решение окончательное и обжалованию не подлежит. Аналогичное решение Верховного Совета было зачитано каждому из нас, и все мы расписались за них. Когда формальности закончились, нас вернули в наши камеры, где мы стали ожидать новых изменений в ситуации.

Дружеские связи между заключёнными

В течение двадцати одного месяца нашего тюремного заключения те из нас, кто делил одну камеру, превратились словно бы в членов одной семьи. Это была семья, все члены которой проводили вместе каждую минуту дня и ночи, переживали как хорошие, так и плохие времена, видели доброту друг друга и выносили дурной характер друг друга, и в итоге сплывались вместе, словно члены единого тела. Когда одного из нас терзала боль, остальные тоже чувствовали её. Печаль одного печалила всех. Нередко бывало так, что товарищи страдали даже больше, чем сама жертва несчастий. Даже самые жестокие среди нас испытали благотворное воздействие такого сочувствия и стали добрее. А самое важное было то, что бахаи, в какой бы камере и среди каких бы людей они ни жили, всегда пользовались всеобщей любовью и уважением. Редко когда имя того или иного бахаи упоминалось без титула «Ақā» (хозяин, учитель), и это было для нас источником постоянной радости и надежды.

Последние дни в тюрьме

В последние дни тюремного заключения родственникам заключённых разрешили приходить в тюрьму и приносить передачи с деньгами и одеждой, чтобы ссыльные могли взять их с собой в изгнание. Среди заключённых, однако, было несколько человек, чьи родственники были высланы в Иран годом ранее, и поэтому никто не мог помочь им на этой критической стадии. Деньги и одежда могли спасти заключённым жизнь в том месте, куда их изгоняли. Некоторые из бахаи тоже оказались без родственников и, следовательно, не имели никакой надежды.

Тем не менее, дух любви и единства, который так долго поддерживал эту гонимую общину, вновь проявил себя и восторжествовал над обстоятельствами. Группа женщин-бахаи, которых не успели депортировать, по собственной инициативе и с величайшим энтузиазмом протянула руку заботы своим духовным братьям, у которых не осталось близких людей. Они поспешили навстречу этим беспомощным друзьям, согрели их безжизненные сердца огнём своей любви и оживили их измождённые тела слезами радости по поводу их освобождения. Эти женщины со счастьем и искренностью предложили деньги на оплату переезда, тёплую одежду, и собрали этим друзьям кое-что в дорогу. Если бы эти женщины не выказали такую героическую самоотверженность, многие верующие погибли бы в течение первой зимы своего изгнания, которая оказалась самой суровой из всех семи лет нашего срока.

Ожидание изгнания во дворе тюрьмы

Рано утром 30 октября, ещё до завтрака, нам велели покинуть тюремные камеры и выйти на большой тюремный двор вместе с вещами. Здесь собрались все заключённые, и личные дела уже были готовы. Для тюремного начальства и персонала были установлены временные навесы для защиты от солнца. Согласно инструкциям, нам пришлось сидеть на корточках под жалящими лучами солнца (в Ашхабаде погода была исключительно жаркой в течение того октября). Вокруг нас стояли солдаты с автоматами в руках, и каждый из них внимательно следил за выделенным ему участком. Солдаты выглядели очень напряжёнными, сердитыми и нетерпеливыми. Кроме того, несколько вооружённых солдат стояли посередине. Ещё одна группа солдат, все боеприпасы и оружие которых висело у них на поясе, держали на поводках служебных собак. В этот день все заключённые-иранцы из всех тюрем в городе были собраны вместе в этом тюремном дворе. Это был ужасный день, день, который никогда не изгладится из памяти заключённых.

В этот день в углу двора произошёл небольшой, но трагический инцидент, который, впрочем, быстро разрешился. Хвала Богу, такие инциденты исчерпывались битьём и поркой их жертв, и стрельбу не открывали. Примерно в 10 утра все подготовительные работы были завершены, и члены разных комитетов заняли свои места. Один выкрикивал имя, а несколько других повторяли его, поскольку громкоговорителей не было. После этого человек, чьё имя было названо, вставал и начинал пробираться вперёд со своими вещами, проходя через несколько проверочных пунктов, где офицеры сверялись с его фотографией и деталями его дела. Если всё обходилось без происшествий, он продолжал двигаться вперёд до тех пор, пока все его вещи, включая одежду, обувь и содержимое карманов, не были тщательно и внимательно проверены. Таким образом, процесс шёл медленно и непросто. Особое внимание уделялось поиску оружия, пусть даже это была простая иголка.

Нам были назначены следующие места изгнания:

- 1) Северный Казахстан,
- 2) Павловск,
- 3) Кокчетав.

В каждом из этих трёх районов для поселения иранских изгнанников было выбрано несколько центров. Место поселения было назначено каждому из нас заранее. В этот день чиновники просто группировали всех, кто был приписан к конкретному центру, и отсылали их туда в вагонах. Как только набиралось нужное количество заключённых для одного вагона, несколько вооружённых охранников и по крайней мере десять собак выводили их из тюремных ворот и загоняли в грузовые вагоны, словно овец. Вагоны эти выглядели очень похоже на те, в которых в Иране возят овец. Единственным отличием было то, что овец везут в открытых фургонах день или два, а нас везли в закрытых и запертых вагонах одиннадцать дней.

В этот день произошло несколько неприятных инцидентов, с которыми поднаторевшие в этом деле офицеры разобрались привычно — пинками и побоями. Один такой инцидент случился с нами. Прежде, чем я опишу его, необходимо кое-что пояснить.

К полудню среди заключённых начался нешуточный ропот. От голода, жажды, усталости и происходящих вокруг одно за другим прискорбных событий все уже готовы были взбунтоваться. Можно ли ожидать терпения и выносливости от измождённых и замученных людей, страдавших в заключении 21 месяц? Нас заставили сидеть на корточках под солнцем с утра до полудня или даже больше. Мы надели на себя как можно больше одежды, чтобы всё остальное, включая постельные принадлежности, влезло у кого в мешок, у кого в простыню, и чтобы удалось потом взвалить всё это на плечи или на спину. К этому моменту вся наша одежда совершенно пропиталась потом, и нам так и не дали ничего поесть. На самом деле, нам не давали никакой пищи до следующего утра. Нас одолевала жажда, и мы просили дать нам хотя бы глоток воды, но всем вокруг было наплевать на наши мольбы. Утром нас не пустили в туалет. К этому моменту некоторые уже не могли сдерживаться и потеряли над собой контроль — они наделали прямо себе в штаны. Кроме того, положение, в котором нас заставили сидеть, не позволяло крови нормально циркулировать в коленях. Мы уже не могли этого терпеть. Некоторые плакали и молили, чтобы им разрешили встать хотя бы на минуту и размять ноги. В ответ на эти просьбы в них утыкался штык офицерской винтовки. Такова была ситуация в тот день.

Произошло же с нами такое событие: В тот день, когда джинāб-и Амйну'ллāх Аҳгар был арестован, на нём была очень дорогая шуба. Тюремные власти конфисковали шубу, взамен выдав г-ну Аҳгару расписку. В этот день, когда его собирались выслать в Сибирь, он, естественно, захотел вернуть себе шубу, которая бы помогла ему выжить в том чрезвычайно холодном климате, и он уведомил тюремные власти, чтобы они вернули её ему. Однако никаких признаков шубы он так и не заметил. Поэтому, невзирая на нестабильную ситуацию, в которой мы все находились, он тихо и весьма вежливо попросил ближайшего охранника разрешить ему сходить к начальнику тюрьмы и потребовать назад свою шубу. Дай Бог тебе, дорогой читатель, никогда не увидать в жизни сцену, которая за этим последовала! Как только он встал, охранник направил на него ружьё и приготовился стрелять. Я схватил г-на Аҳгара за руку обоими своими руками и потянул его вниз, на землю. Я спросил его, в своём ли он уме и с кем он собрался разговаривать? Он что, не заметил все эти жестокие издевательства, которые происходили вокруг нас с самого утра? Затем я возблагодарил Бога за то, что Он защитил нас от неприятностей. Амйну'ллāх сел, и инцидент был исчерпан. Обошлось без побоев, матерщины и унижений.

Было примерно 4 часа пополудни, когда выкрикнули моё имя и имя г-на Амйну'ллы Аҳгара. Мы прошли к столам, где сидели офицеры. Амйну'ллāх спросил насчёт своей шубы. Ему сказали, что его одежда лежит в углу двора, и указали направление. Когда все проверки завершились, мы отправились в угол, который нам указали, чтобы забрать шубу Амйну'ллы. Однако единственное, что мы там увидели,— это кучу старой и поношенной одежды, в том числе два весьма старых туркменских пўстйна (длинная верхняя одежда из овечьей шкуры), принадлежавшие уже умершим людям. Амйну'ллāх отдал свою расписку уполномоченному офицеру и попросил разрешения сходить и поискать собственную шубу. Офицер разорвал расписку и сказал: «если хочешь, можешь взять один из пўстйнов». У Амйну'ллы не было другого выбора, кроме как взять один из старых пўстйнов вместо своей дорогой шубы.

Отъезд из тюрьмы

Примерно в 4 часа пополудни охранники вывели нас из тюремных ворот колонной по двое. Мы страдали от жажды, голода и усталости, весь день были лишены туалета и возможности умыться. С момента моего появления в тюрьме прошёл ровно 21 месяц, и ныне её врата впервые открылись для меня и других заключённых, отправлявшихся вместе со мной в изгнание. Все мы изменились до неузнаваемости и давно позабыли, какой была наша жизнь раньше. На тротуаре напротив тюремных ворот собралась большая толпа. Все они пришли, чтобы увидеть нас, но смогли бы они узнать нас теперь? Мы были окружены офицерами, охранниками и людьми с собаками. Те, что пришли проводить нас, могли взглянуть на нас лишь издали. Среди собравшихся я узнал только одну женщину, её имя было Варқā'ийе Хāнум, она была внучкой всеми любимого поэта-бахай джинāба-и Устāда Муҳаммада-'Али Салмāни. Охранники заставили нас бежать. Примерно через сто метров мы достигли дорожки, вход на которую был закрыт для простого населения. Наконец, мы достигли поезда и забрались внутрь. Расстояние от тюрьмы до станции не превышало 250 метров, но трудности тюремной жизни настолько ослабили меня, что мне пришлось остановиться трижды, чтобы отдышаться.

Охранник, стоявший в вагоне, показал нам, куда садиться. Он назначил мне и Амйну'лле место поблизости от окна, и это было самым большим подарком, который он мог нам сделать. С нами был г-н 'Азйзу'ллāх Арбāб, брат г-на Рӯҳй Арбāба. Нас оказалось всего трое бахаи в этом вагоне. 'Азйзу'ллāх был зрелым и честным юношей, украшенным всеми качествами бахаи. Имена изгнанников были проверены по списку, чтобы убедиться, что все мы находимся на месте. После этого дверь вагона закрыли и заперли. К тому времени, когда все другие вагоны заполнились и поезд тронулся, уже наступил вечер.

Обстоятельства нашей жизни в тюрьме сильно отличались от ситуации в поезде. В тюрьме все офицеры знали, что мы невиновны и стали жертвой запутанной ситуации, которой был придан политический оттенок. Поэтому они выказывали нам столько сочувствия, сколько им было позволено. Однако офицерам, которые сопровождали нас в изгнание, сказали, что мы враги правительства и народа, достойные самого жестокого обращения. И действительно, в течение этого долгого путешествия они придерживались данной инструкции со всей строгостью. Во время раздачи еды, когда дверь вагона открывалась, несколько солдат, вооружённые автоматами, пистолетами и собаками, уже стояли наготове, чтобы остановить каждого, кто отважился бы нарушить строгие правила.

Несколько вагонов в нашем поезде были заняты членами семей ссыльных, которые добровольно решили сопровождать своих родных. Они путешествовали в таких же грузовых вагонах, что и мы. Впрочем, надо признать, что на протяжении всего путешествия нас кормили вполне нормально.

В изгнании

Прибытие в Петухово

Наконец, после 11 дней в поезде, 9 ноября мы прибыли на станцию Петухово. Здесь они отцепили несколько вагонов от поезда, который продолжил затем своё путешествие до следующего пункта назначения.

Изгнанные в Северный Казахстан были поделены властями в Ашхабаде на четыре группы и распределены по четырём совхозам (коллективным хозяйствам) в районах Октябрьский, Прясимский и Перстнёвский. На железнодорожной станции в Петухово присутствовал представитель от каждого совхоза, принимавший изгнанников, приписанных к его региону. Я был среди тех, кого приписали к совхозу Октябрьский. Примерно 70-80 бахаи были изгнаны в этот регион. Я отметил имена примерно шестидесяти из них, они будут перечислены в конце этого рассказа.

Северный Казахстан

Казахстан был одной из только что созданных республик; он возник 5 декабря 1936 г. Иранцы были изгнаны в три провинции этой республики: Северный Казахстан, Павлодарскую и Кокчетавскую области. Казахстан был второй по размерам республикой, занимая площадь 27 528 000 кв. метров [на самом деле, 2 717 тыс. км² — прим. перев.]. Эта республика была поделена на 16 областей. В ней было 36 городов и 133 деревни. Согласно переписи 1939 г., в ней проживало 6 144 тыс. человек. Северо-Казахстанская область располагалась в Сибири, и знаменитая железная дорога, связывавшая Ленинград с Владивостоком, проходила через Петропавловск, столицу этой области. В Северном Казахстане был всего один город и три деревни, и он занимал примерно 41 700 километров (приблизительно размер Швейцарии), на широте 51-56 градусов, примерно 60-80 от экватора. Зима здесь очень длинная. В течение декабря, января и февраля температура падает иногда до 45-48 градусов ниже нуля по Цельсию. В течение первой зимы нашего пребывания снега выпало очень мало, а температура достигала 53 градусов ниже нуля по Цельсию. Сильные сезонные ветра дули с северо-востока в течение всего лета и зимы. Зимние бури были жестокими, и видимость падала настолько, что невозможно было разглядеть здание на расстоянии десяти метров. В таких случаях путешествующие часто сбивались с пути, а поскольку расстояния между деревнями и поселениями были огромными, они вполне могли погибнуть.

Совхоз

Совхоз был независимой сельскохозяйственной и животноводческой единицей, принадлежащей государству. Те, кто работал в совхозе, получали плату за свою работу согласно установленным фиксированным тарифам. Таким образом, работник, который делал больше, и получал больше. В конце каждого месяца работники получали свой заработок за вычетом всех налогов и долгов. За исключением административного персонала, которому платили фиксированную ставку, все другие работники получали сдельно. Директор совхоза имел право нанимать и увольнять работников и членов администрации. Тем же самым правом обладал глава каждой фермы, если в том возникала нужда. Все работники приобретали нужные им товары в сельском магазине фермы и, за исключением дополнительной оплаты некоторым работникам, выполнявшим тяжёлую работу, ни у кого не было никаких привилегий. В каждом совхозе было несколько ферм, и у каждой фермы был директор или глава.

Поездка из Петухово в совхоз

Директор совхоза в Октябрьском районе принял нас на станции Петухово. Мы немедленно забрались в грузовик и отправились в следующий пункт своего назначения. Ранним вечером мы достигли Дмитровки, центральной усадьбы совхоза.

Дмитровка в те дни считалась большой деревней. В ней жило 120-150 семей. Контора управляющего и её филиалы, главная мастерская по ремонту грузовиков, автомобилей, тракторов и сельскохозяйственных орудий, а так же дома совхозных работников располагались

к северу от деревни. В западной части, которая была больше, размещалась контора «Калхура», деревенского совета, школа и здравпункт.

Когда наш грузовик остановился перед конторой управляющего совхоза, те иранцы, что прибыли раньше нас, сообщили нам, что иранские изгнанники будут распределены по четырём фермам совхоза и его центральной усадьбе. Один из друзей предложил оставить нас там, если мы сейчас выйдем из грузовика. Однако мы предпочли отправиться туда, куда нас должен был доставить грузовик. Мы хотели как можно скорее выяснить свой конечный пункт назначения. Таким образом, мы достигли назначенной нам фермы № 2 примерно через три часа после захода солнца. Я вылез из грузовика последним. Я не мог поверить, что я свободно стою на открытом пространстве, и никакой охранник не дышит мне в затылок. За весь день нам не дали никакой пищи, даже кусочка хлеба. Погода в Сибири на тот момент была несколько градусов по Цельсию ниже нуля. Мы были плохо подготовлены к холоду в плане одежды и обуви. Физически мы были истощены. Поездка в открытом, медленно тащившемся грузовике, покрывшем за день и часть ночи 240 километров, вымотала нас. Хотя мы завернулись в одеяла и все постельные принадлежности, которые у нас были, мы всё равно дрожали от холода. Когда мы вылезли из грузовика, мы не чувствовали своих ног. В грузовике, на котором мы ехали, не было никаких скамеек или сидений. Когда мы прибыли в контору, управляющий отделом кадров фермы, весьма достойный человек, описал нам характер работы, которую нам нужно было выполнять, и добавил, что им также потребуется грамотный человек в конторе. Он был счастлив узнать, что Амйну'ллāх Ахгар был университетским профессором, и предложил ему эту работу. Затем пришёл руководитель фермы и сказал, что, поскольку они не ожидали нашего прибытия этим вечером и не приготовили нам еды и места для сна, нас распределят по домам работников совхоза, где нас накормят ужином и выделят место для сна, а на следующий день уже выделят нам собственное жильё. Управляющий отделом кадров забрал меня и Амйну'ллу к себе домой, где, наконец-то, мы смогли поужинать восхитительным супом с большим количеством мяса, и насладиться искренним и тёплым гостеприимством этой замечательной семьи.

Характер работы в совхозе

Работа в нашем совхозе ограничивалась земледелием и животноводством. Таким образом, те персы, что были приписаны к фермам этого совхоза, должны были работать в поле. В начале весны, которая обычно приходилась на май, группа людей отправлялась в поле на сельскохозяйственные работы. После выполнения сельскохозяйственных задач те же самые люди должны были принести назад достаточно корма для животных на зимний период. Эта работа поначалу казалась интересной. Однако из-за тяжёлых и обширных сельскохозяйственных планов, старых тракторов, недостатка механизмов и орудий, а также рабочей силы, это превращалось в каторжный труд. Приходилось работать с восхода до заката, всего с одним часом на обед.

В июле, когда дни становились длинными, а летняя жара — невыносимой, у нас часто шла носом кровь. Центр выпустил особое распоряжение, гласившее, что поскольку сильная жара опасна для коров и лошадей — их носы могли начать кровоточить, что могло привести к их смерти,— их надлежало освободить от работы с часу дня до 4 часов пополудни,— таким образом, ценность животных считалась выше ценности человеческого существа. Те, кто работал с коровами и лошадьми, должны были выполнять другие виды работ в эти часы.

Во время сбора урожая наша работа была чрезвычайно тяжёлой и изнурительной. Еды у нас было достаточно, однако в плане одежды и обуви дело обстояло весьма печально. Любый маленький инцидент на работе, такой, как сломавшееся колесо, мог дорого нам обойтись.

Когда сезон сбора урожая заканчивался, мы доставляли урожай зерна в хранилище и перевозили солому с поля на ферму. Соломой покрывали пол коровника в зимний период, когда температура падала ниже нуля. Кроме того, нам нужно было доставлять корма для животных за 10-15 километров и складывать их неподалёку от фермы на случай суровой зимы, которая длилась не менее семи месяцев. Мы должны были складывать эти корма для животных в стога 30-40 метров длиной и 4-5 метров шириной. Эти стога создавались на случай буранов. Вся эта работа выполнялась при помощи коров. Поскольку невозможно было завершить все работы к осени, мы в первую очередь сосредотачивали наши усилия на перевозке и загрузке зерна. Всё зерно, оставленное в поле, с началом осени пропадало.

Перевозка и складирование кормов для животных, заготовленных в течение коротких летних месяцев для 700-800 лошадей, коров и овец, не давали нам расслабиться в долгие месяцы холодного сезона. Единственное время, когда мы могли сделать перерыв в работе,— это в буран, когда невозможно было выйти в поле, потому что животные могли упасть в снег

и погибнуть. А так в морозные зимние месяцы нам приходилось продолжать работать, чтобы наша халатность и лень не помешали выполнению планов и целей совхоза.

В зимний период погода была очень холодной, а животные довольно слабы. Иногда, когда корова падала в снег, мы все вместе должны были помогать бедному животному встать на ноги.

Второй тип работы в совхозе был связан с животноводством. Совхоз «Октябрьский» разводил два типа животных: коров и овец. На ферме № 2, где я работал, было несколько тысяч овец, 500 молочных коров и примерно 200 телят младше двух лет. Животноводство развивалось согласно плану, предлагаемому соответствующим министерством в начале каждого года. Этот план был весьма подробным и включал такие пункты, как выработка шерсти, мяса и прочего, и всё это тщательно регистрировалось. Когда продукция сдавалась, все пункты оговаривались отдельно. Кроме того, было также примерно 100 лошадей, которым уделялось особое внимание. Этих лошадей держали не для племенных целей или производимой ими продукции — они выполняли здесь определённую работу. Лошади и коровы, не дающие молока, использовались на протяжении года для транспортных задач, а также когда не хватало машин во время посевной или сбора урожая. Мы принимали участие во всех этих работах.

Кроме того, при каждом совхозе была мастерская по ремонту сельскохозяйственной техники и оборудования, что было очень важной задачей. Моя основная работа в последующие годы была связана именно с этой профессиональной областью.

15

Ферма № 2

Это подразделение имело 25-30 сборных двухкомнатных зданий и несколько саманных домов. Шесть этих сборных зданий использовались под школу, универсальный магазин, жильё для иранцев, для ветеринарной службы и обработки молока. В остальных небольших зданиях жило примерно пятнадцать штатных служащих, десять ремесленников, которые получали сдельно, от 20-25 пастухов, 25-30 доярок и примерно 25 человек, занимавшихся перевозками, вместе с семьями.

Стратегическое положение этой фермы по отношению к окружающим поселениям было таким: примерно в 18 км к югу была маленькая деревня. Ближайшие поселения на востоке и на западе отстояли на 60-70 км. Ферма № 1 того же совхоза была примерно в 10 км к северу от нас. Петропавловск, единственный город в области, служивший её столицей и административным центром для всех совхозов, находился на расстоянии 300 км от Дмитровки, центра Октябрьского совхоза. Читатель может представить теперь, в какой изоляции мы жили.

Каждая ферма имела несколько тысяч гектаров земли и пастбищ и многокилометровые луга, где росли корма для животных. Таким образом, когда ферма хотела поставить перед собой новые сельскохозяйственные и животноводческие цели, земля не была проблемой.

Наш первый день работы на ферме

Наутро после нашего прибытия все гости и хозяева, у которых они ночевали, пришли в контору совхоза. В этот самый первый день они послали 15 человек из нас вместе с трактором в поле, собирать и носить на ферму корма для животных. Как только первая группа ушла, они послали ещё 15 человек с другим трактором, с тем же самым заданием. Луг, на котором мы должны были косить траву и отправлять обратно сено, находился примерно в 8 км. В этот день мы сделали всё, что было в наших силах, чтобы наполнить тележку трактора травой, и вернулись обратно. Это был по-настоящему трудный день, однако мы были счастливы, что тюрьма уже позади и мы можем работать на свежем воздухе.

У нас не было подходящей одежды для такой работы и такого климата. У некоторых из нас не было шапок, а наши пальто были уместны только в Ашхабаде. Например, моё тяжёлое пальто имело подкладку до пояса. У некоторых были обычные пальто. Наши брюки были сделаны из обычного материала, тогда как местные жители носили штаны из кожи или толстые хлопчатобумажные, простёганные так, чтобы их не продувало ветром. У некоторых из нас не было носков, однако хуже всего была наша обувь. Мы проваливались, идя по снегу, так что снегу набивались полные ботинки. У местных были валенки, широкие у основания, так что они не проваливались, а если и проваливались, то это было им не страшно. У них были особые плащи, которые защищали их от ветра. Если ураган или вьюга застигали их в поле, они накидывали на голову капюшоны и заворачивались в плащи, и им был тогда нипочём сильный холод, который легко проникал через нашу одежду и, словно иглами, жалил нашу кожу. В этот день, когда мы вернулись на ферму, множество женщин, детей и работников пришло посмотреть, как мы справляемся.

Упомянув этот эпизод, я хочу только сказать, что после 21 месяца тюремного заключения нам не разрешили даже один день отдохнуть, чтобы мы могли помыться, побриться и обустроиться. Нас немедленно послали на работу.

Встреча работников

Когда мы вернулись с поля, нам выделили наше собственное жильё. Через некоторое время остальные тоже вернулись с поля, и мы все собрались вместе. Вечером начальник фермы и его заместитель, руководивший полевыми работами, а также ещё несколько человек, пришли посидеть вместе с нами. Руководитель фермы назвал эту встречу «производственным совещанием» и примерно полчаса говорил о планах, важной роли совхозов в экономике страны, важности выполнения целей и ответственности всех нас. После этого он пригласил нас поделиться нашими нуждами и высказать просьбы, если таковые имеются. Г-н Амйну'ллāх Ахгар объяснил, что нам нужно восстановить наши силы, подточенные тюремным заключением. Затем он упомянул важность чистоты и хождения в баню, а также отсутствие надлежащей одежды. Он даже упомянул то, что нам нужны перчатки, и попросил, чтобы каждому из нас выдали пару рукавиц из овечьей шерсти. Руководитель фермы ответил, что он

не может никак помочь нам с одеждой, и что у него нет права использовать не по назначению даже один грамм овечьей шерсти. Тем не менее, касательно мяса он сказал, что ветеринарный доктор в этот день разрешил зарезать для нас корову, и со следующего дня одна женщина будет готовить нам пищу на ферме. Обедать мы будем за тем же столом, где этим вечером проходила встреча. Он также согласился истопить нам баню. Амйну'ллāх затем попросил сделать нам деревянные топчаны в комнате, чтобы не приходилось спать на полу. Это предложение тоже было встречено благосклонно.

Всего на ферме было 70-80 персов. Из этого числа примерно 20 были бахаи. По прошествии 33 лет я до сих пор помню имена семнадцати из них. Я перечислю их ниже:

1. Амйну'ллāх Аҳгар
2. 'Абду'л-Ваххāб Акбарй
3. Муҳаммад-Хусайн, бахаи из Таджикиана
4. Маҳмūd Шарқй
5. Мунйр Асбақй
6. Муҳаммад-'Алй Ақдасй
7. Джалāль Акбарй
8. Мйрзā Хидāйату'ллāх
9. Муҳаммад Бушрӯ'й
10. Хусайн Āқā
- 11 и 12. Два брата: Бадй'у'ллāх и Масйху'ллāх
13. Асаду'ллāх Санā'й
14. Гулāм-Хусайн Шахрйвар
15. Асаду'ллāх Ваххāбов
16. Ни'мату'ллāх, бахаи из Таджикиана
17. Асад'у'ллāх 'Алйзād
18. Ибрāхйм

Примечательный момент, который я уже упоминал выше и который хотел бы упомянуть здесь вновь,— это что, начиная со второго или третьего месяца тюремного заключения, бахаи начинали пользоваться всеобщим уважением и любовью даже среди мусульман. Тот же самый дух доверия, уважения и товарищества царил и в течение всего периода моего изгнания в Сибирь, продолжавшегося до 1946 г. Этот дух преобладал в любом совхозе, где я жил, и в любом регионе, который я посещал.

Ряд инцидентов в Казахстане

Я должен сразу же подчеркнуть, что местные жители были очень гостеприимны, приветливы и добры. Они всегда были готовы оказать помощь и сотрудничать с нами. Естественно, у них были некоторые грубые черты в характере, вызванные суровым климатом и суровостью обстановки. Но в целом они были простыми, искренними и великодушными людьми. После того, как я опишу некоторые из инцидентов, что произошли с нами, читатель сам сможет оценить их предупредительность и доброту.

В первые дни после нашего прибытия в нашу комнату небольшими группами постоянно приходили женщины, стояли некоторое время тихо в углу, смотрели на нас и затем так же тихо уходили. Через какое-то время мы обнаружили причину такого поведения: Перед нашим прибытием нас представили в довольно мрачном свете. Поэтому они, естественно, хотели поглядеть на нас собственными глазами и убедиться, какие мы плохие и опасные люди. Однако вскоре местные жители уже полностью доверяли нам и считали нас своими.

Первый год был очень трудным; многие из нас простыли и сильно страдали от морозов. Причины этого были различны. Мы были новичками почти во всём, наши тела ещё не привыкли к такому климату, у нас не было надлежащей одежды, а что хуже всего, случилась самая суровая зима, которую мы когда-либо видели в нашей жизни. В тот год зима была короткой, но очень холодной; снега выпало очень мало, а температура падала иногда до -53°C , хотя весна была ранняя. К 20 апреля весь снег растаял, и нас послали в поле на пахоту. В последующие годы нас посылали пахать примерно на месяц или двадцать дней позже этого срока.

На всю ферму был всего один туалет размером с телефонную будку. В первый вечер, когда мы все собрались на совещание, один из изгнанников спросил директора касательно туалета. Того этот вопрос очень удивил. Повернувшись к спрашивающему, он сказал: «Туалет — это вон то поле перед вами. Выходи из комнаты и садись, где хочешь». Местные жители обычно использовали в качестве туалета задний двор. Задний двор общежития, где

жило приблизительно 30 человек, превратился поэтому в нагромождение человеческих экскрементов. Иными словами, жить-то мы жили, но что это была за жизнь!?

Часто случалось так, что когда один из нас справлял нужду в углу конюшни — а температура в конюшне зимой была чрезвычайно низкой,— он потом не мог застегнуть свои брюки и вынужден был просить кого-нибудь помочь. Почти у всех у нас лицо и нос были обморожены, и эти повреждения не проходили до конца месяца Урдйбйхшт (примерно середина мая). В большинстве случаев кожа у каждого из нас сходила с половины лица, а обморожения носа полностью излечивались только к началу лета.

16 января

Прежде чем описывать само событие, я кратко упомяну о бане, что имелась на ферме. Это была комната размерами примерно $3\frac{1}{2} \times 3\frac{1}{2}$ метра. В одном углу были установлены железные листы с камнями, на которых устраивался костёр. Эта комната, которую они называли баней, не имела трубы или вытяжного отверстия для дыма. Таким образом, приходилось держать дверь приоткрытой, чтобы дым мог выходить наружу. Внутри бани стояли два бака с водой. Чтобы нагреть воду, нужно было опускать раскалённые куски железа в один из баков. Те, кому хотелось попариться, садились на сделанную для этого приступку. Те, кто париться не хотел, садились на доску, что лежала на полу бани, и просто мылись. Пол был земляной. Перед баней была раздевалка, в которой не было ни двери, ни окон, и было так же холодно, как и на улице. Мы снимали одежду в этом предбаннике и оставляли её там. По выходе из бани нам приходилось надевать одежду, которая к этому моменту совершенно вымораживалась. Несмотря на все трудности, связанные с пользованием баней, мы считали за счастье попасть туда. Однако получалось это редко.

Я забыл сказать, что дверь и стены бани были чёрные от копоти и сильно мазались.

А теперь я расскажу о событиях 16 января: После того, как для нас истопили баню в первый раз, мы долго не могли попасть туда вновь, пока друзья не стали настаивать, через два месяца, что уже пора бы вновь помыться. Директор фермы сказал, что у них нет дров для бани. Поэтому он распорядился, чтобы на следующий день, т. е. 16 января, мйрзā Хидāйат и Āқā Мухаммад, вместе с ещё одним человеком, отправились в поле и собрали «былины» — высохшие стебли высокой травы, которая растёт как сорняк,— чтобы истопить баню для персов. Эти три человека взяли коров и отправились в нужное место, расположенное примерно в трёх километрах. Оказалось, что стебли травы короткие, и их почти полностью завалило снегом. Никто не сказал им, что надо взять лопату, чтобы раскопать снег. С большими трудностями, голыми руками они разгребли снег и нарвали травы. Через несколько часов тяжелой работы они набрали подводу травы и были готовы отвезти её на ферму.

Когда коровы начал тащить сани, деревянное ярмо на шее одной из коров сломалось. Неисправность можно было бы легко исправить, однако друзья были неопытны в подобных вещах. Один из юношей отправился на ферму, чтобы принести новое ярмо. По дороге он отморозил правую щёку. Возвращаясь обратно, с ярмом на собственной шее (другого способа нести его не было), он отморозил и левую щёку. Его друзья, застрявшие в поле на два часа, совершенно обессилели; чтобы хоть как-то разогнать кровь, они вынуждены были всё это время приплясывать на месте. К счастью, Āқā Мухаммад был курильщиком и у него оказались спички, так что он смог развести костерок, а то их положение стало бы совсем отчаянным. Наконец, с превеликими трудностями топливо для бани было доставлено, и в этот день смогли помыться 20 человек.

В феврале этого года я начал работать в конторе фермы. Поскольку я жил в одной комнате с одним из участников этой эпопеи и был знаком с её подробностями, я заглянул в табель и увидел, что каждому из трёх мужчин было начислено 5 рублей 27 копеек за этот столь тяжёлый день, когда температура упала до -53°C . На эти деньги нельзя было купить даже килограмм мяса, которое стоило 6 рублей, или литр обычного молока, которое стоило 5,60. Такова была оплата за этот каторжный труд.

Ещё одна история

Однажды вечером один из друзей, одетый в очень старую и потрёпанную одежду, вызывавшую искреннее сочувствие, вернулся из овчарни, расположенной в двух километрах от фермы, чтобы отчитаться в конторе о выполненной работе. В этот день был сильный ветер, и температура была 35 градусов ниже нуля. Чтобы защитить ноги от холода, он обмотал их дерюгой. Я в это время находился в конторе. Я спросил, зачем он пошёл сюда в такой день, когда погода такая ужасная. Он ответил, что в табеле за предыдущий месяц главный пастух забыл про пять рабочих дней, которые он, на самом деле, отработал. Поэтому он и подумал, что

должен придти лично, чтобы отчитаться и убедиться, что все записи в порядке. Я усадил его у печки и сказал, чтобы он размотал дерюгу на своей обуви и погрел ноги. Затем я объяснил ситуацию счетоводу и лично просмотрел списки. Выяснилось, что действительно, из всех отработанных в течение предшествующего месяца ночей и дней пять дней не были зарегистрированы. Я договорился с бухгалтером, чтобы он включил пропущенные дни в следующую платёжную ведомость и предложил свои услуги в подготовке платёжной ведомости на будущее, чтобы избежать повторения таких инцидентов. Затем я сказал этому человеку, которого звали Ақә Ибраһим и который был бахаи из Сайсәна, не приходите вновь по таким вопросам. Я заверил его, что при необходимости я сам приду к ним. Так получилось, что все, кто работал вместе с ним, тоже были бахаи.

Я описываю этот случай не для того, чтобы пожаловаться на низость и обман главного пастуха, поскольку люди такого типа были редкостью в тех местах. Я просто хотел описать обстоятельства жизни друзей и дать понять, насколько их одежда не соответствовала климату. Группа бахаи, работавших в этой овчарне, расположенной примерно в двух километрах от фермы, вела жизнь намного более трудную и изнурительную, чем первобытные люди. Они жили в комнате с потолком высотой примерно два метра. Примерно на один метр их жилище было заглублено в землю, и вокруг этой ямы была построена стена в метр высотой, перекрытая крышей. Там было одно окно, 50 × 70 сантиметров. В зимний период сверху этой хижины собиралось несколько метров снега. Чтобы выходить и входить, её обитатели прокопали отверстие в снегу и, словно волки в нору, заползали туда и выползали оттуда на карачках. Жизнь в этой землянке напоминала жизнь зверей (я извиняюсь за то, что использую слово «зверь» по отношению к этим несчастным человеческим существам).

Этим людям нужно было приходиться на ферму ежедневно, чтобы купить хлеба в местном магазине. Время от времени им удавалось также разжиться мясом, молоком, салом и т. д. Контора делала им только одну уступку: им разрешалось посылать представителя каждый день, чтобы закупить хлеб на всех сразу. Будьте справедливы — разве так должны жить люди?

Жизнь на ферме

Масйху'ллāх и Бадй'у'ллāх

Масйху'ллāх и Бадй'у'ллāх были братьями-бахай из Мары, переведёнными впоследствии в Ашхабад. У Масйху'ллāха были широкие плечи, но когда доходило до тяжелой работы, никто из них не мог похвастаться достаточной силой. Как-то раз этих двух братьев и меня послали в овчарню, чтобы выполнить некую работу с помощью плотника, известного своей любовью к непристойным выражениям. Он не был человеком злобным или завистливым по своей природе, просто бывал груб, когда впервые встречался с каким-то человеком. Когда он увидел нас, то сказал с ухмылкой: «Ага, окаянные (Ақайāн, т. е., по-персидски, "хозяева", "учителя") пожаловали». Затем он продолжил: «Погодка-то здесь не для вас». Я ответил: «Неважно. С твоей помощью справимся». Он сказал: «Посмотрим, расскажем». Таким образом, он заранее нас предупредил. Затем он нарисовал кончиком топора круги на снегу и сказал: «Канавы копать вот тут». Он выдал каждому из братьев кайло и сказал: «Вы грамотные, так что вот вам карандашики, копайте!» Братья взяли по кайлу и стали ждать дальнейших инструкций. Плотник, в своей обычной манере, обложил их многоэтажным матом и сказал: «Чего ждёте?» Братья начали копать, но каждый раз, когда кайло ударяло по заледеневшей земле, оно отскакивало назад и оставляло только небольшую отметину на льду. Плотник стал смеяться: «Карандашики затупились, совсем не пишут!» Затем он сердито схватил кайло, ударил по земле другим концом и сказал: «Вот как надо копать». Когда он ударил по земле, кайло проникло в почву, по меньшей мере, на целый сантиметр.

Он затем обратился ко мне и сказал: «Давай за мной». Он показал мне несколько коротких брёвен. Каждое была примерно полтора метра длиной и 20 см толщиной. Он дал мне топор и велел заострить примерно 15 см каждого бревна. Поскольку я уже был научен горьким опытом произошедших несколько минут назад событий, я немедленно взялся за топор и начал работать. Он сказал мне, что я не умею пользоваться топором, и добавил: «Поработаешь со мной, сделаю из тебя плотника». Вскоре мы подружились с ним, и у меня появилась возможность сказать, какую трудную работу он поручил двум братьям. Я добавил, что юноша, который перед ним выглядел столь жалко, был специалистом по сельскохозяйственной технике. У него была важная работа, и также он какое-то время работал учителем. Он не знал, как копать землю, потому что на самом деле ему никогда не приходилось этого делать. Плотник, который вовсе не был плохим человеком, посочувствовал моему юному другу и сказал: «До вашего приезда нам тут разного порассказали про вас».

Вместе с ним мы отправились посмотреть на двух братьев. Оказалось, что у них уже все руки в синяках. Когда плотник увидел их синяки, бледные лица и общую измождённость, он сказал им: «Идите ко мне домой, погрейтесь». Его дом был расположен с другой стороны коровника, совсем рядом. Затем он позвал своего двенадцатилетнего сынишку, чтобы тот ему помог. Они сделали всю работу практически мгновенно. Этот человек, первая встреча с которым была столь неприятной для нас, по милости Благословенной Красоты преобразился. Вместе со своей женой, простой и доброй женщиной, он принял нас в своём скромном доме и со всей возможной теплотой угостил нас простым обедом. Через какое-то время я узнал, что его помощь этим не ограничилась: он высоко оценил нашу работу в этот день, так что нам начислили хорошие деньги.

Причиной проблем часто была наша неопытность и недостаток мастерства

К этому моменту мы уже поняли, что значительная часть наших трудностей вызвана недостатком понимания и мастерства, что люди вокруг — добрые и гостеприимные, и что они не отказывают в помощи или сотрудничестве, когда это необходимо. Я приведу один пример, показывающий, каким образом наше невежество усугубляло наши трудности.

В начале февраля один из юношей-бахай, работавший в транспортном отделе фермы № 2, был освобождён от этой работы, и приставлен к двадцати коровам, которых должен был откармливать. Его обязанности состояли в том, чтобы давать коровам достаточно воды и корма. Каждый вечер он должен был покрывать пол коровника слоем соломы примерно в десять сантиметров толщиной. Это было нужно для того, чтобы коровы не простыли. Утром

ему надо было убрать за коровами и вынести наружу навоз. Это была очень простая работа для местных жителей, но не для нашего юноши. Он вставал очень рано, съедал кусок хлеба и бросался в бой. Сначала он вычищал грязь под каждой коровой и выносил навоз наружу. Затем он начинал бегать из коровника и обратно, нося в руках корм и раскладывая его каждой корове в ясли. К тому времени, когда корм лежал в последних яслях, первые уже были пусты. Поэтому он повторял всю работу сначала. Прежде, чем ему удавалось накормить коров досыта, уже наступал полдень, и пора было их поить. С огромными трудами и страхом он вытягивал воду из колодца ведром и наполнял корыто, располагавшееся на расстоянии примерно 200 метров от коровника. А поскольку эти коровы были переведены для откорма из другого коровника, он боялся выводить их всех разом к корыту, потому что, по его мнению, они могли убежать, чтобы потом вернуться к своему старому месту. Поэтому он водил их на водопой парами, так что ему приходилось делать 11 ходок. В итоге работа, которая могла бы занять 20 минут, занимала два часа или больше, и совершенно изматывала его. Прежде, чем он завершал эту часть работы, пора уже было снова кормить коров, и не успевал он закончить вторую кормёжку, как уже пора было застилать пол соломой. В итоге этот юноша тяжело трудился с раннего утра до позднего вечера. У него не было времени пообедать, так что он соединял обед с ужином. Постоянная печать усталости у него на лице и общая измождённость заставляли сердца друзей обливаться кровью.

Как-то утром, сидя у себя в конторе, я услышал такой рассказ одного человека, посланного в тот коровник с поручением: «Вчера вечером я пошёл посмотреть, как там поживают коровы, которых откармливают. Одна из коров вышла из коровника, а иранец побежал за ней следом. Он её догнал, схватил за хвост и стал тянуть. Корова продолжала бежать и тащила за собой этого парня. Он упал, но хвоста не выпустил. Корова так и бежала, а он волочился за ней, пока, наконец, не отпустил её хвост. Я не стал вмешиваться, потому что подумал, что парень сошёл с ума. Когда он меня увидел, то спросил, чего я ему не помог. «Помог в чём?» — спросил я. «Ну как же, корова убежала, её разорвут волки». Я его успокоил и сказал, что коровы по ночам не убегают. Пока корова таскала его тем вечером, с него слетели ботинки и носки, и он потерял одну рукавицу». Затем этот человек добавил: «Такая работа для иранцев очень трудна».

Через какое-то время эту работу поручили русскому. Он делал всё значительно лучше и значительно быстрее. Примерно за полчаса он накидывал достаточно корма перед каждой коровой, позволяя им есть сколько угодно. Затем он отводил их всем стадом к водопою, и они пили там вволю. Оставшееся время он отдыхал. Он нисколько не уставал, потому что умел делать эту работу хорошо. Однако иранец, по причине своей неопытности, тратил массу времени, выбиваясь из сил, так что его начали жалеть все его друзья.

Иными словами, значительная часть наших трудностей происходила из нашей неопытности и неумения.

Мы усвоили важный урок

Сразу по приезде, в первый же день, мы отправились в поле с трактором, чтобы собрать и привезти на ферму корма для животных. В тот раз, как и в других аналогичных ситуациях, нас сопровождали местные люди, которые хорошо разбирались в этой работе. Хотя у нас не было правильной одежды для столь холодного климата, в тот момент температура была ещё не очень низкой, и сезонные ветра ещё не начались. Поэтому нам было не очень трудно, к тому же нас неплохо кормили. Еда, которую нам готовили, была весьма простой и здоровой. Каждому из нас давали полкило мяса, сваренного в воде без всего, даже без лука. Мясо позволяло нам согреться и повышало нашу устойчивость к холоду. Через несколько дней, когда мы ознакомились с характером этой работы, они поделили нас на две иранские группы, и стали посылать, под руководством местных работников, в лес за дровами. Местные люди были отличными помощниками и руководителями для нас. Те из нас, кто никогда не жил в подобных условиях и не имел никакого опыта, без такого руководства уподоблялись людям, лишённым зрения, которые, не имея даже трости, пытаются идти по ухабистой и перекопанной дороге.

Однажды мы возвращались домой, сидя сверху на санях с грузом кормов для животных. Один из друзей, измотанный и уставший, стал клевать носом, а потом и заснул. Мы все заметили это, и один из друзей сказал, обращаясь к русскому, который сидел рядом: «Хусайн Āqā нашёл мягкое местечко и задремал». Как только русский увидел спящего, он начал бить его изо всех сил. Мы пытались остановить его, но он сказал: «Промедлим, и ваш друг умрёт». Он предложил кому-нибудь из нас помочь, чтобы мы ударами вывели нашего друга из спячки. Тот же никак не реагировал на эти удары и находился без сознания. Когда он всё-таки пришёл в себя, наш проводник сказал: «Слушайте меня внимательно. Зимой старайтесь всегда ходить

пешком. Если будете ехать в санях, и с вами случится то же, что случилось с ним сегодня, бейте уснувшего в безопасные места, чтобы кровь начала циркулировать. Если человек засыпает на морозе, он замерзает до смерти. Сначала его одолевает сонливость, а потому он умирает от переохлаждения». Затем он добавил: «Такое бывает и на ходу, но всё-таки редко». Он закончил таким советом: «В Сибири путешествующие обычно приглядывают друг за другом. Вы тоже должны следовать этому правилу, чтобы выжить».

Сотрудничество и помощь

Температура достигла -25°C , а защита наших ног состояла всё из той же обуви и хлопчатобумажных носков, в которых мы сюда прибыли. Когда мы шли по мягкому снегу, наша обувь проваливалась в него, а когда мы вытягивали ноги обратно, в ботинках было полно снега. Кроме того, начались сезонные ветра, дующие с северо-востока, оставляя на нас свои мертвящие следы. Под этим ветром казалось, что одежду пронзают острые иглы, вонзаясь прямо в кожу. К сожалению, с наступлением холодов наш мясной рацион был сокращён с 500 г до всего лишь сотни, и этого уже не хватало на то, чтобы согреться.

Если бы не сотрудничество и предупредительность, столь характерные для бахаи, неадекватность одежды и еды свела бы многих из нас в гроб в течение самой первой нашей зимы в Сибири. Как только стало холодать, бахаи предприняли практические шаги с целью помочь друг другу. Каждый человек выкладывал всё, что у него было, на общую тарелку, и предлагал это друзьям. У г-на Акбарй было старое пальто, из которого он сделал шляпы для меня и для себя. Г-н Амйну'ллāх Ахгар отдал мне свои сапоги. У другого был лишний шарф, который он предложил своему другу. В итоге все мы оказались лучше подготовлены к зиме. Мы также пытались помочь и нашим дорогим мусульманским друзьям.

В результате нашей доброй воли и искренности мусульмане стали нашими близкими друзьями, и между нами не существовало никаких барьеров. Они выказывали истинное дружелюбие и называли нас своими братьями. Как только приходила беда или случалось несчастье, они выказывали подлинную симпатию и поддержку. Если бы не страх перед режимом, многие бы провозгласили свою веру в Бахауллу. Значительная часть решила выбрать себе брата среди бахаи, и они после этого всегда были готовы помочь своим приёмным братьям.

У меня тоже был брат. Его звали Нусрат Мухаммадов. Он был искренним, честным и замечательным братом. Он погиб в нашу первую зиму в Сибири.

Мусульмане свободно общались с бахаи. Если бы не воспитание согласно принципам веры бахаи, которое отчётливо выделяло нас среди остальных, так что в нас немедленно можно было признать бахаи, было бы непросто отличить бахаи от мусульман. Выдающиеся качества бахаи, постоянно работавших в совхозе, стали очевидны для местных жителей в течение нашего первого года пребывания там. Друзья пользовались отличной репутацией среди населения. Когда новый иранец приходил сюда искать жильё, его спрашивали: «Ты из каких иранцев?» Например, в главной усадьбе совхоза они спрашивали: «Ты такъёвский (от имени 'Абду'л-Хусайна-и Тақйова, бахаи с Востока), или аббасовский (по имени Аббāсова, мусульманина)?» И мусульмане не обижались на такие вопросы. Иногда они сами повторяли эти слова.

Говоря кратко, бахаи помогали не только другим бахаи, но также и мусульманам. Они были добры и приветливы со всеми. Среди всех нас царил совершенное товарищество, и образ жизни бахаи соблюдался друзьями неукоснительно.

Трудности второй половины декабря

Во второй половине декабря наше положение резко ухудшилось. Совхоз прекратил выдавать нам наш ежедневный паёк в 100 граммов мяса и продавал только 500 граммов хлеба, за который требовал оплаты наличными. Жители фермы были бедными людьми, которые не имели ничего лишнего, чтобы продать это кому-то ещё. Кроме того, им приходилось ездить в соседние деревни, чтобы купить товары первой необходимости: картофель, лук, капусту и другие продукты. Единственная деревня поблизости от нас располагалась в 18 км. Мы могли бы добраться до этой деревни и купить нужные нам товары, если бы нам дали корову и сани. Однако в течение декабря, января и февраля поездки на коровах были невозможны. Конечно же, транспортный отдел отправлялся даже и за 50 км за дровами, однако там работали группы по 7-8 человек, которые отправлялись в путь с сильными и испытанными коровами. Когда по дороге их застигал буран, они отпускали вожжи у коров, и те, со своим тонким нюхом, находили дорогу домой. Поэтому большинство нас, иранцев, вынуждено было пробавляться хлебом и обратом (молоком, из которого уже удалили сливки). Мы имели обыкновение

кипятить воду и кидать в неё жжёный хлеб или сушёные травы, и пить эту жидкость вместо чая, заедая её хлебом. Если кто-то возвращался с работы через час после захода солнца, горячей воды и чая ему не доставалось, и в результате он не мог согреться, несмотря на то, что был весь синий от ужасного холода. Чтобы минимизировать опасность пожара, правила разрешали включать газ только с 6:00 до 8:00 утра и в течение часа до захода солнца. Причина была в том, что в это время сезонные ветра слегка утихали, и риск пожара был не столь высоким. Иногда достаточно было маленькой искры из печной трубы, чтобы возник пожар с катастрофическими последствиями.

Нередко бывало так, что несколько друзей возвращалось после захода солнца со своей ежедневной тяжёлой работы, чувствуя себя полностью измотанными и страдая от обморожений. Дойдя до своей комнаты, они не могли найти в себе энергии даже для того, чтобы развязать веревки, которыми они подпоясывали одежду. Друзья, пришедшие с работы раньше, с великим трудом развязывали обледеневшие веревки, завязанные у них на поясе, распутывали узлы под их подбородками, чтобы они могли снять шапки, и помогали им избавиться от обуви и пальто. Затем им приходилось с огромным смущением извещать их о том, что они не могут предложить им чая. А теперь рассудите справедливо: человек работал в поле с раннего утра, возвращается домой вечером, страдая от жажды, голода и мороза; единственная радость, на которую он претендует, — это стакан горячей воды, но даже в этом ему отказано. На обед и ужин у него только кусок хлеба, который он запивает холодной водой. На следующее утро ему опять приходится уходить ни свет, ни заря, на свою ежедневную работу. Может быть, в этот день ему повезёт и он сможет вернуться пораньше, чтобы выпить стакан горячей воды. Можете ли вы себе представить, какое это благословение — стакан горячей воды для того, кто весь день выполнял совершенно непосильную работу и возвращается домой с дикого мороза, чувствуя себя уже наполовину мёртвым?

Зарплата, которую мы получали за эту тяжёлую работу, была ничтожной. Она не превышала 70-80 рублей в месяц. За зиму мы отдали местным жителям всю нашу одежду, включая бельё (за исключением того, что было надето на нас), в обмен на молоко, свинину и сало. У нас, на самом деле, было не так много, но всё равно, это спасло нас от неизбежной смерти.

Посылки от друзей

В конце января нам начали прибывать по почте посылки от семьи и друзей. Обычно они весили 2-3 кг, иногда до пяти. Эти посылки действительно сохранили нам жизнь. Да, ашхабадские бахаи не забыли своих арестованных друзей, изгнанных в Сибирь. Они великодушно отказывались от части своего рациона, чтобы иметь возможность помочь тем, кто жил в изгнании. Даже те друзья, чьи родственники были до последнего человека репатриированы в Иран, были согреты щедростью бахаи Ашхабада.

Я тоже получил драгоценную посылку от моей тёщи где-то в конце января или начале февраля. Там была пара новых валенок, пара галошей, новая шапка-ушанка, несколько пар белья, карамельки и печенье.

Как только у меня появились валенки, мой начальник сразу стал относиться ко мне иначе. Он приходил на рассвете каждый день и велел мне, вместе с несколькими товарищами, отправляться в поле. Нам ничего не оставалось, как подчиняться. В случае малейших признаков неповиновения ему достаточно было сказать: «Мы сообщим о твоём поведении в политбюро», и человек сразу делал нужные выводы.

Есть поговорка, что укушенный змеёй боится верёвки. Может, кто-то и решит, что это всего лишь красивая присказка, но политбюро определённо знало о таком психологическом явлении. Им было понятно, что те, кто провёл двадцать один месяц в ужасной ашхабадской тюрьме, подвергаясь там ужасным пыткам со стороны этого учреждения, будут содрогаться от страха при каждом столкновении с его представителями. Такая встреча непременно оживляла в памяти все жуткие сцены с участием варваров из этой конторы. Поэтому страх перед таким наказанием был очень эффективен как средство давления на нас; совхозное начальство периодически напоминало нам об этом.

Ситуация была следующей: Хотя мы, ссыльные, теоретически были свободны, однако мы должны были раз в неделю являться в политбюро и ставить штамп в наше удостоверение личности. Поскольку в совхозе не было представителя политбюро, эту функцию выполняла местная администрация совхоза. По этой причине все иранцы, на какой бы ферме они ни работали, должны были являться в контору совхоза перед каждым выходным и получать подпись на свою карточку. Понятное дело, мы работали все дни месяца напролёт, без выходных, но должны были ходить туда в день, который они называли выходным. Иногда там

присутствовал и представитель от центрального бюро района. Он обычно сидел в углу и наблюдал за происходящим. Один его вид уже заставлял нас трепетать от ужаса. Мы тогда вновь задумывались о своём положении и вспоминали, что мы всего лишь ссыльные.

Десять кончиков пальцев

Как-то раз в январе, в особенно холодный день, когда ветер пронизывал одежду, словно ледяными иглами, директор фирмы пришёл к иранцам и, запугиванием и угрозами, послал их в поле на санях. Они должны были привезти корм для скотины из места, расположенного примерно за 11 км.

Одной из проблем путешествий зимой было отсутствие дорог. Ездить по следам, оставленным предыдущими путешественниками, было не так трудно, но там, где дорога кончалась, начинались проблемы, потому что снег был глубоким и мягким. Коровы вязли в нём до колен и быстро уставали. Людям было ещё тяжелее, особенно если они были голодны и измучены.

В этот конкретный день дорога примерно на десять километров была утоптана и легко проходима. Солнце только что встало. Оно было окружено радугой, что предвещало ясный, но очень холодный день. Оставшийся километр дороги был нехоженым и очень трудным. Девять человек пошли впереди, утаптывая дорогу для коровы. Пока они прошли этот участок, они совершенно выбились из сил. Наконец, караван добрался до пункта своего назначения. Трое из девяти начали отбрасывать снег с валков травы, а другие очищали снег лопатами. Так они добрались до сена и стали грузить его в сани. Всё это время друзья не могли ничего поесть, потому что на таком морозе хлеб быстро замерзал и превращался в камень.

Так, голодные и измученные, они отправились обратно на ферму. На обратном пути, следуя совету местных друзей, они продолжали идти пешком. Из-за жуткого холода и недостатка энергии они брели в мрачном молчании. Когда они уже почти добрались до фермы, один из друзей-мусульман сказал: «У меня пальцы не выпрямляются и руки болят». Другие подошли к нему, сняли с него перчатки и увидели, что пальцы у него побелели, как снег. Они немедленно отвели его в контору. Местные люди немедленно стали растирать ему руки снегом. Пока его пальцы были ещё белыми, он мог спокойно терпеть эту процедуру, но как только кровь начала возвращаться в его пальцы и они слегка порозовели у оснований, боль стала невыносимой. Он начал громко кричать. Четыре сильных мужчины держали его, а двое продолжали растирать ему пальцы снегом. Однако было уже поздно. В итоге, его отвезли в больницу, где он какое-то время лечился.

В марте я отправился навестить его. Когда я спросил, как он поживает, он пошарил под подушкой, вынул оттуда что-то и бросил на кровать нечто, напоминавшее грецкие орехи. Это были ампутированные кончики его десяти пальцев, вместе с ногтями. Затем он сказал: «Вот как я поживаю!» В течение всего времени, что он провёл в больнице, хотя несчастье постигло его на рабочем месте, совхоз прекратил выплату ему зарплаты, так что в итоге он не получил за всё это ни копейки.

В тот же день, когда произошёл вышеописанный инцидент, один из юношей-бахай также отморозил себе палец, только на ноге. Хотя ему не пришлось лечиться в больницу, это увечье осталось у него до конца жизни.

Новая жизнь

Проведя 2-3 года в Сибири, мы многому научились на собственном горьком опыте. Во-первых, мы в какой-то степени привыкли к местному климату. Мы научились распознавать приметы, который указывали на хорошую или плохую погоду, на холод, ветер и т. д. Мы также научились защищать руки и лица от сильного холода. Жизненный опыт научил нас, каким образом можно избежать голода в зимний период,— мы покупали пшеницу во время сбора урожая и делали запасы картофеля осенью. Те, у кого были семьи, обменивали одежду на коров и стали самодостаточны в плане молочной продукции. Они также купили поросят и откормили их к следующей зиме. Более молодые изгнанники покупали ягнят и растили их, или сажали картошку.

Также многие уехали из совхоза по разным причинам и отправились в райцентр Марьевку. В Марьевке на выходных работал свободный рынок. На этом рынке деревенские жители из окрестных районов продавали разные продукты: мясо, сало, масло, яйца, а зимой — сухое молоко. В свою очередь, они приобретали что-то или обменивали свои продукты на ношеную одежду, старые одеяла и т. д. Поэтому те, кто жил в Марьевке, не страдали от голода. Некоторые из ссыльных, отправившиеся туда, занялись небольшим бизнесом, который был весьма прибыльным. Зимой они работали в тайге на лесоповале, получая за это 4-5 кг

пшеницы. Во время войны и голодных лет это количество пшеницы можно было продать за значительную сумму. Те, у кого было хорошее образование, а также ремесленники, работали в государственных учреждениях. Иными словами, приспособившись к жизни в Сибири и применяя смекалку и мудрость, большинство иранцев смогло начать новую жизнь, куда более высокую по своим стандартам, чем образ жизни местного населения. По этой причине некоторые ссыльные так и остались в Марьевке и до сих пор живут там.

Женщины, сопровождавшие изгнанников в Сибирь

В течение двадцатиодномесячного заключения в Ашхабаде заключённые-бахай наблюдали множество событий. Десница провидения привела некоторых пленников на грань уничтожения и смерти. Другие видели, что иногда иранское правительство пытается проявить к ним сострадание и доброту. Иногда двери свободы вдруг распахивались перед кем-то. Впрочем, всё это было нестабильно; соглашения, достигнутые между двумя правительствами касательно пленников, были, по велению Божьему, аннулированы. В итоге Верховный Совет российского правительства постановил, что наилучшим решением для созданного им сложного положения будет изгнание всех иранских заключённых в ссылку.

Когда это решение было объявлено, некоторые из иранских женщин, чьи близкие родственники были среди заключённых, приняли добровольное изгнание, чтобы быть рядом со своими мужьями, братьями или отцами, и согласились принять на свои плечи тот колоссальный груз лишений, печалей и горестей, что обрушился на их возлюбленных. Они надеялись, что своим присутствием и беззаветной любовью смогут облегчить бремя их неволи и тяжёлого труда. Эти женщины, выросшие под знамёнами Дела Божиего, были воистину олицетворениями стойкости, героизма, самопожертвования, чистоты, добродетели, сострадания и нежной заботы. В качестве примера я упомяну несколько имён.

‘Азйме Хāнум, жена Āқā сиййида Аҳмада-и Назмй, арестованного в первую ночь; а также Қудсийе Хāнум, жена Āқā ‘Алй-Қулй Джалйль (дочь Āқā Гулама Бāбйева)

Я знал г-на Джалйль очень близко, так как он был хозяином моей квартиры. Он был не очень образованным человеком, но воспитание бахай и стойкая вера помогли ему обрести высочайшие человеческие совершенства. Он был активным и самоотверженным бахай, вся жизнь которого была посвящена служению Делу Бахауллы. Он и его свояк, г-н Назмй, были друг для друга словно любящие братья, искренне заботившиеся друг о друге. Оба на протяжении многих лет удостаивались членства во Вспомогательном Комитете, который образцово служил друзьям Божиим. Во время допросов они немало пострадали.

У каждой из двух сестёр был дом в Ашхабаде, и они вели жизнь людей среднего класса. Когда караван ссыльных был готов отправиться в путь, они оставили свои комфортабельные дома, избавились от мебели и личных вещей и, с самым скромным багажом, присоединились к пленникам в их изгнании. Вскоре после прибытия на назначенное ему место в Сибири, г-н Джалйль, сильно пострадавший от условий тюремного заключения, от пыток и невыносимых условий ссылки, заболел туберкулёзом, и вскоре его чистая душа отлетела в Царствие Абхā. Таким образом, он стал мучеником Веры.

Что касается г-на Назмй, то, пробыв совсем немного в Сибири, он был вновь арестован политическим бюро. В результате этого две сестры, которые, в надежде сохранить жизнь своим мужьям, оставили довольно комфортабельную жизнь и согласились жить в нищете и несчастьях, теперь, когда у одной муж умер, а у другой был вновь арестован, остались с несколькими малыми детьми на руках. Эти две сестры, потерявшие всё, что у них было, работали с утра до ночи в мастерских и хранилищах, нося на плечах мешки с пшеницей по 80 кг весом. Этой адской работой они еле-еле зарабатывали на хлеб с чашкой тёплой воды своим несчастным детям, стараясь по мере сил окружить их заботой. Нередки были ночи, когда и эти женщины, и прочие, попавшие в такое же положение, вынуждены были ложиться спать голодными. ‘Азйме Хāнум, может быть, до сих пор живёт в России, или, вероятнее всего, в Ашхабаде. Её сын, скорее всего, проживает в Павлодаре.

Мйсақййе и Джамāлййе, дочери Āқā Асад‘уллы Аҳмадова:

Ранее уже говорилось, что Āқā Асад‘уллāх Аҳмадов и два его старших сына были арестованы, а его младший сын, Анвар, и две дочери, Мйсақййе и Джамāлййе, которым было, соответственно, 18, 16 и 14 лет, остались без родительского попечения. Они как раз были в школе, когда арестовали их отца и старших братьев. Во время их тюремного заключения им пришлось очень нелегко. Нетрудно представить себе, насколько мучительна и тяжела даже в

материальном плане жизнь трёх подростков, живущих без родительского надзора, не имеющих никакого источника дохода, никаких сбережений или пособия, которое могло бы поддержать их, и вынужденных переносить все превратности жизни, опираясь только на собственные силы.

Наконец, настал день, когда, после многих месяцев ожидания и волнений, их отца и старшего брата, Мунйра, сослали в Сибирь. (Младший брат, Манўчер, умер в тюрьме.) Анвар, Мйсāқиййе и Джамāлиййе, в надежде оказать помощь своему пожилому и больному отцу, чьё здоровье было окончательно подорвано в тюрьме, добровольно присоединились к каравану ссыльных. Āқā Асад‘уллāх был среди тех ссыльных, кого в Сибири вновь арестовали и отправили неизвестно куда. В этот раз его арестовали тайно. Ни обстоятельства его жизни, ни место, куда он был сослан, так и не были никогда раскрыты. Две сестры и брат вновь остались без помощи и поддержки. Они вынесли много трудностей, пережили нужду и нищету. Много ночей провели они, мучимые голодом. Наконец, им разрешили вернуться в Иран. Когда трое этих детей оставили Ашхабад, чтобы сопровождать своего отца в ссылку, они оставили позади дом и все вещи. Собираясь в Иран и прибыв в Ашхабад, они обнаружили, что дом пуст, и даже эту недвижимость они не смогли продать. Поэтому, уповая всецело на Бога, с пустыми руками они отправились в Иран, где, при милостивой поддержке Бахауллы и благодаря собственной тяжёлой работе, они смогли устроиться и достичь процветания.

Мақāmиййе Ҳāнум — жена Амйну’ллы Ибрāхймй

Ещё одна столь же героическая и жертвенная женщина — Мақāmиййе Ҳāнум. Во время тюремного заключения её мужа, г-на Амйну’ллы Ибрāхймй, она выказала поразительный героизм и жертвенность. Амйну’ллāх не раз повторял мне, со слезами на глазах и глубокой печалью в сердце, рассказ о том, как в голодные годы он заболел и оказался прикован к постели в Сибири. Во время его болезни его жена кормила как его, так и их дочь, с неопикуемыми страданиями и самопожертвованием добывая еду. Хотя она вынесла трудности, которые даже невозможно себе представить, она никогда не жаловалась и не показывала никаких признаков усталости. В конце концов, её мужа освободили, и они вернулись в Иран.

Бахаи, арестованные в Сибири

Перед самой войной наше положение претерпело большие изменения. Отношение политуправления, которое и ранее было проникнуто подозрениями ко всем и вся, значительно ужесточилось по отношению к иранцам вообще и к бахаи в особенности. Они постоянно приезжали в совхоз и каждый раз вызывали несколько человек на допрос. Иногда они допрашивали и мусульман. Эти мусульмане потом по секрету советовали своим друзьям-бахаи быть сугубо осторожными, потому что следователи задавали им вопросы насчёт них. Скоро стало очевидно, что если вдруг на допрос вызывают одного или двух мусульман, то темой разговора становятся бахаи. Как сказал Шайх Бахā'й:

Тебе поклоняюсь я в Ка'бе и пагоде.

Ты — предмет поклонения,

Ка'ба и пагода — лишь предлог

Настоящей целью властей было дискредитировать и принизить Веру и уничтожить бахаи. Поэтому в этот период, — а скорее всего, одновременно, — они арестовали, безо всякого предупреждения, ряд бахаи в провинциях Северного Казахстана и в Павлодаре.

Друзья, арестованные в Северном Казахстане

1. Āqā Мухаммад 'Алй Шахидй (Секретарь Местного Духовного Собрания Ашхабада)
2. Устād Насру'ллах Бақиров Сулайманй, брат Āqā Мухаммада-'Алй Шахидй
3. Āqā Мухаммад Āқай-и Зайн, брат д-ра 'Аббāса Зайна.
4. Āqā Гулām-Хусайн Акрамй
5. Саркār Заррйн-Тāдж Хāнум Акрамй
6. Джинāб-и Āqā Мйрзā Джалāl-и Рахманй.

Арестованные в Павлодаре

7. Āqā Асад'у'ллах Ахмадов Асбақй
8. Сиййид Ахмад Назмй
9. Мйрзā Асад'у'ллах Бушру'й
10. Āqā 'Алй-Асғар Такāмуль (я не знаю, из какой провинции он был родом.)

Вышеприведённый список содержит имена, которые я помню; не исключено, что он не полон.

До нас доходили сведения, что с этими драгоценными душами обошлись исключительно жестоко. Конечно, то же самое происходило повсеместно, потому что политбюро следовало единой политике по всему региону.

Из тех людей, что упомянуты выше, Āqā Мухаммад Āқай-и Зайн приезжал в Марьевку приблизительно за пять дней до своего ареста. Он как раз беседовал с армянским фотографом из Ленинграда, который держал единственное фотоателье в городе, и тут вошёл директор политуправления, который хотел сфотографироваться. Āqā Мухаммад Āқай попросил разрешение сделать его снимок, который он потом сам проявил и подарил ему. Когда директор увидел фотографию, она ему очень понравилась, и он сказал, что с таким умением ему не стоит оставаться на ферме. Он затем дал ему письмо, позволяющее ему уехать в Марьевку. Я сам увиделся с г-ном Зайном именно в этот раз. Он был вне себя от счастья. Он сказал мне: «Прежде всего прочего, мне надо сделать фотографию каждого из друзей, потому что впоследствии они потребуются». Примерно через четыре или пять дней после того, как он получил разрешение уехать, после полудня к нему явился представитель из Главного политического управления и арестовал его. Таким образом, я уверен, что распоряжение о его аресте поступило из столицы. Через какое-то время стали ходить слухи, что г-н Зайн умер по дороге из Марьевки в Петропавловск. Так он избежал ещё большей боли и страданий, которые иначе непременно ожидали бы его.

Джинāб-и Такāмуль и Заррйн-Тāдж Хāнум вернулись в Ашхабад, где они через какое-то время поженились. Они до сих пор живут там. Г-н Такāмуль служил на протяжении многих лет в разных комитетах бахаи. Он хорошо знал персидский язык и питал большую склонность к литературной работе. Его перу принадлежат несколько статей. Он также собирал истории из жизни бахаи.

О других перечисленных выше людях у меня нет никаких сведений.

Повторный арест некоторых бахаи в Сибири подтверждает предположение о том, что хотя первоначально их арестовали вместе со всеми, однако причина второго ареста была другой.

Перевод ряда бахаи в Марьевку

Примерно через две или три недели после нашего прибытия в совхоз несколько офицеров под командованием представителя из Главного политического управления посетило все фермы в этом совхозе, чтобы определить, кто из иранцев владеет ремеслом каменщика, плотника, маляра и т. д. Специалисты такого профиля им потребовались для строительства муниципального центра в Марьевке. Они составили список тех, кто имел такую квалификацию, и потребовали немедленно отослать их в Марьевку. Поэтому все каменщики, маляры и т. д., а также ряд подсобных рабочих, воспользовались этой возможностью и оставили совхоз. Хвала Богу, все они преуспели на новом месте.

Г-н Мудаббир также был среди этой группы людей. Вскоре он доказал свою квалификацию и был назначен на должность инженера. Благодаря упорному труду, добросовестности, честности и надёжности он постепенно прославился среди людей и стал пользоваться всеобщим уважением. После того, как строительные работы завершились, его оставили на должности служащего муниципалитета. Этот господин, в течение всего срока исполнения своих обязанностей, использовал своё влияние для того, чтобы поддерживать тех бахаи, которые были физически ослаблены и нездоровы. Например, он устроил г-на Нāдира Нйрӯ, поэта-бахаи, класть печи в Марьевке, и выбил для него в муниципалитете книжку талонов, гарантирующую ему ежедневную пайку хлеба, без чего ни один человек не смог бы выжить в то время. Г-н Нйрӯ был болен туберкулёзом, который уже принял запущенную форму, и не мог выполнять тяжёлую работу.

Г-н Мудаббир также оказывал помощь и другим людям.

Когда я встретил г-на Мудаббира в Тегеране, он поведал мне ряд историй, некоторые из которых описывали, в каких грязных местах вынуждены были жить ссыльные бахаи на протяжении многих лет. Такие условия были особенно тяжелы для бахаи, которые были воплощением чистоплотности и аккуратности.

Одним из друзей, принуждённым выносить такую антисанитарию, был Ākā ‘Алй-Асґар Му‘йни. В Ашхабаде он всегда отличался безупречным внешним видом и чистоплотностью. Его белый летний костюм люди узнавали издалека. Имя г-на Му‘йни’ пришло мне на память в связи с такой историей.

Г-н Мудаббир сказал, что как-то раз он отправился из Марьевки на ферму № 4, чтобы набрать несколько работников для работы в Марьевке. Все иранцы, которые работали на совхозных фермах, находились под надзором политотдела. Как только начинала ощущаться нехватка рабочей силы, политотдел давал указание перебросить иранцев из совхоза. Г-на Мудаббира в этом случае посылали как представителя городского совета, чтобы опросить и нанять тех, кого он сочтёт необходимым.

Когда г-н Мудаббир отправился на вышеупомянутую ферму, он увидел там г-на ‘Алй-Асґара Му‘йни и г-на ‘Аббāса-Гулй Джиддй, занятых изготовлением самана (кирпич из глины и соломы). Это очень сложная работа, и обычно в ней требуется лошадь или корова, которых нужно водить по смеси, чтобы они своими копытами перемешивали её и делали однородной. Был уже конец осени, и погода была холодная. Эти двое мужчин босиком стояли в канаве с грязью. Их ноги были покрыты грязью по колено. С преогромным трудом они вытягивали ноги из грязи и погружали их назад, добиваясь полного смешения грязи и соломы. Это была работа, которую непросто выполнить даже с помощью коров. Недостаток еды и её плохое качество, вкуче со сложностью выполняемой ими задачи, привели к тому, что они выглядели как скелеты. У них не было другого выбора, кроме как подчиниться приказу и выполнять то, что было им поручено. В противном случае они бы лишились своего пайка, который состоял из полкило хлеба ежедневно, и были бы обречены на смерть. Г-н Мудаббир продолжил свой рассказ: «Я подошёл поближе и увидел, что их одежда сделана из мешковины, и в ней кишат вши. Количество вшей на их одежде было пугающим, на это невозможно было смотреть без ужаса. Даже сейчас, вспоминая эту сцену, меня мороз подирает по коже».

Г-н Мудаббир смог забрать г-на ‘Алй-Асґара Му‘йни с собой. Через некоторое время представилась возможность уехать в Марьевку и для г-на ‘Аббāса-Кулй Джиддй.

Хорошая новость

Г-н Мудаббир рассказывал, что когда он получил паспорт и визу, начальство той силосной башни, где он перед этим работал, послали его верхом из Марьевки в Петропавловск

в знак своей признательности. Когда он добрался до деревни Боголюбовка, он зашёл домой к директору магазина, принадлежавшего силосной башне. Этот человек сказал г-ну Мудаббиру, что у него работает один иранец, весьма культурный человек, очень искренний и надёжный. Он добавил, что иранец зайдёт повидаться с г-ном Мудаббиром. Вскоре после этого пришёл Āqā сиййид Ридā Армағāнī, брат г-на Муҳаммада-Хусайна Ҷахбā, поприветствовал его словами «Аллах-у-Абха» и представился. Беседа между ними затянулась допоздна. Āqā сиййид Ридā Армағāнī всеми силами пытался убедить г-на Мудаббира, что для Веры будет лучше, если он и другие друзья не станут уезжать в Иран. Он настаивал, что нам следует оставаться в Казахстане и выказывать твёрдость и стойкость, ибо такой путь всегда приводит к ярким результатам. Г-н Мудаббир в конечном итоге сказал ему, что их пребывание в этом месте не приведёт ни к каким результатам, и что в конце концов их мёртвые тела, вместе с трупами всех остальных, упокоятся под сугробами. Āqā сиййид Ридā сказал сердито: «Ты не прав. Всё совсем не так. Хочешь увидеть результат?» Затем он громко выкрикнул какое-то казахское имя. Немедленно появился юноша-казах, сказал «Аллах-у-Абха», пожал г-ну Мудаббиру руку, и с теплотой, столь характерной для восточных людей, поприветствовал его. Āqā Ридā сказал: «Вот результат».

Г-н Мудаббир позже узнал, что этот юноша-казах был высокообразованным человеком. Он был учителем и членом комсомола. Став бахаи, он непоколебимо держался своей веры и служил образцом твёрдости. За это его исключили из комсомола и выгнали с учительской работы. После этого он стал простым рабочим. Г-н Мудаббир спросил его: «Ты не сожалеешь?», на что тот ответил: «Быть рабочим — это ерунда. Я готовлю себя к тюрьме и более жестоким наказаниям».

Эти две истории были рассказаны г-ном Мудаббиром.

Āqā сиййид Ридā Армағāнī

Āqā сиййид Ридā был бахаи из Мары. Он был братом г-на Муҳаммада-Хусайна Ҷахбā. Во имя своей Веры он вынес неопишуемые страдания и трудности. Он был неграмотным человеком (обычно таких называли «уммй»). Однако он питал истинную любовь к Бахаулле и Его Учению. Воистину, он распробовал сладость Божественных стихов. У него была отличная память, и он заучивал наизусть множество отрывков из Писаний. Он неплохо знал Коран и исламские предания. Также он был знаком с Ветхим и Новым Заветами. Кроме того, он обладал несравненным талантом воодушевлять всех окружающих. Когда он встречался с людьми, даже совершенно не интересующимися никакой религией, он зарождал в них желание и энтузиазм исследования истины и возрождал в них чувство духовности, неотъемлемо присущее всякому человеку. Он часто говорил: «Если сила обстоятельств делает для нас невозможным обучать Вере сейчас, то наступит время, когда, по Божиему Изволению, наши истлевшие кости станут учить Делу и пробуждать народ духовно». Он до сих пор живёт в деревне Боголюбовка.

Друзья в Сибири

Те, кто умер в Сибири

Великое множество друзей умерло в Сибири, и их души вознеслись в Царство Абхā. Смерть большинства из них, погибших в течение первого года, была вызвана обычной простудой, которая превращалась в пневмонию. Именно пневмония в некоторых случаях влекла за собой туберкулёз, который потом для некоторых становился причиной смерти в последующие годы. Во время войны и в голодные годы некоторые страдали от недоедания и умирали от истощения. Таким образом, процент бахаи, умерших в Сибири, был очень высок.

Āqā Ḥabībū' llāḫ

Первым бахаи, умершим в Сибири, был Āqā Ḥabībū' llāḫ, садовник ашхабадского Машриқ аль-Азқара. Умер он так.

В тот день, когда нас высадили из поезда в Петухово, многих тут же отослали в назначенные им места изгнания. Однако ряд бахаи остался в Петухово до следующего дня, когда они должны были отправиться на автомобиле в пункт своего назначения. Тем вечером пятеро или шестеро ссыльных решили отправиться в кино. Они хотели таким способом «пощупать воду» и выяснить, действительно ли они свободны, или охранник пойдёт за ними до того места, где они планировали провести вечер. По дороге, то ли от чрезмерной радости, то ли по другой причине, но сердце Ḥabībū' lly не выдержало. С ним произошёл сердечный приступ, и он оставил этот несчастный мир ради бесконечности мира духовного.

‘Алй Ḥān

‘Алй Ḥān, брат хāджй Ḥусайна, был одним из тех бахаи, которые умерли в Сибири. Обстоятельства его смерти были столь необычными и интригующими, что некоторые из мусульман и местных жителей посчитали их чудом,— особенно мусульмане, которые рассказывали эту историю ещё долгое время после его смерти.

‘Алй Ḥān славился своей простотой, свободой от оков этого мира, мягким юмором и безмятежностью. Он обладал редким даром общаться с людьми на их уровне. Вряд ли можно было найти человека, который бы познакомился с ‘Алй Ḥāном и не полюбил его. Даже Баланов, директор политуправления, который был весьма серьёзным и вспыльчивым человеком, едва завидев ‘Алй Ḥāна на улице, салютовал ему, прикладывая руку ко лбу, с такими словами: «Привет, комиссар!» Даже такой человек любил ‘Алй Ḥāна и шутил с ним.

На протяжении всей своей жизни ‘Алй Ḥāн оставался честным и благородным человеком. В течение своего тюремного заключения и изгнания в Сибирь он не задолжал никому даже стакана чая или горячей воды. Он довольствовался тем, что пошлёт ему Бог, и неустанно благодарил Его за это.

В Сибири он жил в съёмном доме вместе с несколькими бахаи и мусульманами. Он зарабатывал себе на жизнь починкой обуви. Местные жители обычно не могли заплатить за эту работу деньгами и рассчитывались натурой — молоком, яйцами, хлебом, иногда маслом. Иными словами, люди предлагали всё, что у них было. Нижеследующая история была рассказана мне г-ном Пильпа и ещё несколькими людьми, жившими с ‘Алй Ḥāном.

Однажды на закате дня девушка, которая обычно приносила ‘Алй Ḥāну на ремонт свою собственную обувь и обувь членов своей семьи, принесла ему пару туфель. Она также принесла два литра молока в бидоне и несколько яиц, и сложила это всё на столе. ‘Алй Ḥāн спросил девушку:

— Ты зачем это на стол складываешь?

— Это для Вас,— ответила та. ‘Алй Ḥāн спросил её:

— Почему?

— Это за починку туфель.

— Но я их сегодня не смогу починить, я займусь этим завтра.

— Я знаю, я не против.

— А если я умру завтра? — спросил Алй Ḥāн.

— Нет, дедушка, Вы не умрёте. Сегодня Вы поедите и попьёте, а завтра я приду и заберу мои туфли.

‘Али Х̄ан заставил девушку забрать молоко и яйца и сказал:

— Я не знаю, буду ли я жив завтра и смогу ли починить твои туфли. Если ты оставишь молоко и яйца сегодня, я их съем и буду тебе должен. Не хочу быть никому должен, когда уйду из этого мира.

Поэтому он отослал девушку вместе с молоком и яйцами домой. В эту ночь ‘Али Х̄ан поужинал и отправился спать, чувствуя себя счастливым и здоровым. На следующее утро он проснулся тоже радостным и счастливым. Он подошёл к стене, чтобы взять какой-то висевший на гвозде предмет, но, протянув руку, внезапно почувствовал боль в животе. Он положил себе руку на живот, согнулся и сел. Друзья через какое-то время подумали, что он ещё не встал, и зашли к нему, чтобы помочь ему в случае необходимости, но увидели, что птица его души вылетела из клетки, оставив это хрупкое тело и соединившись со святыми ангелами в иных мирах.

Эта новость быстро разнеслась по всей деревне. Девушка, которая приносила ему обувь на ремонт предыдущим вечером, услышав эту новость, пробежала 16 км до дома ‘Али Х̄ана, безутешно рыдая. Сквозь слёзы и плач она непрерывно повторяла: «Он был не простым человеком, он был ангелом, нет, он был Самим Христом. Он мне сам вчера сказал, что собирается умереть! Он знал, что ему настало время покинуть этот мир». Множество местных жителей пришло посмотреть в последний раз на него, и многие рассуждали о том, что это чудо.

Я пересказываю этот эпизод не для того, чтобы праздно порассуждать о чуде, но для того, чтобы упомянуть о честности, возвышенности цели, отрешённости и покорности бахаи Воле Божией. Я хочу этим подчеркнуть их полное упование на Бахауллу, Источника их жизни и вдохновения.

‘Али-‘Аскар Ускӯ’й

Ещё одним бахаи, умершим в Сибири, был г-н ‘Али-‘Аскар Ускӯ’й, свёкор г-на ‘Атā’аллāха Қадīmй. В Ашхабаде он был бизнесменом и торговал хрусталём. Он был весьма преданным и набожным человеком. Он воплощал все небесные качества и черты истинного бахаи. В делах он был исключительно честен и правдив.

Мне случилось быть в Марьевке незадолго до его смерти. Однажды рано утром, непосредственно перед моим отъездом, я пошёл повидаться с ним. Он не очень хорошо себя чувствовал, страдая туберкулёзом в запущенной стадии. Он попросил меня позавтракать с ним, вскипятил воду, выложил на стол немного хлеба и с радостью предложил мне единственное яйцо, которое было его едой на весь этот день. Когда он положил передо мной это яйцо и с истинной любовью и искренностью пригласил меня откусать им, меня захлестнули такие чувства, которые невозможно описать словами. Я очистил яйцо от скорлупы, поделил его на две половины, отдал одну ему, а другую съел сам. В своей жизни, как до, так и после этого завтрака, мне приходилось бывать на множестве банкетов и крупных праздников, но никогда не испытывал я такого ощущения внутреннего счастья, блаженства, духовности и дружеской близости, что установились в тот день между мною, гостем этого дома, и его хозяином. Больше я не видел г-на Ускӯ’й, он умер вскоре после нашей встречи.

Умершие в совхозе «Октябрьский»

1. Г-н Нāдир Нйрӯ
2. Г-н Джамāl ад-Дāин Аввалй
3. Г-н Ридā Ридāов, сын Машхадй Акбара
4. Г-н Михдй Даурāнй
5. Г-н Хусайн Даллāk
6. Г-н ‘Али-‘Аскар Ускӯ’й
7. Г-н ‘Али Х̄ан Панāхй
8. Шайх Бахā’й Бушрӯ’й
9. Г-н ‘Абду’л-Хусайн Қассāб
10. Манӯчер, внук ‘Абду’л-Хусайна
11. Г-н Муҳаммад, зять Масйху’ллāха
12. Устāд Насру’ллāх Акбарй
13. Г-н ‘Али-Акбар Каффāш
14. Г-жа Джамйля Аҳгар
15. Г-н Гулām-Хусайн.

Это имена тех, кого я помню. Может быть, было ещё пять или шесть человек.

Список людей, поселившихся в совхозе «Октябрьский»

1. Амйну'ллāх Аҳгар
2. Асад'у'ллāх Ҳалйов
3. Асад'у'ллāх Санā'й
4. Ибрāхйм, зять г-жи Сйнāзāде
5. Асад'у'ллāх Ваххāбов
6. Асад'у'ллāх 'Алйзād
7. Устād Мубйн
8. Устād Насру'ллāх Сулаймāнй
9. Устād Насру'ллāх Акбарй
10. Ибрāхйм Сайсāнй
11. Бахā'у'д-Дйн Āфāқ
12. Бадй'у'ллāх, брат Масйху'ллāха
13. Джалāль Дучархйхсāз (велосипедных дел мастер)
14. Джамāль ад-Дйн Аввалй
15. Джалāль Ҳаварй
16. Забйху'ллāх Пакāзмā
17. Забйху'ллāх Сухайлй
18. 'Абду'л-Ҳāлиқ Ра'йййатй
19. Ридā Ридāев
20. Сиййид Аҳмад Таухйд
21. Сарāдж, сын Машхадй Акбара
22. Сиййид Фатху'ллāх
23. Сухайль
24. Шайх Бахā'й
25. Тарāзу'ллāх Шакйбā'й
26. 'Абду'л-Ҳусайн Шарқй
27. 'Абду'л-Ваххāб Шарқй
28. 'Инāйату'ллāх Йездāнй
29. 'Абду'л-Ҳусайн Қасқāб
30. 'Атāу'ллāх Зайнали
31. 'Абду'л-Ваххāб Акбарй
32. 'Алй-'Аскар Ускўй
33. 'Аббāс-Қулй Джиддй
34. 'Алй-Асғар Нā'й
35. 'Алй-Акбар Каффāш
36. 'Абду'л-Ҳусайн Ҳалйзāде
37. 'Алй Ҳāн Панāхй
38. 'Алй-Асғар Му'йнй
39. 'Абду'л-Ҳусайн Аҳтарй
40. 'Инāйату'ллāх Бāқиров
41. Ғулām-Ҳусайн
42. Ғулām-Ҳусайн Шахрйвар
43. Муҳаммад-'Алй Шахйдй
44. Муҳаммад-Ҳусайн Сāхбā
45. Мйрзā Ҳасан Мудаббир
46. Муҳаммад Āқā Зайн, 'Аккāс (фотограф)
47. Масйху'ллāх
48. Машхадй Ҳусайн Даллāк
49. Муҳаммад-'Алй Ақдасй
50. Маҳмўд Шарқй
51. Михдй Сāмадāнй
52. Михдй Йездй
53. Муҳаммад-Ҳусайн Таджанй
54. Мунйр Асбақй
55. Муҳаммад Нахудбирйз
56. Муҳаммад, зять (муж сестры) Масйху'ллāха
57. Муҳаммад Бушрў'й
58. Мйрзā Хидāйат
59. Мйрзā Қадршинāс

60. Михдї Нāджї
61. Нāдир Нїрӯ
62. Ни‘мату’ллāх Таджанї
63. Нау-Рӯз (стал бахаи уже в Сибири)
64. Ваджїх Қайсарї
65. Муртада, бахаи из среды ‘Алїйу’ллāхї
66. Лақā’ийе Хāнум.

Помимо вышеперечисленных людей, ещё несколько добровольно приняли изгнание и переехали в Сибирь::

1. Анна, жена Амїну’ллы Ағгара
2. Джамия, дочь Амїну’ллы
3. Джамиль, сын Амїну’ллы
4. Рубāбе Хāнум, жена ‘Алї-Акбара Қасқāба;
5. Хāбїбу’ллāх, сын ‘Алї-Акбара
6. Манӯчер, внук ‘Алї-Акбара.

Хотелось бы ещё раз повторить, что этот список включает только те имена, которые я смог вспомнить. Я думаю, что здесь не хватает примерно 15-20 имён.

Бахаи, поселившиеся в Сибири постоянно

После Второй мировой войны некоторые из друзей, сосланных в Сибирь, отправились в Иран, некоторые переехали в разные части Туркестана (так называлась Средняя Азия), а некоторые, по собственному желанию, остались в Сибири, вступили там в брак и натурализовались. Точное количество друзей, живущих там, неизвестно, однако я приведу здесь имена тех из них, кто время от времени посещал Мары и Ашхабад, два главных города с большими общинами бахаи.

Северный Казахстан

Г-н ‘Азїзу’ллāх Сухайлї. г-да Āқā Ваджїх Қайсарї и Муртада, бахаи из среды ‘Алїйу’ллāхї, живут в Марьевке, районном центре Октябрьского района.

Джинāб-и Āқā сийїид Ридā Армағāнї живёт в деревне Боголюбовка и активно обучает Вере.

Г-да сийїид Аҳмад Таухїд и ‘Инāйату’ллāх Раззāқї живут в райцентре Присновке; г-да ‘Атā’аллāх Зайнали, Дїйā, сын Гулāма-‘Алї, и Мақсӯд Хасанов, сын ‘Алї-Акбара Қасқāба, живут в Петропавловске, столице Северного Казахстана.

Та немногая информация, что имеется у меня насчёт Павлодарска, указывает на то, что ‘Алї, сын сийїида Аҳмада Назмї, Мунїр Асбақї, сын Āқā Асад’уллы Аҳмадова, и Кāзим Хāшимї, сын Āқā сийїида ‘Алї Марвї, живут именно там. Несколько бахаи также живёт в Ташкенте, Самарканде, Бухаре и в Таджикистане.

Конфискация архивных материалов

Когда власти арестовывали бахаи, они также конфисковывали принадлежащие им ценные вещи, имеющие архивное значение. Большое количество архивных материалов было конфисковано и в офисе Местного Духовного Собрания бахаи Ашхабада. Я слышал от г-на Басїма, казначея Местного Собрания, что множество важных предметов, в том числе реликвий и архивных материалов, было вывезено из офиса Собрания. Среди них были:

1. Несколько больших и маленьких ковров, принадлежащих возлюбленному Хранителю.
2. Запятнанный кровью плащ джинāба-и хāджї Мухаммада-Риды, мученика, где были видны места всех 32 ножевых ударов, нанесённых ему.
3. Запись голоса Абдул-Баха.
4. Скрижаль Абдул-Баха, явленная в честь Местного Духовного Собрания Ашхабада касательно необходимости укрепления фундамента Машриқ аль-Азкāра в преддверии жестокого землетрясения, которое должно будет произойти.
5. Большое число книг и Писаний бахаи, явленных Абдул-Баха и переписанных рукой Мишкїн Қалама, которые джинāб-и Āқā Мїр ‘Алї-Асғар Вахшӯрї передал на хранение Местному Собранию.

Все эти предметы хранились в Архивах Собрания, конфискованных политическим бюро.

По словам г-на Басйма, джинāб-и Āqā Mīr ‘Алй-Акбар (**вероятно, Асгар?** — *прим перев. с перс.*) Вахшурй умер летом 1938 г. Женщины-бахай похоронили его со всеми почестями, ибо все мужчины были к тому моменту арестованы, а старики депортированы в Иран.

Трагические и горестные события и инциденты, связанные с арестами в Ашхабаде и ссылкой бахаи в Сибирь, очень многочисленны. То, что здесь рассказано,— лишь малый проблеск всего произошедшего. Это то, что мне удалось спасти от ржавчины забвения и раскопать в наслоениях событий прошедших с тех пор 37 лет. Эта летопись — только намёк на то, что произошло, и малая часть общей картины. Уповаю на то, что в будущем исследователи и те, чьё перо будет более красноречивым, чем моё, воспользуются мемуарами, подобными этим, и написанными по более свежим следам событий, и восстановят историю этих бедственных и печальных лет ради будущих поколений, которые захотят узнать об истинном величии твёрдых и стойких верующих, до конца оставшихся верными принципам своей веры, вынесших все мыслимые и немыслимые несчастья и пытки, но не согласившихся с фальшивыми обвинениями против себя,— тех, что отдали свои жизни, но не пошли на компромисс и не позволили принизить свою Веру. Много было стойких верующих, что пожертвовали своими прекрасными душами ради исповедуемой ими Веры, а также тех, кто, хотя и выжил во всех этих трудностях, лишился здоровья.

Прежде, чем завершить этот раздел, я хочу повторить то, что уже сказал в предисловии. Очень может быть, что эти мемуары содержат ошибки. Тем не менее, все инциденты и эпизоды, где упомянуты имена жертв и характер пыток, которым они подвергались, достоверны. Это эпизоды, которые я либо наблюдал лично, либо слышал их описание от очевидцев.

Я не делал особых попыток отредактировать эти мемуары в отношении грамматической правильности или исправить все орфографические ошибки.¹⁷ Поэтому я прошу тех, кто захочет воспользоваться этими мемуарами, не обращать внимания на их недостатки в этой связи. Моей главной целью было описать события так, как они произошли. В исполнении этой задачи мне сильно помогла моя возлюбленная жена Ридвāнйе Гульпāйгāнй, которая была моим спутником на протяжении всей жизни, моим коллегой, моим помощником и источником воодушевления для меня.

Отъезд в Иран

Когда из иранского посольства в Москве прибыл мой паспорт, я решил уехать в Иран. В Нау-Руз 1946 г. я отправился в Марьевку, райцентр Октябрьского района. Там я принял участие в Празднике 19 Дня и встретился с некоторыми из друзей.

Расстояние между Марьевкой и Петропавловском, через который проходила железная дорога, следовало преодолевать на лошади или корове. Некоторые из друзей, обеспокоенные этим моментом, посоветовали мне следующее. Они заметили, что в это время года большое число людей ездит поездом. Следовательно, будет весьма трудно купить билеты. Тем не менее, они посоветовали мне, что как только я доберусь до железнодорожной станции, мне следует найти милиционера из Бадкӯбе по фамилии Зайналов и дать ему 100 рублей, чтобы он достал мне билет. В противном случае, сказали они, я буду ночевать на железнодорожной станции неделю и отдам вора́м всё, что у меня есть.

После недельной поездки верхом я достиг Петропавловска 5 апреля. Там я нашёл себе спутника для поездки — он был мусульманином, таким же иранским ссыльным, только жившим в другом совхозе. После того, как мы получили в Петропавловске нашу российскую визу, мы отправились на железнодорожную станцию и увидели, что она переполнена народом. Там было такое столпотворение, что даже знакомые люди могли с трудом узнать друг друга.

Я знал, что администрация железной дороги обязана оказывать помощь путешествующим иностранцам. Поэтому я отправился в кабинет директора и показал ему свою визу. Он дал мне записку, разрешавшую билетному кассиру выдать нам билеты без очереди.

Когда я увидел своего знакомого, который нашёл Зайналова и договорился о покупке двух билетов за дополнительные 200 рублей, которые следовало отдать этому милиционеру за его услуги, я показал ему записку, полученную от директора. Я подумал, что эта записка поможет Зайналову сделать свою работу быстрее. Когда Зайналов увидел разрешение директора, он отказался принять какую бы то ни было компенсацию. По его словам, с этим разрешением он мог купить десять билетов и заработать на этом много денег.

Был второй день Праздника Ризван, когда милиционер попытался добиться для нас билетов, однако плотная масса народа не позволила ему даже войти в зал, тем более пробиться к кассе и купить билеты. Его неудача произвела на него и на нас самое удручающее впечатление. Затем милиционер чуть-чуть поразмыслил и сказал: «Не волнуйтесь. Я вас посажу на поезд. Вам нужно будет заплатить 25 рублей штрафа. На следующей остановке проводник выдаст вам билеты». С его помощью мы перенесли наш багаж к первому вагону и залезли внутрь. Начальник поезда возмутился тем, что мы так нагло влезли в поезд, и выбросил вон наш багаж. Милиционер пытался доказать, что проводник не имеет права высаживать пассажира, а должен взять с него штраф. Однако проводник был не в настроении выслушивать эти идеи. Милиционер запикивал наш багаж в вагон, а проводник его выбрасывал. В этот момент поезд начал двигаться, и мы слезли на перрон. Когда поезд тронулся, наш последний чемодан вылетел наружу. Всё это нас очень разозлило. Милиционер пообещал нам билеты на следующий день.

На следующий день я пришёл на железнодорожную станцию за час до восхода солнца. Мой компаньон уже стоял в очереди за билетами и ждал меня. Я спросил у него, видел ли он милиционера. Он сказал, что в этом нет необходимости, потому что очередь за билетами совсем небольшая. В этот день мы смогли купить билеты и сели в поезд без малейших проблем. Людей в поезде было не так много. Я задавался вопросом, что произошло с толпами людей, которые так страстно хотели уехать вчера, и куда все они делись? Когда поезд тронулся, мы уселись с комфортом и стали смеяться, вспоминая вчерашнюю неразбериху, как наш багаж заталкивали в поезд, а потом выбрасывали наружу.

Через четыре часа мы достигли места, где по обеим сторонам дороги лежали обломки вагонов, а несколько офицеров вели следствие. Мы спросили, что произошло, и узнали, что поезд, на котором мы думали поехать вчера, сошёл с рельсов. В результате восемь вагонов было сильно повреждено, несколько пассажиров погибло, а милиция теперь расследовала этот инцидент. Можно представить себе, что мы почувствовали, услышав это известие. За день до этого мы всеми силами старались, при поддержке милиционера, поставить свои жизни под угрозу, но Десница Провидения спасла нас от верной смерти.

Аналогичная авария произошла после того, как мы проехали Новосибирск, однако мы пережили её без единой царапины, так что могли на основе собственного примера подтвердить истинность следующего изречения:

Святой Господь меня хранит
Рукой Своей незримой.
Хрустальный храм мой устоит
Под каменной лавиной.

Эти свидетельства нежной заботы и милосердия Божиего привели нас в настроение ещё более смиренное и заставили нас возносить Ему благодарности ещё более горячие. Мы подняли наши руки в мольбе и, в состоянии совершенно неопишемого волнения, возносили молитвы прославления и признательности. Истинное осознание этой духовной силы, пронизывающей всё мироздание, редко когда просыпается у тех, кому не довелось пройти по краю губительной пропасти.

Был третий день Ризвана, когда мы, наконец, оставили Сибирь позади. Когда мы прибыли в Ашхабад, было утро Двенадцатого Дня Ризвана. Сразу же в день приезда я отправился в Машриқ аль-Азқār, превращённый к тому времени в музей. Его величие и красота не изменились, и он по-прежнему вызывал те же духовные ощущения, что и раньше.

После полудня того же дня в доме Хидāйат'лāха Ибрāхīmий состоялось общее собрание друзей в связи с празднованием Двенадцатого Дня Ризвана. Это имя я уже упоминал выше. Я пошёл на эту встречу вместе с Бйбй, т. е. г-жой Гульпāйгāнй (моей тещей). Общее число присутствующих друзей приближалось к сотне. Это была исключительно духовная встреча и незабываемое воссоединение, особенно для таких, как я, столь долго лишённых благословения подобных встреч. На этой встрече мы читали молитвы, играла музыка, однако главными у всех на уме были соображения мудрости и осторожности.

Через пять дней после моего прибытия в Ашхабад, т. е. 7 мая, ко мне домой пришёл милиционер и устно уведомил меня, что я должен явиться в иностранную секцию Отдела внутренних дел к 9:00 утра 9 мая. Я отправился в указанный кабинет точно к назначенному времени. В паспортном бюро я увидел женщину, сидящую за столом директора. Я представился. Она велела мне, достаточно нелюбезно, подождать снаружи, поскольку директор ещё не пришёл. В 11:00 утра та же самая женщина вышла наружу и велела мне заходить, потому что директор пришёл на рабочее место. Я вошёл и увидел человека в гражданской одежде, сидящего за тем же самым столом, что ранее занимала женщина. Одна из пуговиц на его рубашке расстегнулась, и было видно, что под этой рубашкой у него форменная одежда. Стало очевидно, что белая рубашка этого чиновника была призвана замаскировать его истинную принадлежность, но расстегнувшаяся пуговица его выдала. Я удивился, что политотдел не вызвал меня в свою собственную контору, взамен послав представителя в паспортное бюро.

В отличие от женщины, которая разговаривала со мной грубо, это человек весьма вежливо указал мне на стул и предложил сесть. Затем он спросил:

— Вы из Северного Казахстана?

Я ответил утвердительно. Он попросил у меня паспорт. Какое-то время поизучав его, он сказал:

— Мне будет необходимо забрать его у Вас на пару дней и послать запрос в Петропавловск, выдавали они эту визу или нет.

Затем он добавил:

— Не волнуйтесь. Это формальность, которую мы должны выполнить в любом случае.

Помедлив чуть-чуть, он затем спросил:

— Вы бахаи?

Я ответил утвердительно. Он сказал:

— Мне было бы очень интересно, если бы Вы разъяснили мне, что такое вера бахаи.

Он немедленно добавил:

— Это, конечно, не имеет ничего общего с тем официальным делом, ради которого Вы здесь находитесь. Официальные дела на сегодня закончены. Я лично хотел бы лучше познакомиться с Вашим вероисповеданием.

Я ответил:

— Вы, несомненно, лучше меня знакомы с принципами веры бахаи.

В этот день наш разговор о Вере не пошёл дальше этой стадии. Либо у него не было времени, либо не в его интересах было обсуждать далее этот предмет со мной в тот день. Он сказал мне, что я могу идти, и попросил явиться сюда же вновь завтра в 11:00 утра.

На следующий день я опять предстал перед ним в назначенное время. Он весьма вежливо, извиняющимся тоном сказал, что ответа пока не было. Он предложил мне присесть, чтобы мы могли побеседовать. Манера его речи, то, какие темы он настойчиво поднимал, а также тот факт, что он неоднократно повторял некоторые вопросы, всё это убедило меня, что его подлинной целью является разговор о Вере. Он просто искал повода открыто обсудить со мной вопросы Веры. Наконец, 11 мая, то есть через три дня после того, как меня вызвали на первый допрос, он понял, что я не собираюсь играть по его правилам и попадаться на его провокации, поэтому он прямо с порога сказал мне:

— Я слышал, что Вы получили от Шоги Эффенди сообщение длиной в 100 страниц. Я очень хотел бы увидеть это сообщение, или, по крайней мере, получить о нём какую-то информацию.

Я ответил:

— Мне ничего не известно о таком сообщении. Если такое сообщение существует, наверняка у Вас уже имеется его экземпляр.

На протяжении примерно часа он расспрашивал меня касательно этого послания. Поскольку я ничего не знал о нём, я сказал ему, что ничем не могу помочь. Когда я прибыл в Мешхед, я догадался, что этот офицер говорил о «Лаух-и Қарн», послании Шоги Эффенди на персидском языке, где анализировались первые 100 лет истории веры бахаи.¹⁸ Однако бахаи Ашхабада в то время не были осведомлены о нём.

Когда я виделся с этим офицером в последующие дни, он упорно задавал мне вопросы, под различными предлогами, насчёт этого послания Шоги Эффенди. Он вновь и вновь твердил: «Почему это сообщение до вас не дошло? Как вы можете ничего не знать о его содержании, наверняка оно весьма значимо для вас?» Как только заходила речь об этом послании, он утрачивал сдержанность и контроль над собой. Иногда он даже говорил с гневом и использовал грубые слова, так что у него на шее вздувались вены. В такие моменты я ожидал, что вот-вот услышу грохот его кулака по столу.

Манера допроса натолкнула меня на мысль о том, почему именно меня не стали вызывать в само политбюро. Поскольку они знали, что мой прошлый опыт взаимодействия с этим учреждением был весьма неприятным для меня и наверняка ожесточил моё сердце, они боялись, что мой скептицизм касательно их честности помешает им получить ту информацию, которая была им так нужна. Следовательно, они решили завоевать моё доверие и получить через меня экземпляр послания Шоги Эффенди, которое, как они думали, есть у бахаи Ашхабада,— или, по крайней мере, чтобы я рассказал его содержание. Это послание, видимо, вселило трепет и тревогу в сердца властей. Как только офицер заводил речь об этом послании, он, несмотря на все свои попытки, не мог скрыть признаков страха и беспокойности.

В течение тех нескольких дней, что мне пришлось встречаться с этим офицером, бахаи и друзья, которые знали об этих встречах, очень волновались за меня, поскольку вызывать на допрос гражданина Ирана, направляющегося в свою страну, было беспрецедентным событием. Через шесть дней допросов, которые совершенно меня вымотали, я уже не сомневался, что причиной их было именно жгучее желание органов узнать содержание вышеупомянутого послания возлюбленного Хранителя, насчёт которого до них доходили только смутные слухи, так что их обуревали страх и паника.

Наконец, в 10:00 утра 14 мая 1946 г. указанный офицер вернул мне мой паспорт. В тот же день я отправился в Иран на грузовике, перевозившем сахар-кандис. Было примерно 12:00 часов (**полдень или полночь?** — прим. перев. с перс.) того же дня, когда я добрался до Ирана.

В Иране Бахаулла продолжал щедро, хотя и незаслуженно, осыпать меня Своими дарами. При заботливой поддержке таких бахаи, как г-н Фурутан, через какое-то время назначенный Десницей Дела Божиего, я вскоре устроился на государственную службу. Излияния Божественных щедрот пришли мне на помощь и помогли мне быстро продвинуться по работе, позволив мне уйти на пенсию пораньше, несмотря на возражения со стороны моих начальников. Вскоре после этого моя дочь, Нāхйд, которая с энтузиазмом искала возможности поехать пионером, оставила Иран и отправилась служить Вере за границей. Через какое-то время, благодаря жертвенным усилиям моей жены, мы тоже отправились на наш пионерский пост. Непрестанно изливалась на нас Божия поддержка, хотя мы ничем не заслужили такого благоволения. Мы даже сумели совершить паломничество к Святым Гробницам, что почитают своим высшим желанием даже самые святые люди.

Асад‘у‘ллāх ‘Алйзād

Октябрь 1973 г.

Примечания

¹ Член Всемирного Дома Справедливости с 1963 г., когда этот институт, высочайший орган в вере бахаи, был впервые выбран представителями всех бахаи мира.

² В своих мемуарах г-н 'Албзбд сообщает, что он работал в электрической компании Ашхабада.

³ Ссылка на Ашхабад, который по-персидски произносится и пишется как 'Иштлббд (Город Любви).

⁴ Юг Советского Союза часто называли Туркестаном, то есть «Местом, где живут турки».

⁵ Первым пионером в Ашхабаде был джинāб-и мйрзā 'Абд аль-Карйм-и Ардабйлй, поселившийся там в 1297 г. хиджры (ок. 1880 г. от Р. Х.). В 1306 г. (ок. 1889 г. от Р. Х.) иранские шииты, жившие в Ашхабаде, по наущению своих религиозных лидеров напали на джинāба-и хāджй Мухаммада Ридāй-и-Исфahāнй, преданного бахаи, известного своей честностью и набожностью, и убили его.

Правительственные органы арестовали убийц и приговорили двоих к смертной казни, а двоих к пожизненному заключению. Ашхабадская община, пользовавшаяся доверием правительства, ходатайствовала за них. С их согласия приговоры были смягчены,— те, кто обвинялся в убийстве при отягчающих обстоятельствах, были приговорены к пожизненному заключению. Этот инцидент укрепил престиж веры бахаи в России, и бахаи, прославившиеся верностью правительству и законопослушностью, обрели защиту и поддержку.

⁶ Сйнā — псевдоним джинāб-и хāджй сиййида Исмā'йла, который родился в одном из пригородов Саде, что в Исфахане, в 1264 г. хиджры. Он и его старший брат, взявший псевдоним Наййир, приняли Веру при Абдул-Баха. Эти два брата прославились своим замечательным служением Вере, а также своими поэтическими дарованиями.

⁷ Этот тип головного убора появился в Иране во времена правления шйхa Рибы Пахлави и стал известен поэтому как «кулбх-и пахлави».

⁸ Согласно биографии джинб-и Сднб, содержащейся в «Матббдш-и Хидбйат», 1:93-172, у джинб-и Сднб было трое детей,— двое сыновей и одна дочь. Его дочь звали Багум-сиййид, и все они приняли фамилию Сднбзде.

⁹ Известная персидская пословица гласит: «Хоть лапка саранчи для царя Соломона не самый полезный подарок, но для хилого муравья это великая жертва». Эта пословица подчёркивает значимость героических и жертвенных поступков, совершаемых людьми скромных возможностей.

¹⁰ Название древнего города в провинции Хорасан, на северо-востоке Ирана.

¹¹ Название древнего города в провинции Хузистан, в южной части Ирана.

¹² «Скрижали Бахауллы», стр. 64

¹³ «Айат аль-курсд» — стих из Корана, читаемый некоторыми мусульманами перед отходом ко сну, а также в пугающих и трудных ситуациях.

¹⁴ Д-р Шабкатис жил в Ашхабаде в доме джинб-и алб Мдрзы Кзчака, отца братьев оадмд, которые в то время жили в Иране.

¹⁵ Когда в Тегеране при династии Сафавидов началось активное строительство, некоторые районы стали использоваться в качестве мусорных свалок и были заброшены. Одним из таких мест был Чзле Майдвн, где стал собираться всякий городской сброд.

¹⁶ Через несколько месяцев после моего изгнания в Сибирь политотдел прислал туда мой паспорт с истёкшим сроком действия и шесть фотографий, сделанных в тюрьме.

¹⁷ Имеется в виду оригинал рукописи на персидском языке.

¹⁸ Сокращённая версия книги Шогй Эффенди «Бог проходит рядом» (*God Passes By*), переведённая самим Хранителем на персидский язык специально для иранских бахаи.